

ДЖЕФФРИ ЧОСЕР

Кентерберийские рассказы

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЖЕФФРИ ЧОСЕР

Кентерберийские рассказы

Перевод с английского

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

Москва

ЭКСМО
2007

Перевод с английского *И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой*

Предисловие и примечания *И. Кашкина*

Дополнения к примечаниям *Т. Поповой*

Оформление серии художника *А. Бондаренко*

Иллюстрации *В. Рассела Флинта*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты
работ *Д. Мэклайза, Д. Милло, Ф. Брауна*

Чосер Дж.

Ч-75 Кентерберийские рассказы / Джекфри Чосер; [пер. с англ.
И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой; предисл., примеч.
И. Кашкина; доп. к примеч. Т. Поповой]. – М.: Эксмо, 2007. –
768 с.: ил. – (Библиотека Всемирной Литературы).

ISBN 978-5-699-24418-8

Джеффри Чосер, крупнейший представитель средневековой литературы, своими «Кентерберийскими рассказами» заложил фундамент всей английской литературы. Пестрая компания из 29 мужчин и женщин с разных концов Англии – людей разных возрастов, социального положения и темперамента – отправляется из Лондона в Кентербери ко гробу святого Томаса Беккета. Чтобы скрасить долгую дорогу, паломники рассказывают свои истории. Рассказы пилигримов перемежаются комическими ситуациями, которые подстерегают их в пути и во время ночлега, путники обсуждают услышанное, спорят, горячатся и радуются жизни.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-24418-8

© Предисловие, перевод, примечания
И. Кашкина. Наследники, 2007
© Перевод, примечания. Т. Попова, 2007
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

И. Кашкин
Джеффри Чосер

9

КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

Общий пролог. *Перевод И. Кашкина*
45

Рассказ Рыцаря. *Перевод О. Румера*
71

Пролог Мельника. *Перевод И. Кашкина*
133

Рассказ Мельника. *Перевод И. Кашкина*
136

Пролог Мажордома. *Перевод И. Кашкина*
158

Рассказ Мажордома. *Перевод И. Кашкина*
161

Пролог Повара. *Перевод И. Кашкина*
174

Рассказ Повара. *Перевод И. Кашкина*
176

Общий пролог

*Здесь начинается книга
Кентерберийских рассказов*

Когда Апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля
Набухли жилки той весенней силой,
Что в каждой роще почки распустила,
А солнце юное в своем пути
Весь Овна знак успело обойти,
И, ни на миг в ночи не засыпая,
Без умолку звенели птичьи стаи,
Так сердце им встревожил зов весны,
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы
Моцам заморским снова поклониться
Стремились истово; но многих влек
Фома Бекет, святой, что им помог
В беде иль исцелил недуг стариинный,
Сам смерть прияв, как мученик безвинный.
Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню “Табард”, в Соуерке, свой путь
Свершая в Кентербери по обету;
Здесь ненароком повстречал я эту
Компанию. Их двадцать девять было.

Цель общая в пути соединила
Их дружбою; они — пример всем нам —
Шли поклониться праведным мощам.

Конюшен, комнат в “Табарде” немало,
И никогда в нем тесно не бывало.
Едва обильный ужин отошел,
Как я уже со многими нашел
Знакомых общих или подружился
И путь их разделить уговорился.

И вот, покуда скромный мой рассказ
Еще не утомил ушей и глаз,
Мне кажется, что было бы уместно
Вам рассказать все то, что мне известно
О спутниках моих: каков их вид,
И звание, и чем кто знаменит
Иль почему в забвенье пребывает;
Мой перечень пусть Рыцарь открывает.

Тот Рыцарь был достойный человек.
С тех пор как в первый он ушел набег,
Не посрамил он рыцарского рода;
Любил он честь, учтивость и свободу;
Усердный был и ревностный вассал,
И редко кто в стольких краях бывал.
Крещеные и даже басурмане
Признали доблести его во брани.

Он с королем Александрию брал,
На орденских пирах он восседал
Вверху стола, был гостем в замках прусских,
Ходил он на Литву, ходил на русских,
А мало кто — тому свидетель Бог —
Из рыцарей тем похвалиться мог.
Им в Андалузии взят Алжезир
И от неверных огражден Алжир.
Был под Лайасом он и Саталией
И помогал сражаться с Бельмариеей.
Не раз терпел невзгоды он и горе
При трудных высадках в Великом море.

Он был в пятнадцати больших боях;
В сердца язычников вселяя страх,
Он в Тремиссене трижды выходил
С неверным биться, — трижды победил.
Он помогал сирийским христианам
Давать отпор насильникам-османам,
И заслужил повсюду почесть он.
Хотя был знатен, все ж он был умен,
А в обхожденье мягок, как девица;
И во всю жизнь (тут есть чему дивиться)
Он бранью уст своих не осквернял —
Как истый рыцарь, скромность соблюдал.

А что сказать мне об его наряде?
Был конь хороший, но сам он не параден;
Потерт кольчугой был его камзол,
Пробит, залатан, в пятнах весь подол.
Он, возвратясь из дальнего похода,
Тотчас к мощам пошел со всем народом.

С собой повсюду сына брал отец.
Сквойр был веселый, влюбчивый юнец
Лет двадцати, кудрявый и румянный.
Хоть молод был, он видел смерть и раны:
Высок и строен, ловок, крепок, смел,
Он уж не раз ходил в чужой предел;
Во Фландрии, Артуа и Пикардии
Он, несмотря на годы молодые,
Оруженосцем был и там сражался,
Чем милостей любимой добивался.

Стараньями искусственных дамских рук
Наряд его расшит был, словно луг,
И весь искрился дивными цветами,
Эмблемами, заморскими зверями.
Весь день играл на флейте он и пел,
Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.
Он ярок, свеж был, как листок весенний.

Был в талию камзол, и по колени
Висели рукава. Скакал он смело
И гарцевал, красуясь, то и дело.
Всю ночь, томясь, он не смыкал очей
И меньше спал, чем в мае соловей.

Он был приятным, вежливым соседом:
Отцу жаркое резал за обедом.

Не взял с собою рыцарь лишних слуг,
Как и в походах, ехал он сам-друг.
С ним Йомен был, — в кафтане с капюшоном;
За кушаком, как и наряд, зеленым
Торчала связка длинных, острых стрел,
Чьи перья йомен сохранять умел, —
И слушалась стрела проворных рук.
С ним был его большой могучий лук,
Отполированный, как будто новый.

Был йомен кряжистый, бритоголовый,
Студеным ветром, солнцем опален,
Лесной охоты ведал он закон.
Наручен пышный стягивал запястье,
А на дорогу из военной снасти
Был меч и щит и на боку кинжал;
На шее еле серебром мерцал,
Зеленою перевязью скрыт от взора,
Истертым лицом святого Христофора.
Висел на перевязи турий рог —
Был лесником, должно быть, тот стрелок.

Была меж ними также Аббатиса —
Страж знатных послушниц и директриса.
Смягчала хлад монашеского чина
Улыбкой робкою мать Эглантина.
В ее устах страшнейшая хула
Звучала так: “Клянусь святым Элуа”.
И, вслушиваясь в разговор соседний,
Все напевала в нос она обедню;
И по-французски говорила плавно,
Как учат в Стратфорде, а не забавным

Парижским торопливым говорком.
Она держалась чинно за столом:
Не поперхнется крепкою наливкой,
Чуть окуная пальчики в подливку,
Не оботрет их о рукав иль ворот.
Ни пятнышка вокруг ее прибора.
Она так часто обтирала губки,
Что жира не было следов на кубке.
С достоинством перед свой выжидала,
Без жадности кусочек выбирала.
Сидеть с ней рядом было всем приятно —
Так вежлива была и так опрятна.
Усвоив нрав придворных и манеры,
Она и в этом не теряла меры
И возбуждать стремилась уваженье,
Оказывая грешным снисхожденье.
Была так жалостлива, сердобольна,
Боялась даже мышке сделать больно
И за лесных зверей молила небо.
Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.
И все нет-нет — игуменъя заплачет:
Тот песик околел, того прибили —
Не все собак игумены любили.

Искусно сплоенное покрывало
Высокий, чистый лоб ей облегало.
Точеный нос, приветливые губки
И в рамке алоей крохотные зубки,
Глаза прозрачны, серы, как стекло, —
Все взор в ней радовало и влекло.
Был ладно скроен плащ ее короткий,
А на руке коралловые четки
Расцвечивал зеленый малахит.
На фермуаре золотой был щит
С короной над большою буквой “А”,
С девизом: “Amor vincit omnia”¹.

¹ “Любовь все покоряет” (лат.).

Была Черница с нею для услуги
 И трое Капелланов; на досуге
 Они вели с Монахом важным спор.
 Монах был монастырский ревизор.
 Наездник страстный, он любил охоту
 И богомолье – только не работу.
 И хоть таких монахов и корят,
 Но превосходный был бы он аббат:
 Его конюшню вся округа знала,
 Его уздачка пряжками бренчала,
 Как колокольчики часовни той,
 Доход с которой тратил он, как свой.

Он не дал бы и ломаной полушки
 За жизнь без дам, без псаарни, без пирушки.
 Веселый нравом, он терпеть не мог
 Монашеский томительный острог,
 Устав Маврикия и Бенедикта
 И всякие прескрипты и эдикты.
 А в самом деле, ведь монах-то прав,
 И устарел суровый сей устав:
 Охоту запрещает он к чему-то
 И поучает нас не в меру круто:
 Монах без кельи – рыба без воды.
 А я большой не вижу в том беды.
 В конце концов монах – не рак-отшельник,
 Что на спине несет свою молельню.
 Он устрицы не даст за весь тот вздор,
 Который проповедует приор.
 Зачем корпеть средь книг иль в огороде,
 Зачем тощать наперекор природе?
 Труды, посты, лишения, молитвы –
 На что они, коль есть любовь и битвы?
 Пусть Августин печется о спасенье,
 А братии оставит прегрешенья.
 Был наш монах лихой боец, охотник.
 Держал борзых на псаарне он две сотни:
 Без травли псовой нету в жизни смысла.

Он лебедя любил с подливкой кислой.
 Был лучшей белкой плащ его подбит,
 Богато вышит и отлично сшит.
 Застежку он, как подобает франтам,
 Украшив золотым “любовным бантом”.
 Зеркальным шаром лоснилась тонзура,
 Свисали щеки, и его фигура
 Вся оплыла; проворные глаза
 Запухли, и текла из них слеза.
 Вокруг его раскормленного тела
 Испарина, что облако, висела.
 Ему завидовал и сам аббат –
 Так представителен был наш прелат.
 И сам лицом упитанный, румяный,
 И сапожки из лучшего сафьяна,
 И конь гнедой, артачливый на вид.
 С ним рядом ехал прыткий КАРМЕЛИТ.
 Брат сборщик был он – важная особа.
 Такою лестью вкрадчиво кто бы
 Из братии столько в кружку мог добыть?
 Он многим девушкам успел пробить
 В замужество путь, приданым одаря;
 Крепчайшим был столпом монастыря.
 Дружил с франклинями он по округе,
 Втирался то в нахлебники, то в други
 Ко многим из градских почтенных жен;
 Был правом отпущеня наделен
 Не меньшим, говорил он, чем священник,
 Ведь Папой скреплено то отпущенье.
 С приятностью монах исповедал,
 Охотно прегрешенья отпускал.
 Епитимья его была легка,
 Коль не скучилась грешника рука.
 Ведь щедрые на церковь приношенья –
 Знак, что замолены все прегрешенья,
 И, покаянные дары прияяв,
 Поклялся б он, что грешник чист и прав.

“Иные, мол, не выдавят слезы
И не заставят каяться язык,
Хотя бы сердцем тайно изнывали
И прегрешений скверну сознавали.
Так, чтоб избегнуть плача и поста,
Давай щедрее — и душа чиста”.

Он в капюшоне, для своих подружек,
Хранил булавок пачки, ниток, кружев.
Был влюблчив, говорлив и беззаботен.
Умел он петь и побренчать на роте.
Никто не пел тех песен веселей.
Был телом пухл он, лилии белей.
А впрочем, был силач, драчун изрядный,
Любил пиров церемониал парадный.
Трактирщиков веселых и служанок
И разбитных, дебелых содержанок.
Возиться с разной вшивой беднотою?
Того они ни капельки не стоят:
Заботы много, а доходов мало,
И норову монаха не пристало
Водиться с нищими и бедняками,
А не с торговцами да с богачами.

Коль человек мог быть ему полезен,
Он был услужлив, ласков и любезен.
На откуп отпущения он брал,
К стадам своим других не подпускал.
Хоть за патент платил в казну немало,
Но сборами расходы покрывал он.
Так сладко пел он “In principio”¹
Вдове разутой, что рука ее
Последнюю полуушку отдавала,
Хотя б она с семьею голодала.
Он, как щенок, вокруг нее ревился:
Такой, да своего бы не добился!
В судах любви охотно он судил,

И приговоры брат сей выносил
Так, словно был он некий кардинал.
Он рясою своею щеголял —
Не вытертой монашеской ряднины,
А лучшего сукна, и пелерина
Вокруг тверда, как колокол, торчала.
Чуть шепелявил он, чтобы звучала
Речь английская слаще для ушей.
Он пел под арфу, словно соловей,
Прищурившись умильно, и лучи
Из глаз его искрились, что в ночи
Морозной звезды. Звался он Губертом.

Купец с ним ехал, подбоченясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком
Да бороду. Он толковал о том,
Как получать, как сберегать доходы.
Он требовал, чтоб охранялись воды
В пути из Миддлбурга в Оруэлл.
Он курс экую высчитывать умел
И знатно на размене наживался
И богател, а то и разорялся,
Но ото всех долги свои скрывал.
Охотно деньги в рост купец давал,
Но так искусно вел свои расчеты,
Что пользовался ото всех почетом.
Не знаю, право, как его зовут.

Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой.
Он ни прихода не сумел добить,
Ни службы канцелярской. Выносить

¹ “В начале бе [слово]” — Евангелие от Иоанна.

Нужду и голод приучился стойко.
Полено клал он в изголовье койки.
Ему милее двадцать книг иметь,
Чем платье дорогое, лютню, снедь.
Он негу презирал сокровищ тленных,
Но Аристотель — кладезь мыслей ценных
Не мог прибавить денег ни гроша,
И клерк их клянчил, грешная душа,
У всех друзей и тратил на ученье
И ревностно молился о спасенье
Тех, щедрости которых был обязан.
К науке был он горячо привязан.
Но философия не помогала
И золота ни унца не давала.
Он слова лишнего не говорил
И слог высокий мудрости любил —
Короткий, быстрый, искренний, правдивый;
Он сыгт был жатвой с этой тучной нивы.
И, бедняком предпочитая жить,
Хотел учиться и других учить.

Был с ними важный, чопорный Юрист.
Он, как искусный, тонкий казуист,
На паперти был очень уважаем
И часто на объезды назначаем.
Имел патент он на свои права.
И ширилась о нем в судах молва.
Наследство от казны он ограждал,
В руках семьи именье сохранял.
Клиенты с "мантией" к нему стекались;
Его богатства быстро умножались.
Не видел свет стяжателя такого,
И все ж о нем не слышали дурного.
Ведь сколько б взяток ни дал виноватый —
Он оправдать умел любую плату.
Работник ревностный, пред светом целым —
Не столько был им, сколько слыть умел им.
Он знал законы со времен Вильяма

И обходил — уловкой или прямо —
Любой из них, но были неоспорны
Его решения. Он носил узорный
Камзол домашний с шитым пояском.
Пожалуй, хватит говорить о нем.
С ним разговаривал, шутя, Франклин.
Не знал он отроду, что значит сплин.
Не мог бы он на жизнь коситься хмуро —
Был в том достойным сыном Эпикура,
Сказавшего, что счастлив только тот,
Кто, наслаждаясь, весело живет.
Белее маргаритки борода
Была холеная. И не вода —
Вино с утра седины обмывало,
Когда на завтрак в чашу хлеб макал он.
Франклин хозяином был хлебосольным,
Святым Юльяном слыл он сердобольным:
Всегда его столы для всех накрыты,
А повара и вина знамениты.
Жара ль стоит, иль намело сутробы —
Он стол держал для всех погод особый.
Был у него в пруду садок отличный
И много каплунов и кур на птичне.
И горе повару, коль соус пресен,
И мажордому, если стол чуть тесен.
На сессиях франклин держался лордом,
В парламенте отстаивал он гордо
Свои права, обиды не спускал,
Не раз в палате графство представлял.
Он выделялся дорогим нарядом:
На белом поясе висели рядом
Богатый нож и шитый кошелек,
А в нем заморский шелковый платок.
Он был шериф и пени собирал,
Ну, словом, образцовый был вассал.

Красильщик, Плотник, Шапочник и Ткач,
Обойщик с ними — не пускались вскачь,

Но с важностью, с сознанием богатства,
В одежде пышной цехового братства
Могучего, молясь все время Богу,
Особняком держались всю дорогу.
Сукно добротное, ножи в оправе –
Не медной, а серебряной. Кто равен
Богатством, мудростью таким мужам
Совета и почтенным старшинам,
Привыкнувшим к труду, довольству, холе?
Они не тщетно заседать в Гилдхолле
Надеялись – порукой был доход.
Заслуги, честность, возраст и почет.
И жены помогали в том мужьям,
Чтоб только величали их “мадам”,
Давали б в церкви место повидней
И разрешали б шлейф носить длинней.

Они с собою Повара везли,
Чтоб он цыплят варил им, беф-буйи,
И запекал им в соусе румянном
С корицей пудинги иль с майораном.
Умел варить, тушить он, жарить, печь;
Умел огонь как следует разжечь;
Похлебку он на славу заправлял;
Эль лондонский тотчас же узнавал.
Но в нем болезнь лихая уgnездилась –
Большая язва на ноге гноилась.
Жаль, вкусные изготавлял он яства.

Был Шкипер там из западного графства.
На кляче тощей, как умел, верхом
Он восседал; и до колен на нем
Висел, запачканный дорожной глиной,
Кафтан просторный грубой парусины;
Он на шнурке под мышкою кинжал
На всякий случай при себе держал.
Был он поистине прекрасный малый
И грузов ценных захватил немало.
Лишь попадись ему купец в пути,

Так из Бордо вина не довезти.
Он с совестью своею был говорчив
И, праведника из себя не корча,
Всех пленников, едва кончался бой,
Вмig по доске спроваживал домой.
Уже весной он был покрыт загаром.
Он брался торговать любым товаром
И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все течения, любой маяк
Мог различить, и отмель, и утес.
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его; он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.
Корабль он вел без карт и без промера
От Готланда до мыса Финистера,
Все камни знал Бретонских берегов,
Все входы бухт испанских и портов;
Немало бурь в пути его встречало
И выцветшую бороду трепало;
От Гулля и до самой Картахены
Все знали капитана “Маделены”.

Был с нами также Доктор медицины.
С ним в ремесле врачебном ни единий
Врач лондонский соперничать не мог;
К тому ж он был искусный астролог;
Он, лишь когда звезда была в зените,
Лечил больного; и, связав все нити
Его судеб, что гороскоп дает,
Болезней он предсказывал исход, –
Выздорвления иль смерти сроки.
Прекрасно знал болезней он истоки:
Горяч иль холоден, мокр или сух
Больного нрав, а значит, и недуг.
Как только он болезнь определял,
Он тотчас же лекарство назначал,
А друг аптекарь эту рецептуру
Вмig обращал в пилюли и микстуру.

Они давно тем делом занимались.
И с помощью взаимной наживались.
Ученостью и знанием был богат он.
Он Эскулапа знал и Гиппократа,
Диоскорида, Цельса, Гильбертина,
Знал Руфа, Аверроиса, Константина,
Дамаскина, Гали и Галиена,
Знал Авиценну, также Гатисдена.
Был осмотрителен, во всем умерен,
Раз навсегда своей диете верен:
Питательный, но легкий рацион.
В Писании не очень был силен.
Носил малиновый и синий цвет,
И шелковый был плащ на нем надет.
А впрочем, тратился он неохотно,
Со дней чумы сберег мешочек плотный;
И золото — медикамент целебный —
Хранил, должно быть, как припас лечебный.

А с ним болтала Батская ткачиха,
На иноходце восседая лихо;
Но и развязностью не скрыть греха —
Она была порядочно глуха.
В тканье была большая мастерица —
Ткачихам гентским впору подивиться.
Благотворить ей нравилось, но в храм
Пред ней протиснись кто-нибудь из дам,
Вмиг забывала, в яростной гордыне,
О благодушии и благостище.
Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь, сразу десять,
И все из шелка иль из полотна;
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна.
Лицом бойка, пригожа и румяна,
Жена завидная она была
И пятерых мужей пережила,
Гурьбы дружков девичьих не считая

(Вокруг нее их увивалась стая).
В Булонь и в Бари, в Кельн, в Сантьяго, в Рим
И трижды в град святой — Иерусалим —
Ходила на поклон святым мощам,
Чтобы утешиться от горя там.
Она носила чистую косынку;
Большая шляпа, формой что корзинка,
Была парадна, как и весь наряд.
Дорожный плащ обтягивал ей зад.
На башмачках она носила шпоры,
Любила шутки, смех и разговоры
И знала все приманки и коварства
И от любви надежные лекарства.

Священник ехал с нами приходской,
Он добр был, беден, изнурен нуждой.
Его богатство — мысли и дела,
Направленные против лжи и зла.
Он человек был умный и ученый,
Борьбой житейской, знанием закаленный.
Он прихожан Евангелью учил
И праведной, простою жизнью жил.
Был добродушен, кроток и прилежен
И чистою душою безмятежен.
Он нехотя проклятию предавал
Того, кто десятину забывал
Внести на храм и на дела прихода.
Зато он сам из скучного дохода
Готов был неимущих наделять,
Хотя б пришлось при этом голодать.
Воздержан в пище был, неприхотлив,
В несчастье тверд и долготерпелив.
Пусть буря, град, любая непогода
Свирапствует, он в дальний край прихода
Пешком на ферму бедную идет,
Когда больной иль страждущий зовет.
Примером пастве жизнь его была:
В ней перед проповедью шли дела.

Ведь если золота коснулась ржа,
 Как тут железо чистым удержать?
 К чему вещать слова евангелиста,
 Коль пастырь вшив, а овцы стада чисты?
 Он не держал прихода на оброке,
 Не мог овец, коснеющих в пороке,
 Попу-стяжателю на откуп сдать,
 А самому в храм лондонский сбежать:
 Там панихиды петь, служить молебны,
 Приход добыть себе гильдейский, хлебный.
 Он оставался с паствою своей,
 Чтоб не ворвался волк в овчарню к ней.
 Был пастырь добрый, а не поп наемный;
 Благочестивый, ласковый и скромный,
 Он грешных прихожан не презирал
 И наставление им преподавал
 Не жесткое, надменное, пустое,
 А кроткое, понятное, простое.
 Благим примером направлял их в небо
 И не давал им камня вместо хлеба.
 Но коль лукавил грешник закоснелый,
 Он обличал его в глаза и смело
 Епитимью на лордов налагал.
 Я лучшего священника не знал.
 Не ждал он почестей с наградой купно
 И совестью не хвастал неподкупной;
 Он слову Божью и святым делам
 Учил, но прежде следовал им сам.

С ним ехал Пахарь – был ему он брат.
 Терпеньем, трудолюбием богат,
 За век свой вывез в поле он навоза
 Телег немало; зноя иль мороза
 Он не боялся, скромен был и тих
 И заповедей слушался святых,
 Будь от того хоть прибыль, хоть убыток,
 Был рад соседа накормить досыта,
 Вдовице брался землю запахать:

Он ближнему старался помогать.
 И десятину нес трудом иль платой,
 Хотя имел достаток небогатый.
 Его штаны кругом в заплатах были.
 На заморенной ехал он кобыле.

И Мельник ехал с ними – ражий малый,
 Костиный, узловатый и бывалый.
 В кулачных схватках всех он побеждал
 И приз всегда – барана – получал.
 Был крепок он и коренаст, плечом
 Мог ставню высадить, вломиться в дом.
 Лишь подзадорь – и, разъярясь, как зверь,
 Сшибить он с петель мог любую дверь.
 Лопатой борода его росла
 И рыжая, что лисий мех, была.
 А на носу, из самой середины,
 На бородавке вырос пук щетины
 Такого цвета, как в ушах свиньи;
 Чернели ноздри, будто полыни;
 Дыханье грудь натужно раздувалось,
 И пасть, как устье печки, разевалась.
 Он бабник, балагур был и вояка,
 Кощун, охальник, яростный гуляка.
 Он слыл отчаянным лгуном и вором:
 В мешок муки умел подсыпать сора
 И за помол тройную плату взять.
 Но мельник честный – где его сыскать?
 Взял в путь он меч и щит для обороны;
 В плаще был белом с синим капюшоном.
 Он на волынке громко заиграл,
 Когда поутру город покидал.

Был рядом с ним, удачливый во всем,
 Судейского подворья Эконом.
 На всех базарах был он знаменит:
 Наличными берет он иль в кредит
 Всегда так ловко бирки он сочтет,
 Что сливки снимет и свое возьмет.

Не знак ли это благости Господней,
Что сей невежда Богу был угодней
Ученых тех, которых опекал
И за чей счет карман свой набивал?

В его подворье тридцать клерков жили,
И хоть меж них законоведы были,
И даже было среди них с десяток
Голов, достойных ограждать достаток
Знатнейшего во всей стране вельможи,
Который без долгов свой век бы прожил
Под их опекой вкрадчивой, бесшумной
(Будь только он не вовсе полоумный), —
Мог эконом любого окопачить,
Хоть научились люд они дурачить.

Тщедушный ехал рядом Мажордом.
Он щеки брил, а волосы кругом
Лежали скобкою, был лоб подстрижен,
Как у священника, лишь чуть пониже.
Он желт, и сух, и сморщен был, как моши,
А ноги длинные, что палки, тощи.
Так овцам счет умел вести он, акрам
И так подчистить свой амбар иль закром,
Что сборщики все оставались с носом.
Он мог решать сложнейшие вопросы:
Какой погоды ждать? И в дождь иль в зной
С земли возможен урожай какой?
Хозяйский скот, коровни и овчарни,
Конюшни, птичник, огород, свинарни
У мажордома под началом были.
Вилланов сотни у него служили.
Он никогда не попадал впросак.
Пастух ли, староста, слуга ль, батрак —
Всех видел он насквозь, любые плутни
Мог разгадать, лентяи все и трутни
Его страшились пуще злой чумы:
За недоимки не избыть тюрьмы,
В уплату ж все имущество возьмет,

В своем отчете дыры тем заткнет.
Он сад развел и двор обнес свой тыном,
В усадьбе пышной жил он господином.
Милорда своего он был богаче.
Да и могло ли быть оно иначе?
Умел украсть, умел и поживиться,
К хозяину умильно подольститься,
И лорда деньги лорду онссужал,
За что подарки тут же получал.
А впрочем, ревностный он был работник
И в молодости преизрядный плотник.
Коня он взял за стать и резвый ход,
Конь серый в яблоках, а кличка: "Скотт".
Жил в Норфолке почтенный мажордом,
Под Болдуэллом, коль слышали о нем.
Хоть ржав был меч, но, как пристало тану,
Его носил он; синюю сутану,
Как рясу, подобрал, в седле согнулся
И до конца в хвосте у нас тянулся.

Церковного суда был Пристав с нами.
Как старый Вакх, обилен телесами,
Он угреват был, глазки — словно щелки.
И валик жириу на багровой холке.
Распутен и драчлив, как воробей,
Пугал он красной рожею детей.
И весь в парше был, весь был шелудивый;
А с бороды его, с косматой гривы
Ни ртуть, ни щелок, ни бура, ни сера
Не выжгли бы налета грязи серой,
Не скрыли бы чесночную отрыжку
И не свели бы из-под носа шишку.
Чеснок и лук он заливал вином
И пьяным басом грохотал, как гром.
Напившись, он ревел в своей гордыне,
Что изъясняется-де по-латыни.
А фраз латинских разве три иль две
В его тупой застряли голове

Из формул тех, что много лет подряд
В суде при нем твердили и твердят
(Так имя Вальтер повторяет бойко
Хозяином обученная сойка).
А вот спроси его и, кроме дури,
Одно услышишь: “Questio quid juris?”¹
Прожженный был игрок он и гуляка,
Лихой добытчик, дерзкий забияка.
За кварту эля он бы разрешил
Блудить пройдохе, хоть бы тот грешил
Напропалую, с простака ж он шкуру
Сдидал, чтоб рот не разевал тот сдуру.
Найдя себе приятеля по нраву,
Его учил церковному он праву:
Как отлучением пренебрегать,
Коль в кошельке не думаешь скрывать
Свои деньジョンки. “Каждому понятно,
Что рай никто не обретет бесплатно.
И ты себя напрасно, друг, не мучь.
Скрыт от викариева рая ключ
В твоей мощне”. Он в этом ошибался:
Насколько б человек ни заблуждался,
Но хоть кого на верный путь направит
Викарьев посох иль “Significavit”².

Знал молодежь во всем он диоцезе
И грешникам бывал не раз полезен:
Им в затруднениях давал совет.
Был на челе его венок надет
Огромный, словно с вывески пивной.
В руках не щит был – каравай ржаной.
С ним Продавец был индульгенций папских,
Он приставу давно был предан рабски.
Чтобы его получше принимали,
Он взял патент от братства Ронсеваля.
Теперь, с товаром воротясь из Рима,

Он, нежной страстью к приставу томимый.
Все распевал: “Как сладко нам вдвоем!” –
Своим козлиным, жидким тенорком,
И друг его могучим вторил басом,
Мог голос зычный спорить с трубным гласом.

Льняных волос безжизненные пряди
Ложились плоско на плечи, а сзади
Косичками казались, капюшон
Из щегольства давно припрятал он
И ехал то совсем простоволосый,
То шапкой плешь прикрыв, развеяв косы
По новой моде – встречным напоказ.
В тулю был вшит Нерукотворный Спас.
Он индульгенций короб, с пылу с жару,
Из Рима вез по шиллингу за пару.
Глаза его, как заячьи, блестели.
Растительности не было на теле,
А щеки гладкие желты, как мыло.
Казалось, мерин он или кобыла,
И хоть как будто хвастать тут и нечем –
Об этом сам он блеял по-овечьи.

Но что касается святого дела –
Соперников не знал, скажу я смело.
Такой искусник был, такой был хват!
В своем мешке хранил чудесный плат
Пречистой Девы и клочок холстины
От савана преславныя кончины.
Еще был крест в цветных камнях-стекляшках,
Была в мешке и поросичья ляжка,
С их помощью, обманщик и нахал,
В три дня он денег больше собирал,
Чем пастырь деревенский за полгода
Мог наскрести с голодного прихода;
И, если должное ему воздать, –
Умел с амвона петь он, поучать.
Умел и речь держать перед бедным людом,

¹ “А что говорит закон?” (лат.)

² “Указал [нам досточтимый отец]” (лат.).

Когда по церкви с кружкой шел иль с блюдом.
Он знал, что проповедью, поученьем
Народ склонить нетрудно к приношеньям.
И на амвоне, не жалея сил,
Он во всю мочь акафист голосил.

Теперь, когда я рассказал вам кратко,
Не соблюдая должного порядка,
Про их наряд, и званье, и причину
Того, что мы смешались не по чину,
Расположась просторно и привольно —
В таверне, возле старой колокольни, —
Пора сказать, как время провели
Мы в этот вечер, как мы в путь пошли,
И чем досуг в дороге заполняли.

Чтоб в озорстве меня не упрекали,
Вас попрошу я не винить меня
За то, что в точности припомню я
Все речи вольные и прибаутки.
Я это делаю не ради шутки:
Ведь знаю я, что, взявши рассказывать
Чужой рассказ, не надо выпускать
Ни слова из того, что ты запомнил,
Будь те слова пространны иль нескромны, —
Иначе все неправдой извратишь,
Быль в небылицу тотчас обратишь,
И брату не давай при том пощады:
Рассказывай о всех поступках кряду.
Спаситель путь указывал нам верный:
Он прямо обличал, и нет в том скверны.
Кто сомневается, пускай прочтет,
Как говорил Платон на этот счет:
Велел он слову действиям быть братом.
Коль не сумел в сем сборище богатом,
Где знать и чернь, и господа и слуги,
Всем должно воздать я по заслуге, —
Что ж, видно, было это не под силу,
Ума, уменья, значит, не хватило.

Трактирщик наш, приветливо их встретив,
За ужин усадил и, чтоб согреть их,
Сготовил снедь и доброе вино
На стол поставил, и текло оно
Весь вечер за веселым разговором,
Шутливой песней, дружелюбным спором.

Хозяин наш — осанкой молодецкой —
С ним не сравнялся б виндзорский дворецкий —
Был статен, вежлив и во всяком деле
Сноровист, весел и речист. Блестели
Его глаза и речь была смела.
И только что мы все из-за стола
Успели встать и заплатить за ужин,
Как он сказал, смеясь, что хоть не нужен
Наш тост ответный, но он даст совет,
Который помогал от многих бед,
Первой всего от скуки: “Вас всегда,
Друзья почтенные и господа, —
Так молвил он, — я видеть рад сердечно:
Такой веселой и такой беспечной
Беседы я давно уж не слыхал,
И целый год мой дом не принимал
Таких веселых и простых гостей.
У радости я не хочу в хвосте
Плестись и ваши милости делить —
Я мысль одну хочу вам подарить.

Идете в Кентербери вы к мощам,
И благость Божия воздастся вам.
Но вижу, что — на отдыхе ль, в дороге ль —
Не будете вы чопорны и строги:
Свой дух рассказом будете бодрить,
Кому веселость может повредить?
Коль с рожей постной едет путник бедный,
Вот это плохо, это даже вредно.
Но вы, друзья, послушавши меня,
По вечерам, слезаючи с коня,
Свежи и веселы и не усталы

Пребудете, — тоски как не бывало.
Так соглашайтесь! Если ж не удастся
Мой замысел, пусть гром с небес раздастся
И прах отца из гроба пусть встает,
Меня ж земля пусть тотчас же пожрет".

Недолго мы и в этот раз чинились,
И выслушать его все согласились.

"Друзья, — сказал он, — мой совет примите,
Меня ж не очень рьяно вы хулите,
Хоть он, быть может, незамысловат,
Я думаю, что каждый был бы рад
В пути соседей сказкой позабавить,
Иль вспомнить быль, иль доблести прославить.
Пусть два рассказа каждый подберет,
А два других вдобавок припасет,
Чтоб рассказать их нам в пути обратном.
Кто лучше всех полезное с приятным
Соединит — того мы угостим,
Когда, воздав хвалу мощам святым,
Ко мне воротимся. На общий счет
Устроим пир мы. Я же в свой черед
Свою веселость с вашей разделить
Готов охотно, чтобы рассудить,
Кому из вас награда подобает.
Не надо платы мне. Кто ж не признает
Решенья моего, расходы тот
Поездки всей пусть на себя берет.
Коль подчиниться моему приказу
Согласны вы, так говорите сразу,
И к утру я в дорогу соберусь".

Мы рады были всей затеи груз
Ему доверить, принесли присягу,
Что без него не сделаем ни шагу.
Его же обязали быть судьей
И предоставить дом просторный свой,
Чтоб победителя в нем угостить,

А плату самому определить.
Без возражений это порешив,
Опять мы выпили и, отложив
На утро сборы, улеглись спать.
А поутру, чуть стало рассветать,
Хозяин встал, и, поддавая пару,
Нас кукареканьем он сбил в отару.
Гурьбой, верхом, с волынкой вместо флага,
Мы поплелись чуть побыстрей, чем шагом.
Но вот хозяин придержал коня.

"Друзья, — вскричал, — послушайте меня:
Когда согласна утреня с вечерней,
Тому из вас, кто слово держит верно,
Пора начать и нам служить примером,
А увильтнет — тогда приму я меры.
И пусть не пить мне эля и вина,
Коль не заплатит он за все сполна!
Потянем жребий, на кого падет
Рассказывать, тот первый пусть начнет.

Почтенный рыцарь, тяните вы первый;
Мать аббатиса, бросьте четок перлы;
Вам, господин студент, пора забыть
Застенчивость и перестать зубрить.
Сюда, ко мне, пусть каждый тянет жребий".

И, видно, было суждено на небе
Иль тут судьбою нашим решено,
Но только все мы дружно, заодно,
Судьбы разумной встретили решенье,
Чтоб рыцарь выдумку иль приключение
По жребию первым тут же рассказал.
Когда тот жребий рыцарь увидал,
Решению судьбы он покорился
И рассказать нам повесть согласился:

"Коль рок велит мне, — он сказал, — начать,
То помоги мне, Пресвятая Мать.
Не будем прерывать, друзья, дорогу.

Держитесь ближе, я же понемногу
Рассказывать вам буду той порой".
Мы тронулись, и вот рассказ он свой
Неторопливо начал и смиренно,
С веселостью и важностью почтенной.

Здесь кончается пролог к этой книге и начинается
первый рассказ, а именно рассказ Рыцаря

РАССКАЗ РЫЦАРЯ

*Iamque domos patrias, Scithice post aspera gentis
Prelia, laurigem, Etc.*

[Statius, *Theb.* xii. 519.]¹

Предания давно минувших дней
Нам говорят, что некогда Тезей
Афинами единовластно правил,
Что он себя победами прославил,
Которым равных не было дотоле,
И подчинил своей могучей воле
Немало крупных и богатых стран.
Он покорил и славный женский стан,
Что Скифией когда-то назывался,
С отважной королевой обвенчался,
Прекрасной Ипполитой, и с сестрой
Эмилией повез ее домой.
Под музыку и радостные клики
В Афины герцог двинулся великий;
Делило с ним победы торжество
Все воинство блестящее его.

Когда б я мог без счета тратить время,
Я б рассказал с подробностями всеми,
Как амазонок победил Тезей

¹ К отчemu дому теперь, в Скифии кончив суповой, // Лавром венчанный, боя... [Стаций, "Фиваида"] (лат.).

Коварством и отвагою своей,
Как разыгралось главное сраженье,
Приведшее наездниц к пораженью,
Как осажден был Ипполитин град
Афинским храбрым воинством и взят,
Как свадьбу их отпраздновали в храме,
Украшенном огнями и цветами.
Но это все оставлю в стороне:
Идти за плугом долго нужно мне,
А он волами тощими влечется;
Вам рассказать мне много останется,
Я не хотел бы помешать другим
Успеть с рассказом выступить своим.
Посмотрим, ужин ждет кого из нас!
Итак, продолжу прерванный рассказ.

Когда мной упомянутый герой
Стоял почти под городской стеной
В слепящем блеске торжества и славы,
Он увидел, что перед ним заставой
Вдруг вырос ряд одетых в траур дам,
Склонивших головы к его стопам.
Все, на коленях стоя, к паре пара,
Рыдали так отчаянно и яро,
Что можно утверждать: никто на свете
Не слышал воплей горестней, чем эти.
Рыдая и судьбу свою кляня,
Они схватили под уздцы коня.
“Что означает в праздничный сей миг, —
Спросил Тезей, — ваш исступленный крик?
Ужель из зависти внести отправу
В мою победную хотите славу?
Иль кто-нибудь нанес обиду вам?
Скажите мне, и я ему воздам.
Зачем вы в плаТЬе черное одеты?”

Тут старшая в толпе несчастной этой,
Издав предсмертному подобный стон,
Которым каждый был бы поражен,

Сказала: “Господин, себе по праву
Победой ты стяжал и честь и славу,
И нам нельзя завидовать тебе;
Но нашей горестной внемли мольбе
И смируйся над жалкой долей нашей,
Хоть капля сострадания из чаши
Твоих щедрот на нас пусть упадет,
Ведь каждая из нас ведет свой род
От княжеской иль королевской крови, —
Меж тем в пыли влачим мы век свой вдовий,
Коварный рок, увы, неумолим:
Всех давит злобным колесом своим.
О господин, мы ждем тебя с войсками
Уж целую неделю в этом храме
Богини милосердья. Помоги нам,
Яви себя всесильным властелином.

Я, что сдержать рыданий не умею,
Была женой владыки Капанея,
Который в Фивах пал в проклятый час.
Проклятие да ляжет и на нас,
Рыдающих теперь перед тобою.
Мужей лишились мы во время боя,
Когда был город Фивы осажден.
Теперь же — горе нам! — старик Креон,
Что ныне царствует в пределах Фив,
Исполнен гнева и несправедлив,
Тиранства ради и из жажды зла,
Чтоб обесчестить мертвые тела
Фиванцев, павших в лютой битве той,
Велел сложить из трупов холм большой, —
И ни за что не допускает он,
Чтобы сожжен был кто иль погребен:
Всех псы обрек он мерзостным приказом”.

И с этими словами дамы разом
Все пали ниц, издав плачевный стон:
“О, пожалей нас, безутешных жен,
Чтоб горесть наша в грудь твою вошла”.

Тут знатный герцог вмig сошел с седла,
Скорбя об их несчастье и позоре.
Он думал, сердце надорвется с горя,
Узнав о том, что довелось снести
Недавно жившим в славе и в чести.
Фиванок он в объятья заключил,
Стал тихо утешать по мере сил
И в том им дал торжественное слово,
Что всей своею мощью так сурово
Мучителю Креону отомстит,
Что в Греции народ заговорит
О том, как поступил Тезей с Креоном,
Достойным казни по любым законам.
И в тот же час, не мешкая ничуть,
Он, распустив свой стяг, помчался в путь —
К твердыне Фивам во главе дружины.
Не въехал он и не вошел в Афины,
Не отдыхал и половины дня,
Всю ночь в походе не слезал с коня,
Царипу ж Ипполиту той порой
С красой Эмилией, ее сестрой,
Послал в Афины жить в чести и в холе,
А сам на бранное помчался поле.

С копьем и со щитом, багряно ал,
Бог Марс на белом знамени сиял,
По складкам стяга всюду блеск свой сея,
А рядом трепетал флагок Тезея,
Весь златом ткаенный: там набит, глядите,
Тот Минотавр, что им сражен на Крите.
Так ехал герцог, славный сын побед,
А с ним и рыцарства блестящий цвет,
Пока у Фив не стал он на лугу,
Где дать решил сражение врагу.

Но сокращу я повести объем.
Креона он, что в Фивах был царем,
В бою открытом поразил геройски,
Посеял страх и бегство в фивском войске

И приступом их град завоевал,
Разбивши стены крепкие и вал.
Несчастным вдовам возвратил он прах
Супругов их, поверженных в боях,
Чтоб, по обряду древних, трупы сжечь.
Но чересчур бы затянулась речь
Про скорбный плач, про вопли без числа,
Про горе дам, покуда жгли тела,
Про почести, что в милости своей
Сей победитель доблестный, Тезей,
При расставанье окказал тем вдовам...
Прослыть я не желаю многословом.
Победоносный вождь Тезей, сразив
В бою Креона, стал владыкой Фив.
Проночевал он ночь в открытом поле,
И край перед его смирился волей.

Чтоб обобрать тела убитых всех,
Чтоб с них сорвав одежду и доспех,
Трудились тати рьяно и исправно
На утро той победы достославной,
И вот нашли средь груды бездыханной
Покрытых не одной кровавой раной
Двух рыцарей младых, лежавших рядом,
В доспехах сходных, с дорогим окладом,
Из коих звали одного Арситой,
Другой же Паламон был знаменитый.
Смерть овладела ими не вполне,
И тотчас в них герольды по броне
Признали августейших двух господ,
Ведущих от владыки Фив свой род, —
Двух сыновей от царственных сестер.
К Тезею братьев отнесли в шатер,
Отрывши из-под кучи мертвых тел.
А он тотчас отправить их велел
В Афины век в неволе коротать
(За них он отказался выкуп взять).
Великий вождь, отдав приказ такой,

Со всею ратью поспешил домой,
Чело победным лавром увенчав,
И там со славой и среди забав
До смерти жил. (Что говорить нам доле?)
Но в тесной башне, в страхе и неволе
Томился Паламон с Арситой-братьем...
Не откупить их ни сребром, ни златом...

Так день за днем идет и год за годом,
Когда однажды в мае пред восходом
Эмилия, чей образ был милее,
Чем на стебле зеленом цвет лилеи,
Свежей, чем мая ранние цветы
(Ланиты с розами сравнил бы ты:
Не знаю я, которые алей),
Покорствуя привычке юных дней,
Одилась, встав до света на востоке:
Не по душе ведь маю лежебоки.
Все нежные сердца тревожит май,
От сна их будит и кричит: "Вставай
И верно мне служи, расставшись с леню".

Эмилия, исполненная рвенья
Приветить май, на луч рассвета глядя,
Предстала свежей в утреннем наряде.
Златые кудри, в косу сплетены,
На добрый ярд свисали вдоль спины.
Она по саду, чуть взошло светило,
Меж распускавшихся дерев бродила.
Срывая цвет, то розовый, то белый,
Для головы венок плела умело
И пела, словно ангел неземной.
Большая башня с толстою стеной,
Главнейшая темница в той твердыне
(Где рыцари в плену томились ныне,
О коих был и дале будет сказ),
Над садом этим высилась как раз,
Где весело Эмилия бродила.

Над морем воссияло дня светило,
И бедный узник Паламон тогда же,

Как ежедневно, с разрешенья стражи,
Шагал по верхней горнице темницы,
Преславный город видя сквозь бойницы
И садик, где под зеленью ветвей
Во всей красе и свежести своей
Эмилия гуляла по дорожкам.
Так грустный Паламон перед окошком
Своей тюрьмы шагает взад-вперед
И сам с собой печально речь ведет.
"Зачем рожден я?" — молвит в скорби жгучей.
И вышло так, — судьба ли то иль случай? —
Что сквозь литые прутья на окне,
Подобные бревну по толщине,
Он вдруг узрел Эмилию в саду.
"Ax!" — крикнул он, качнувшись на ходу,
Как бы стрелой жестокою пробитый.
Проснувшийся от возгласа Арсита
Спросил его: "Что у тебя болит?
Твой лик смертельной бледностью облит!
Как? Плачешь ты? Кто оскорбил тебя?
Сноси в смиренье, Господа любя,
Плененъя гнет мучительный: ведь он
Самой Фортуной, видно, нам сужден;
Сатурна ли враждебным положеньем
Иль прочих звезд злосчастнейшим стеченьем
Ниспослан он, — таков, как ни борись,
Был вид небес, когда мы родились.
Итак, терпи: вот краткий мой совет".

Тут Паламон промолвил так в ответ:
"Мой милый брат, оставь такое мненье,
Тебе его внушило заблужденье.
Нет, не тюрьма исторгла этот стон:
Я сквозь глаза был в сердце поражен
До глубины, и в этом — смерть моя.
Да, прелесть дамы, что, как вижу я,
По саду там гуляет взад-вперед, —
Причина слез моих и всех невзгод.

Богиня ль то иль смертная жена?
Самой Венерой мнится мне она".

И, в увлечении не зная меры,
Он, ниц упав, воскликнул: "О Венера,
Коль ты явилась в вертограде том
Передо мной, презренным существом,
То помоги нам выйти из тюрьмы.
Но если повеленьем рока мы
До смерти здесь обречены невзгодам,
То смилийся хотя б над нашим родом,
Низверженным по прихоти злодея".

Меж тем Арсита, обозрев аллеи,
Где дама та бродила взад-вперед,
Ее красою дивной в свой черед
Не менее был ранен и пленен,
А может быть, сильней, чем Паламон,
И, жалостно вздохнув, он говорит:
"Увы, я дивной прелестью убит
Красавицы, гуляющей по саду!
И если я не вымолю отраду
Лик созерцать ее хотя порою,
Ждет смерть меня — я от тебя не скрою".

Когда услышал эти речи брат,
Он молвил, злобный обративши взгляд:
"Ты говоришь, должно быть, для забавы?"
А тот в ответ: "Мне не до шуток, право:
Свидетель Бог, тебе я не солгал".

Тут Паламон, нахмурив бровь, сказал:
"Не много чести обретешь ты в том,
Что станешь предо мною подлецом.
Я брат тебе по крови и обету.
Мы крепкой клятвой подтвердили это —
Мы поклялись, что коль нас не замучат
И смерть сама навек нас не разлучит,
В делах любви не будешь мне врагом,
Мой милый брат, как и ни в чем другом,
Меня во всем поддержишь ты, любя,

Как и во всем я поддержу тебя.
Так ты клялся, и так клялся я тоже.
От клятвы отрекаться нам негоже.
Ты, спора нет, советник мой и друг,
Но, как изменник, возмечтал ты вдруг
О той, кому служу я, полюбив,
И буду так служить, покуда жив.
Нет, злой Арсита, не бывать тому!
Я первый полюбил и своему
Наперснику и брату по обету
От всей души доверил тайну эту.
И ты, что клятвой рыцарскою связан,
По мере сил мне помогать обязан.
Иль ты — изменник, в том сомненья нет".

На то Арсита гордый дал ответ:
"О нет, изменник здесь не я, а ты;
Ты изменил, скажу без клеветы.
К ней *rag amour*¹ я первый воспыпал.
А ты где был? Ведь ты тогда не знал,
Назвать ее женой или богиней!
Ведь у тебя — почтенье пред святыней,
А здесь — любовь к живому существу.
И сей любви в свидетели зову
Я кровного и названого брата.
Пусть первый ты, — ужели это свято?
Ты знаешь, древний вопрошал мудрец:
"Кто даст закон для любящих сердец?"
Любовь сама — закон; она сильней,
Клянусь, чем все права земных людей.
Любое право и любой указ
Перед любовью ведь ничто для нас.
Помимо воли человек влюблен;
Под страхом смерти все же служит он
Вдове ль, девице ль, мужней ли жене...
Но нет надежды ни тебе, ни мне

¹ Любовью (франц.).

При жизни милость дамы обрести.
 Ты знаешь сам: сидим мы взаперти;
 Обречены мы жить в темнице сей
 Без выкупа до окончанья дней.
 Так спорили два пса за кость большую,
 Дрались весь день, а вышло все впустую:
 Явился коршун вдруг, у драчунов
 Под носом кость стащил и был таков.
 В палатах царских правило такое:
 Всяк за себя, других оставь в покое!
 Люби, коль хочешь. Я люблю ее
 И буду впредь ей верен. Вот и все,
 Мы здесь в тюрьме должны страдать жестоко.
 Так пусть же каждый ждет веленья рока!"

В сердцах и долго спорили друзья.
 Но повесть мне затягивать нельзя.
 Вернемся к сути. Приключилось раз
 (Путем кратчайшим поведу рассказ),
 Что знатный герцог, славный Перитой
 (Который был Тезею друг большой
 С младенчества и в детские годы)
 В Афины прибыл, чтобы, как всегда,
 С приятелем покоротать досуг, —
 Милее всех ему был этот друг;
 А тот его любил с таким же жаром,
 И даже (если верить книгам старым),
 Когда один изведал смертный хлад,
 Другой его искать спустился в ад.
 Рассказывать о том охоты нет.

Тот Перитой с Арситой много лет
 Был связан в Фивах дружбою святою.
 И, по мольбам и просьбам Перитоя,
 Тезей Арсите разрешил свободно
 Вон из тюрьмы уйти куда угодно,
 Без выкупа, с условием одним,
 Рассказ о коем следует за сим.

Тезей с Арситой ясно меж собой
 Установили уговор такой,
 Что если бы Арситу кто застиг
 В Тезеевой земле хотя б на миг,
 Иль днем, иль ночью, иль в любую пору,
 То пойманный герой, по уговору,
 Главы своей лишится под мечом,
 И нет ему спасенья ни почем.
 Вот он простился и спешит домой...
 Эй, берегись, ответишь головой!

Какую же Арсита терпит муку!
 Он в сердце чует хладной смерти руку.
 Он плачет, стонет, жалостно рыдает,
 С собой покончить втайне помышляет.

"Зачем, — он думает, — родился я?
 Теперь еще тесней тюрьма моя.
 Я из нее вовеки не уйду:
 Я не в чистилище, — уже в аду.
 Узнал меня, на горе, Перитой:
 Мне у Тезея в башне запертой
 Остаться бы в оковах, на запоре!
 Там в радости текла бы жизнь, не в горе.
 Лишь видом той, которой я служу
 (Хоть милости вовек не заслужу),
 Уже вполне я был бы услажден".

"Мой милый брат, — он молвит, — Паламон!
 Победа — ах! — осталась за тобой!
 В тюрьме сидишь ты, взысканный судьбой...
 В тюрьме? О нет! Верней сказать — в раю.
 Судьба на счастье мечет зернь твою.

Ее ты видишь, я же так далек;
 А раз ты с ней и так изменчив рок
 (Ведь рыцарь ты, отважен и удал),
 То, может быть, и то, чего ты ждал,
 Тебе пошлет судьба когда-нибудь.
 А я изгнаник, и к блаженству путь
 Мне без надежд отрезан навсегда.

Земля, огонь, и воздух, и вода,
И существа, что сделаны из них,
Не утолят ужасных мук моих.
Погибну я, истерзанный тоской.
Прощайте, жизнь, и радость, и покой!
Увы, напрасно от людей так много
Поклепов слышим на судьбу и Бога,
Что жалуют нас лучшими благами,
Чем можем мы порой придумать сами.
Иной богатство вымолит, — оно ж
Недут накличет иль убийцы нож.
А тот покинул, помолясь, тюрьму,
Но челядью убит в своем дому.
Нас караулят беды что ни шаг.
Не знаем мы, каких мы просим благ.
Мы все — как тот, кто опьянен вином.
Пьянчуга знает — есть, мол, где-то дом,
Не знает только, как пройти домой,
И склизок путь под пьяною ногой.
Вот так же мы блуждаем в сей юдоли:
Мы жадно ищем путь к счастливой доле,
Но без конца плутаем, как на грех,
Все таковы, и сам я хуже всех.
Не я ли мнил и тешился мечтой,
Что, чуть я выйду из темницы той,
И ждут меня веселье и услады.
А ныне лучшей я лишен отрады.
Эмилия! Нельзя мне видеть вас!
Спасеня нет, настал мой смертный час".

Тем временем несчастный Паламон,
Узнав, что он с Арситой разлучен,
Так взрыдал, что стены бастиона
Тряслись от причитания и стона
И кандалы, что на ногах он нес,
Намокли от соленых горьких слез.
Он воскликнул: "Арсита, брат, о горе!
Ты плод сорвешь, Бог видит, в нашем споре!"

Свободно ты по Фивам ходишь ныне
И мало тужишь о моей кручине.
С твоим умом и мужеством, я мню,
Собрать ты можешь войско и родню
И край весь этот разорить войной.
По договору ль, хитростью ль иной,
Ты женишься на той прекрасной dame,
По коей здесь я изойду слезами,
Ведь если все возможности учесть, —
С тех пор как ты свободу смог обрести,
Ты — государь, соперник слишком сильный,
А я погибну в клетке сей могильной,
Вопя и воя до скончанья дней
От всех тягот и мук тюрьмы моей.
К тому ж любви терзанье роковое
Скорбь и кручину умножает вдвое".

Тут дико ревность разгорелась в нем,
Проникла в сердце, грудь сожгла огнем.
И стал похож наш узник безотрадный
На букс засохший иль на пепел хладный.
Он говорил: "Богиня, злой кумир,
Что вечным словом сковываешь мир
И на плите из твердого алмаза
Навек законы пишешь и указы,
Мы все, твоей подвластные короне, —
Толпа овец, толкающихся в загоне.
Ведь человека бьют, как скот рогатый,
Сажают в тюрьмы, башни, казематы;
Он терпит боль, несчастье и тревогу,
И часто незаслуженно, ей-богу.
Скажите, где же мудрость провиденья,
Когда невинность терпит зря мученья?
Ведь человек страдает тем сильней,
Что должен по религии своей
Во имя Бога страсти побороть,
А скот творит, чего желает плоть.

Подохнет скот — и нет ему забот,
А человека плач и скрежет ждет,
Хоть он и в жизни зло и скорбь терпел.
Поистине, таков его удел.
Пусть богослов на это даст ответ,
Одно я знаю: полон муки свет.
Увы, я вижу, вор и подлый змей,
Изведший многих праведных людей,
Свободно ходит и живет прекрасно,
А я — в узилище томясь всечасно,
Гоним Юноной бешеной, ревнивой,
Почти что обескровившею Фивы
(Хоть крепки были стены и брустверы),
Терплю к тому еще и от Венеры,
Боясь Арситы и к нему ревнуя".

Но тут о Паламоне речь прерву я,
Его в тюрьме оставлю и в плenу
И об Арсите вновь рассказ начну.

Проходит лето, удлинились ночи,
Страдают вдвое горше и жесточе
И узник и влюбленный, и, ей-ей,
Не знаю я, чей жребий тяжелей.
Сказать короче: бедный Паламон
Пожизненно в темницу заключен,
Чтоб в ней томиться до скончанья дней;
Арсита ж изгнан из державы сей,
И никогда под страхом смерти впредь
Возлюбленной ему не лицезреть.

Кому ж теперь — влюбленные, решите! —
Тяжеле? Паламону иль Арсите?
Ведь этот даму видит день за днем,
Но сам он скрыт в узилище своем,
А тот повсюду ходит без труда,
Но дамы не увидит никогда.
Судите сами: вам оно видней,
Я ж возвращаюсь к повести своей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Арсита в Фивах жил и сокрушался,
Твердил: "Увы!" — и часто чувств лидался:
Он с дамою своей навек в разлуке.
Я вкратце вам скажу об этой муке,
Что не был и не будет так убит
Тоской никто — с тех пор как свет стоит.
Еда, питье и сон на ум нейдут,
И стал он тощ и высох, словно прут.
Глаза ввалились, смотрят мертвцом,
Как хладный пепел, бледен, желт лицом.
Он, как отшельник, вечно одинок,
Всю ночь рыдает, сетуя на рок,
А чуть услышит песнь иль струнный звон,
Бездуржно и долго плачет он.
Так пал в нем дух, и вместе естество
Так изменилось, что узнать его
По голосу и речи невозможно,
А вид изобличает непреложно
Не тот недуг, что бог Эрот дарит,
А манию, которую родит
Сок черной желчи в чаше головной,
Седалище фантазии шальной.
Ну, словом, повернулось все вверх дном
В Арсите, воздыхателе больном, —
Обличье, обхождение и стать...
Что мне о том весь день повествовать?

Претерпевал бедняжка год-другой
Всю эту муку, скорбь и непокой,
Как сказано, в стенах родимых Фив.
Вот раз лежал он, крепко опочив;
Меркурий, бог крылатый, над постелью
Явился вдруг, зовя его к веселью.
Волшебный жезл в руке его подъят,
А из-под шляпы волосы блестят.
Так он одет (Арсита видит сон),

Как в час, когда был Аргус усыплен.
 И молвил бог: “Направь стопы в Афины:
 Там ждет тебя конец твоей кручины”.

При сих словах Арсита встал от сна.
 “Поистине, сколь мука ни сильна, —
 Он молвил, — я тотчас помчусь в Афины,
 Меня не сдержит страх лихой кончины.
 Увижу ту, кому, любя, служу,
 И голову к ее ногам сложу”.

Сказавши так, он в руки взял зерцало
 И видит, что с лица вся краска спала,
 Что стал его неузнаваем лик.
 Тут помысль в уме его возник,
 Что если так сменилось естество
 От злой болезни, мучившей его,
 То он, назвав себя простолюдином,
 Ходить неузнан мог бы по Афинам
 И дамой тешить день за днем свой взор.
 Не медля, он переменил убор
 И, нарядившись скромным бедняком,
 С одним лишь сквойром, что уж был знаком
 С его делами всеми без изъятия,
 Одетым, как и он, в простое платье,
 Вшел в Афины по прямой дороге
 И, появиввшись в герцогском чертоге,
 Там предложил услуги у ворот
 По части всяческих ручных работ.
 Чтоб повесть вам моя не докучала,
 Скажу тотчас: попал он под начало
 К дворецкому Эмилии самой.
 Хитро пред тем узнал он стороной
 О каждом, кто служил любимой dame,
 К тому ж он был могуч и юн годами,
 Был костью крепок, преисполнен сил.
 Дрова рубил он, воду приносил,
 Все делал, словом, что ни повелят.

Так прослужил он года два подряд
 И вот пажом приставлен был к палатам
 Эмилии, называвшись Филостратом.
 Никто из всех людей такого чина
 Так не был чтим, и даже в половину.
 Так был учтив Арситы разговор,
 Что весть о нем весь облетела двор:
 Все говорили, что по благостыне
 Тезей его повысить должен в чине
 И на такой его поставить путь,
 Где доблестями может он блеснуть.
 Так слава Филострата процвела,
 Хвали и речь его, и все дела,
 Что милостью его взыскал Тезей
 И сделал сквойром в горнице своей,
 Дав золота, чтоб жил он, процветая,
 К тому ж вассалы из родного края
 Из года в год несли ему добро.
 Но тратил он так скромно и хитро,
 Что не дивил людей его доход.
 Так прожил он в Афинах третий год
 Во дни войны, в годины мира тоже,
 Тезею ж был он всех других дороже.
 Его оставлю я в такой чести,
 Чтоб речь о Паламоне повести.

В ужасной, мрачной башне заключен,
 Семь долгих лет страдает Паламон,
 Надежд лишенный, от любви больной.
 Кто злой кручиной отягчен двойной?
 То — Паламон: боль от любовных дум
 Ему едва не помутила ум;
 К тому ж он узник, под ярмом невзгод
 Стенящий век, а не один лишь год.

О, кто бы спеть в стихах английских мог
 Про муки те? Не я, свидетель Бог!
 Итак, рассказ я быстро поведу...
 Раз, в третье мая на седьмом году

(Как говорят нам книги старых дней,
Что этот сказ передают полней)
Так учинил благоприятный рок
(Что суждено, свершится в должный срок),
Что Паламон, среди полночной тьмы,
Друзьями вызволенный из тюрьмы,
Из города бежал что было сил;
Тюремщика же так он напоил,
В вино, помимо прянностей, вложив
Снотворных трав и опия из Фив,
Что до утра, не чуя ничего,
Тот крепко спал, как ни трясли его.
Бежал он, под собой не слыши ног.

Ночь коротка, и день уж недалек,
И надобно прибежище найти.
Вот в рощицу, в сторонке от пути,
Вступает робким шагом Паламон.
Сказать вам вкратце, собирался он
Весь день скрываться в роще как-нибудь,
А ночью снова продолжать свой путь
До града Фив и там просить свой род
Против Тезея двинуться в поход.
Он был намерен честно пасть в бою
Иль в жены взять Эмилию свою.
Вот — мысль его, ее легко понять...

Но я к Арсите возвращусь опять...
Не знал Арсита, как близка забота,
Пока к Фортуне не попал в тенета.
Вот жаворонок, шустрый вестник дня,
Зарю встречает, трелями звения.
И так прекрасно всходит Бог на небо,
Что весь восток ликует, видя Феба.
И сущит пламенем красы своей
Серебряные капли меж ветвей.
Как я сказал, тем временем Арсита,
Что первым сквойром был придворной свиты,
Проснулся; светлый день его влечет;

Он хочет маю оказать почет.
И, вспомнив о своей любимой даме,
На скакуна вскочил он, что, как пламя,
Был резв, и поскакал по мураве
Прочь от двора на милю или две.
К дубраве той, о коей шел рассказ,
Случайно он направился как раз,
Чтоб, если ива, жимолость там есть,
Из них гирлянду в честь любимой сплести.
Он встретил солнце песнею живой:

“О светлый Май с цветами и листвой!
Привет тебе, прекрасный, свежий Май!
Мне свежих листьев для гирлянды дай!”
С веселою душой с коня он слез
И быстрым шагом углубился в лес.
Бродя по чащце, он пришел на тропку,
Где бедный Паламон скрывался робко
От глаз людских, таясь в густых кустах:
Силен был в нем безвинной смерти страх.
Он про Арситу знать всего не мог,
А знал бы, не поверил — видит Бог.
Но поговорку старую послушай:
У поля есть глаза, у леса — уши.
Порой себя полезно поберечь:
Немало может быть нежданных встреч.
Что друг его оттуда недалек
И слышит все, Арсите невдомек:
Тихонько тот сидит в кустах ракиты.
Когда довольно погулял Арсита
И спел рондель на превеселый лад,
Он вдруг замолк, мечтаньями объят.
Чудно порой ведет себя любовник:
То на деревья лезет, то в терновник,
То вверх, то вниз, как на колодце ведра,
Как пятница — то сильный дождь, то вёдро
Поистине, изменчива без меры,
Сердца людей всегда мутит Венера:

Как пятница, любимый день ее,
Меняет вмиг обличив свое.
Да, у нее семь пятниц на неделе.
Едва Арситы песни отзвенели,
Он наземь сел, издав протяжный стон.
“Зачем, — сказал он, — я на свет рожден?
Доколь от всех жестокостей Юноны
У града Фив не будет обороны?
Увы! Уже повержен, посрамлен
Ваш царский род, о Кадм и Амфион!
Да, Кадм! Увы, он первый строить стал
Фиванский град, воздвиг вокруг града вал
И первый принял царскую корону.
Я — внук его, наследник по закону.
Природный отпрыск племени царей, —
Кто я теперь? Невольник у дверей
Смертельного жестокого врага.
Как бедный сквайр служу я, как слуга.
Мне горшее велит Юнона злая:
Свое прозванье всюду я скрываю.
Арситой был я в оны времена, —
Теперь я — Филострат: мне грош цена.
Увы, Юнона! Люtyй Марс, увы!
Все наше семя истребили вы.
Остались я и Паламон-бедняжка.
Его Тезей в тюрьме терзает тяжко.
А чтоб меня кончине неминучей
Предать, любовь стрелой пронзила жгучей
Мне сердце. Ах, навылет ранен я.
Меня подстерегает смерть моя.
Увы, сражен я вашими глазами,
Эмилия! И смерть моя — вы сами.
Все, все, что прежде душу занимало,
Поистине, я не ценю нимало,
Лишь только б мог я быть угоден вам”.

Без чувств упав, лежал он долго там.
Придя ж в себя, шагов услышал звук:

То Паламон, почувствовавший вдруг,
Как меч холодный в грудь его проник,
Дрожа от гнева, бросил свой тайник;
Едва он брата речь уразумел,
Как, обезумев, бледный словно мел,
Он поднялся из-за густых ветвей:
“Арсита подлый! Подлый лиходей!
Ты пойман. Даму любишь ты мою,
Из-за которой муку я терплю.
Ты кровь моя, ты названый мой брат, —
Уже корил тебя я в том стократ, —
Оплел ты ложью герцога Тезея,
Чужое имя принял, не краснея.
Иль сам умру я, иль тебя убью.
Тебе ль любить Эмилию мою?
Один люблю я, и никто другой.
Я — Паламон, смертельный ворог твой.
Хоть чудом я избавился от пут
И хоть со мною нет оружья тут,
Я не боюсь тебя! Погибнешь ты
Иль бросишь об Эмилии мечты.
Так выбирай. Ты не уйдешь, злодей”.

Арсита в грозной ярости своей,
Его узнав и слыша эту речь,
Свирап, как лев, из ножен вынул меч.
“Клянусь, — он молвил, — Господом всевластным!
Не будь ты одержим безумьем страстным
И будь ты тут с оружием своим,
Из рощи ты бы не ушел живым,
А здесь погиб бы от руки моей.
Я отрекаюсь от всех цепей,
Которыми сковали наш союз.
О нет, глупец, любовь не знает уз!
Ее люблю, тебе наперекор,
Но так как ты ведь рыцарь, а не вор,
И даму порешил добыть в бою,
То завтра же — я слово в том даю —

Тайком от всех я буду в этом месте,
Как рыцарской моей пристойно чести.
И лучшую тебе доставлю сбью,
А для себя похуже отберу я.
Тебе дам на ночь пищу и питье
И дляnochлега принесу белье,
И если даму ты добудешь с бою
И буду я в лесу убит тобою,
Она — твоя, коль нет других препон".

"Согласен я", — ответил Паламон.
И разошлись, друг другу давши слово
Сойтись в дубраве той же завтра снова.
О Купидон, чьи беспощадны стрелы!
О царство, где не признают разделя!
Недаром говорят: в любви и власти
Никто охотно не уступит части,
Познал Арсита это с Паламоном.

Арсита мчится в город быстрым гоном.
А поутру, в передрассветный час,
Две ратных сбруи тайно он припас,
Достаточных, чтобы в честном бою
На поле расплю разрешить свою.
Он, на коне скака тайком от всех,
Перед собой везет двойной доспех,
И скоро он на месте говоренном.
Сошлись в лесу Арсита с Паламоном.
Вся краска вмиг сошла у них с лица,
Как у того фракийского ловца,
Что у тесницы сторожит с копьем
И встречи ждет с медведем или львом;
Он слышит, как сквозь чащу зверь спешит,
Ломает сучья и листву крушит,
И думает: "Вот страшный супостат,
Один из нас уж не уйдет назад:
В теснине здесь в него всажу я дрот,
А промахнусь, так он меня убьет".
Так оба побледнели от испуга,

Когда в лесу увидели друг друга.
Не молвя "добрый день" иль "будь здоров",
Тотчас же безо всяких дальних слов
Один другого одевает в латы,
Услужливо, как бы родного брата.
Они друг друга копьями ретиво
Спешат разить, и длится бой на диво.
Сказал бы ты, что юный Паламон
В бою, как лев, свиреп и разъярен.
Арсита ж, словно тигр, жесток и лют;
Как кабаны, они друг друга бьют,
Покрывшись белой пеной от злобы.
Уже в крови по щиколотку оба.

Но я в бою оставил их сейчас
И о Тезее поведу рассказ.
Судьбина — управитель неизменный,
Что волю провиденья во вселенной
Творит, как нам заране Бог присудит,
И хоть весь свет клянись, что так не будет, —
Нет, нет и нет, — Судьбина так сильна,
Что в некий день нам вдруг пошлет она
То, что затем в сто лет не повторится.
По правде, всем, к чему наш дух стремится,
К любви иль мести, к миру иль войне, —
Всем этим Око правит в вышине.
Пример тому Тезей могучий даст нам:
К охоте он влеком желаньем страстным;
Так лаком в мае матерой олень,
Что вождь, с зарей вставая каждый день,
Уж вмиг одет и выехать готов
С ловцами, рогом и со сворой псов.
Так сладостен звериный лов ему;
Вся страсть и радость в том, чтоб самому
Оленя сбить ударом мощной длань;
Как к Марсу, он привержен и к Диане.

Был ясный день, как я вам говорил,
И вот Тезей, веселый, полный сил,

С Эмилией, с прекрасной Ипполитой,
 В зеленое одетой, и со свитой
 На лов звериный выехал с утра.
 Он к роще, недалекой от двора,
 Где был олень, как молвили Тезею,
 Дорогой ближней мчит со свитой всею
 И на поляну едет напрямик,
 Где тот олень искать приют привык;
 Там — чрез ручей и дальше до леска...
 Желает герцог поскакать слегка
 Со сворою, что под его началом,
 Но, поравнявшись с тем лесочком малым,
 Взглянул он против солнышка — и вот
 Арситу с Паламоном застает.
 Как два быка, ярятся в рукопашной
 Противники, мечи сверкают страшно.
 И мнится: бой их так свиреп и яр,
 Что свалит дуб слабейший их удар.
 Но кто они — Тезею невдомек.
 Коня пришпорив, он в один скачок
 Пред разъяренною возник четой
 И, вынув меч свой, грозно крикнул: “Стой!
 Под страхом смерти прекратить сейчас!
 Клянусь я Марсом: если кто из вас
 Ударит вновь — лишится головы.
 Теперь скажите, кто такие вы.
 Что бьетесь здесь, по дерзости своей,
 Без маршалов, герольдов и судей,
 Как будто выйдя на турнир придворный?”
 И Паламон ответствовал покорно:
 “О государь, скажу без долгих слов:
 Лишиться оба мы должны голов.
 Мы здесь два пленника, два бедняка,
 Которым жизнь несносна и тяжка.
 Как от сеньора и судьи, не надо
 Нам от тебя приюта и пощады:
 Сперва меня из милости убей,

Но и его потом не пожалей.
 Хоть от тебя его прозванье скрыто,
 Но он — твой злейший ворог, он — Арсита,
 Под страхом смерти изгнанный тобой.
 Погибели он заслужил лихой.
 Он к воротам твоим пришел когда-то
 И должно принял имя Филострата;
 Немало лет обманывал он вас
 И главным щитоносцем стал сейчас.
 Знай, что в Эмилью тайно он влюблен.
 Но так как близок мой предсмертный стон,
 Тебе во всем покаюсь откровенно.
 Я — Паламон, пожизненный твой пленный,
 Расстался самовольно я с темницей,
 Я — твой смертельный враг, и к светлолицей
 Эмилии давно питаю страсть.
 У ног ее готов я мертвым пасть.
 Суда и смерти жду я без боязни,
 Но ты его подвергни той же казни:
 Мы оба стоим смерти, спора нет”.

Достойный герцог тотчас дал ответ,
 Сказавши так: “Задача тут проста.
 Признаньем вашим ваши же уста
 Вас осудили. Это памятя,
 От строгой пытки вас освобожу я.
 Но Марсом вам клянусь, что ждет вас плаха”.

От состраданья нежного и страха
 Рыдает королева Ипполита,
 И плачут с ней Эмилия и свита.
 Казалось, им безмерно тяжело,
 Что без вины постигло это зло
 Двух юношей владельческого рода,
 И лишь любовь — причина их невзгоды.
 Заметив раны, что зияли дико,
 Вскричали все от мала до велика:
 “О, ради дам не будь неумолим”, —
 И на колени пали перед ним,

Готовые припасть к его стопам.
 Но наконец Тезей смягчился сам
 (В высоких душах жалость — частый гость),
 Хотя сперва в нем бушевала злость,
 Но после обозрел он в миг единий
 Проступки их, а также их причину,
 Хоть гнев его обоих осудил,
 Но разум вмig обоих их простил.
 Он знал, что всякий человек не прочь
 По мере сил себе в любви помочь,
 А также жаждет выйти из неволи.
 К тому же Тезей не мог смотреть без боли
 На дам, рыдавших в горе безысходном.
 Приняв решенье в сердце благородном,
 Он так подумал: “Стыд тому владыке,
 Что жалости не знает к горемыке
 И одинаково, как грозный лев,
 Рычит на тех, что плачут, оробев,
 И на упорного душой злодея,
 Который зло свершает не краснея.
 Да, неразумен всякий властелин,
 Который мерит на один аршин
 Гордыню и смиренение людей”.
 Когда от гнева отошел Тезей,
 Взглянул на все он светлым оком снова
 И громко молвил всем такое слово:
 “О бог любви! о benedicite!¹
 Какую власть несешь в деснице ты!
 Препоны нет, что б ты сломать не мог,
 Поистине ты — чудотворный бог!
 Ведь можешь ты по прихоти своей
 Как хочешь изменять сердца людей.
 Вот Паламон с Арситой перед нами,
 Что, распростясь с тюремными стенами,
 Могли бы в Фивах жить средь всяких благ

И знали, что я им смертельный враг
 И что убить их я имею власть,
 И все же поневоле эта страсть
 Сюда на смерть их привела обоих.
 Не дивное ль безумье увлекло их,
 Которым лишь влюбленный заражен?
 Взгляните же на них со всех сторон:
 Прелестный вид, не правда ли? Все — в крови!
 Так им воздал сеньор их, бог любви;
 Вот им достойная за службу платя.
 А оба мнят, что разумом богаты,
 Служа любви все жарче и бойчей.
 Смешней всего, что та, для чьих очей
 И начато все это шутовство,
 Ничуть не благодарна за него
 И ведает о распре их не боле,
 Чем та кукушка или заяц в поле.
 Но в жизни всё мы испытать хотим,
 Не в юности, так в старости дурим.
 Я признаюсь, что много лет назад
 Служить любви и сам бывал я рад.
 И знаю я, как зло любовь нас ранит
 И как жестоко род людской тиранит,
 И, бывши сам не раз в тенетах тех,
 Я вам обоим отпускаю грех
 Из-за горячих слез, как королевы,
 Так и Эмилии, прекрасной девы.
 А вы теперь же поклянитесь мне
 Впредь не чинить вреда моей стране,
 Не нападать ни ночью и ни днем,
 Но быть друзьями мне всегда во всем,
 Я ж вам прощаю все бесповоротно”.
 Тут братья поклялись ему охотно,
 Прося прощенья и вассальных прав.
 И молвил он, прощенье даровав:

“Ваш род высок, и велика казна,
 Вам полюбись царица иль княжна,

1 Благословенный (лат.).

Достойны оба вы такого брака,
Когда настанет время. И, однако
(Я говорю вам о своей сестре,
Подавшей повод к ревности и пре),
Вы знаете, что, спорьте хоть до гроба,
Венчаться с ней не могут сразу оба,
А лишь один, и, прав он иль не прав,
Другой уйдет, не солено хлебав.
Двоих мужей возьмет она едва ли,
Как вы б ни злились и ни ревновали.
И вот я вам даю такой урок,
Чтоб всяк из вас узнал в кратчайший срок,
Что рок судил. Услышьте ж уговор,
Которым я хочу решить ваш спор.
Конечную вам объявляю волю,
Чтоб возражений мне не слышать боле
(Угодно ль это вам иль неугодно).
Отсель пойдете оба вы свободно,
Без утешенья, выкупа иль дани.
А через год (не позже и не ране)
Возьмите по сто рыцарей оружных
Во всех доспехах, для турнира нужных,
Чтоб этот спор навек покончить боем.
А я ручаюсь честью вам обоим
И в том даю вам рыцарское слово,
Что, коль осилит здесь один другого, —
Сказать иначе, если ты иль он
С дружиною возьмет врага в полон,
Убьет его иль сгонит за межу, —
Эмилией его я награжу,
Раз он так щедро одарен судьбою.
Ристалище же здесь я вам устрою.
Как верно то, что Бог мне судия,
Так вам судьей бесстрастным буду я.
И спор тогда лишь будет завершен,
Коль кто падет иль будет взят в полон.
Скажите “да”, коль этот мой приказ

Вам по сердцу. Теперь довольно с вас:
На том конец, и ваш вопрос решен”.

Кто просветел тут лицом? Паламон.

А кто от счастья подскочил? Арсита.

Все лица были радостью залиты

За двух соперников, когда Тезей

Их осчастливили милостью своей.

Все, без различья звания и пола,

В призательности сердца пали долу,

Фиванцы ж много раз и особливо.

И вот с надеждою в душе счастливой

Они, простясь, отправились назад

В свой крепостенный и старинный град.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Меня, пожалуй, люди упрекнут,
Коль щедрости Тезеевой я тут

Не помяну. Он тщился всей душой

По-царски пышным сделать этот бой,

И не было подобного турнира,

Могу сказать, от сотворенья мира.

Округой в милю там была стена —

Из камня вся, и рвом обнесена.

Амфитеатр из многих ступеней

Был вышиною в шестьдесят пядей.

Кто на одной ступени восседал,

Уже другому видеть не мешал.

Врата из мрамора вели к востоку,

Такие ж — к западу, с другого боку.

И не найти нигде, скажу по чести,

Сокровищ столько на столь малом месте.

Обрыкан был весь край и вдоль и вширь;

Кто геометром был, кто знал цифирь,

Кто был создателем картин иль статуй —

Им всем Тезей давал и стол и плату,
Стремясь арену выстроить, как надо.
Чтоб совершились жертвы и обряды,
Велел он на вратах восточных в честь
Венеры, божества любви, возвесть
Молельню и алтарь, а богу битвы
На западе для жертв и для молитвы
Другой алтарь украсил он богато,
Потребовавший целой груды злата;
А с севера на башенке настенной
Из глыбы алебастра белопенной
С пурпуровым кораллом пополам
Диане чистой драгоценный храм
Возвел Тезей, как лишь царю под стать.

Но я забыл еще вам описать
Красу резьбы, и фресок, и скульптур,
Обличье и значение тех фигур,
Что дивно украшали каждый храм.

В Венериной божнице по стенам
Ты увидал бы жалостные лики:
Разбитый Сон, и хладный Вздох, и Крики,
Святые слезы, скорбный вопль Тоски
И огненных Желаний языки,
Что слуг любви до смерти опаляют,
И Клятвы те, что их союз скрепляют.
Тут Мощь и Прелесть, Лесть и Хвастовство,
И Хлопотливость тут и Мотовство,
Бездержная Роскошь и Богатство,
Надежда, Страсть, Предерзость и Приятство,
И Ревность в гелиантовом венке,
С кукушкою, сидящей на руке,
Пиры и Песни, Пляски и Наряды,
Улыбки, Похоть — словом, все услады
Любви, которых не исчислить мне,
Написаны все кряду на стене;
Их больше, чем сумею передать я:
Весь Киферон, пожалуй, без изъятия

(Где водружен Венерин главный трон)
В картинах на стене изображен
И сад ее во всем своем веселье.
Не позабыты тут: вратарь-Безделье,
Нарцисс, красавец тех былых времен;
Безумствующий в страсти Соломон,
Все подвиги Геракла самого,
Медеи и Цирцеи волшество,
Свирепый Турн, столь храбрый в ратном поле,
Богатый Крез, томящийся в неволе, —
Все учит нас, что ум и горы блага,
Краса и хитрость, сила и отвага
Не могут разделить с Венерой трон.
Венера правит миром без препон.
Весь этот люд в ее сетях увяз.
“Увы, увы!” — твердят они не раз.
Два три примера вдосталь говорят,
Но я б набрал и тысячу подряд.

Там статуя Венеры, вся сверкая,
В обширном море плавала нагая;
Ее до чресел море облегло
Волной зеленою, ясной, как стекло.
В ее деснице — лютня золотая,
Над головой голубок реет стая,
А на кудрях, являя вид приятный,
Лежит из роз веночек ароматный.
Пред ней стоит малютка Купидон,
Два крыльышка на спинке носит он,
К тому же он слеп (как всякий часто зрел),
В руке же лук для светлых острых стрел.

А почему мне не поведать вам
О живописи, украшившей храм,
Что герцог Марсу ярому обрек?
Расписан был он вдоль и поперек,
Подобно недрам страшного чертога,
Большой божницы яростного бога
В краю фракийском, хладном, ледяном,

Где, как известно, Марсов главный дом.
 Там на одной стене была дубрава,
 Где все деревья стары и корявы,
 Где остры пни, ужасные на вид,
 Откуда зверь и человек бежит.
 Шел по лесу немолчный гул и стук,
 Как будто буря ломит каждый сук.
 А под холмом, прижат к стене откосной,
 Был храм, где чтился Марс Оруженосный,
 Из вороненой стали весь отлит;
 А длинный вход являл ужасный вид.
 Там слышен был столь дикий вой и рев,
 Что ворота дрожали до основ.
 Лишь с севера сквозь дверь струился свет:
 Отсутствовал окошка всякий след,
 Откуда б свет мог доходить до глаза,
 А дверь была из вечного алмаза,
 Обита крепко вдоль, и вширь, и вкось
 Железом; и чтоб зданье не тряслось,
 Столп каждый изумительных палат,
 Сверкающий сталью, с бочку был в обхват.

Там мне предстал Измены лик ужасный,
 Все Происки и Гнев багряно-красный,
 Как угли раскаленные в кострах,
 Карманная Татьба и бледный Страх,
 С ножом под епанчою Льстец проворный,
 И хлев горящий, весь от дыма черный,
 И подлое убийство на постели,
 Открытый бой, раненья, кровь на теле,
 Раздор с угрозой и с кровавой сталью...
 Весь храм был полон воплем и печалью.
 Самоубийцу я увидел там:
 Живая кровь течет по волосам
 И гвоздь высоко меж волос торчит;
 Там настежь хладной Смерти зев раскрыт;
 Средь храма там стоит Недоли трон,
 Чей лик унылой скорбью омрачен;

Там слышал я Безумья хохот дикий,
 Лихую Ругань, Жалобы и Крики;
 Там искаженный труп лежит в кустах;
 Там тьма поверженных кинжалом в прах;
 Добычу там тиран подъял на щит;
 Там град, который до основы срыт;
 Там флот сожженный пляшет средь зыбей;
 Хрипит охотник в лапах медведей;
 Младенца в зыбке пожирает хряк;
 Ошпарен повар, в чьих руках черпак.
 Марс не забыл во злобе ни о ком:
 Раздавлен возчик собственным возком,
 Под колесом лежит он на земле.

Клевреты Марса там – в большом числе:
 Там оружейник, лучник и коваль,
 Что в кузне для мечей готовит сталь.
 А выше всех – Победа в бастионе
 Сидит с великой почестью на троне;
 Преострый меч у ней над головой
 Висит на тонкой ниточке одной.
 Как пал Антоний, как Нерон великий,
 Как Юлий пал, изображали лики.
 Их не было еще в те времена,
 Но их судьба там наперед видна,
 Как Марсова угроза. Те фигуры
 Все отражали точно, как с натуры.
 Ведь в выших сферах Судьбы начертали,
 Кто от любви умрет, а кто от стали.
 Довольно сих примеров. Много есть
 Их в старых книгах, всех не перечесть.

На колеснице – Марсов грозный лик;
 Он весь в оружье, взор безумен, дик.
 И две звезды над ним горят, сверкая,
 Одна – Пуэлла, Рубеус – другая:
 Им в книгах эти имена даны.
 Так был написан грозный бог войны:
 Кровавоглазый волк у ног лежал

И человечье мясо пожирал.
 Все тонкой кистью выведено строго
 С почтеньем к славе ратоборца-бога.
 Теперь Дианы-девственницы храм
 Как можно кратче опишу я вам.
 Как по стенам от пола до вершины
 Написаны различные картины
 Лесной охоты девственницы чистой.
 Я видел там, как бедная Каллисто
 Под тяжестью Дианиного гнева
 Медведицею сделалась из девы,
 А вслед за тем — Полярною звездой
 (Так понято все это было мной),
 А сын ее был превращен в светило.
 Там Дану страсть во древо обратила
 (Здесь мыслится не божество Диана,
 А дочь Пенея, по прозванию Даны).
 Вот Актеон, в оленя превращенный
 За то, что зрел Диану обнаженной.
 Там псы его (так видел я воочью),
 Не опознавши, растерзали в клочья.
 А поодаль картина там видна,
 Где Атalanта гонит кабана,
 И Мелеагр, и множество других,
 За что Диана поразила их.
 И не одно еще я видел чудо,
 О коем вам рассказывать не буду.

Богиня, на олене восседая,
 У ног своих щенят держала стаю,
 А под ногами — полная луна
 Взошла и скоро побледнеть должна.
 Хоть весел плащ зеленый на Диане,
 И лук в руке, и туча стрел в колчане,
 Но взор богини долу обращен,
 Где в мрачном царстве властвует Плутон.
 Пред ней лежала женщина, стеная:
 Ее терзала схватка родовая,

И так взвывала бедная к Люцине:
 “О, помоги! Ты всех сильней, богиня!”
 Был мастером создатель сих картин,
 Извел на краски не один флорин.

Построили арену, и Тезей,
 С большим расходом для казны своей
 Воздвигший и ристалище и храм,
 Доволен делом был по всем статьям.
 Но про Тезея слушать подождите:

Вернусь я к Паламону и Арсите.
 Уже подходит близко день возврата,
 Чтоб, с сотнями явившихся, оба брата,
 Как я сказал, свой разрешили спор.
 И вот к Афинам, помня уговор,
 Противники ведут по сто бойцов:
 В оружье — все, и каждый в бой готов.
 Покляться мог бы всякий человек,
 Что с той поры, как создан мир, вовек
 (Поскольку дело доблести касалось)
 На море иль на суше не сбиралось
 Героев столько на столь малом месте:
 Всяк, кто привержен был к военной чести
 И кто себя хотел прославить в мире,
 Просился быть участником в турнире.
 И рад был тот, кто избран был в тот час:
 Случись хоть завтра это все у нас,
 То ль в Англии, то ли в стране иной, —
 Как вам известно, паладин любой,
 Что любит *rag amour* и полон сил,
 С охотою бы в этот бой вступил.
 За даму биться каждый рыцарь рад:
 Такой турнир — отрада из отрад.

Не менее удачлив Паламон:
 Бойцы к нему идут со всех сторон.
 Один приехал на лихом коне,
 В кафтане боевом или в броне;
 Другой в двойной кирасе в бой спешит,

Держа иль круглый, или прусский щит;
Гордится третий поножей красою;
Секирою иль палицей стальною:
Все то, что ново, старина знавала.
Так всякий был, как я сказал сначала,
По вкусу своему вооружен.

Смотрите: вот с Ликургом Паламон.
Ликург, кого фракийский чтит народ, —
Воинственен лицом, чернобород,
Горят во лбу очей его орбиты,
Багряно-желтым пламенем залиты.
Глядит он, грифа грозного страшней,
Из-под густых расчесанных бровей.
Он крупен телом, крепок и высок,
Отменно длиннорук, в плечах широк.
Он, по обычаю своей земли,
Стоял на колеснице, что везли
Волы четверкой, все белее мела.
Взамен камзола сверх брони висела
Медвежья шкура, угольев черней,
Горя, как златом, желтизной когтей.
Его власы спадают вдоль спины;
Как ворона крыло, они черны.
Венец тяжелый, в руку толщиной,
На волосах горит, весь золотой,
Алмазами, рубинами блистая.
Вокруг колесницы — белых гончих стая,
Бычков по росту, двадцать штук — не мене,
Чтоб натравить на льва их иль оленя.
На псах, что все в наморднике тугом,
Златой ошейник с кольцами кругом.
Вассалов сотню царь ведет с собой
Свирапых, ярых, снаряженных в бой.
С Арситой ехал (книги говорят)
Индийский царь Эметрий в стольный град.
Гнедой скакун, весь в стали вороненой,
Покрыт расшитой золотом попоной.

Сам царь подобен богу воинств Марсу.
Камзол с гербом — чистейший шелк из Тарса,
На нем же — жемчуг белый, крупный, скатный.
Седло обито золотом презнатно.
А с плеч его свисает епанча,
Горя в рубинах, алых, как свеча,
И волосы, все в кольца завитые,
Блестят на солнце, словно золотые;
Глаза — лимонно-желты, нос — высок,
Округлы губы, свеж румянец щек.
Слегка веснушки лиц его пестрят,
Как исчерна-шафранных пятен ряд.
Взор, как у льва свирепого, горит;
Лет двадцать пять царю ты даши на вид.
Уж в бороде его густеет волос,
Как трубный грохот, громыхает голос,
Венок лавровый вокруг его главы
Пленяет свежей зеленью листвы.
А на деснице держит он для лова
Орла лилейно-белого ручного.
Сто рыцарей владыке служат свитой;
Все — в латах, но с главою непокрытой.
Все пышностью похвастаться могли:
Ведь графы, герцоги и короли
Сошлись, чтоб защищать любовь и честь
И рыцарство на высоту вознести.
Ручные львы и барсы там и тут
Во множестве вслед за царем бегут.

Так весь синклит владетельных господ
В воскресный день сошелся у ворот
И на заре вступает в город сей.

Достойный герцог и герой Тезей,
Введя их всех в свой стольный град Афины
И посадивши каждого по чину,
Всех угощал и не жалел хлопот,
Чтоб всем достойный оказать почет.
И было мнение общее гостей,

Что мир не знал хозяина щедрей.
О музыке, об услуженье в залах,
О всех подарках для больших и малых,
О пышности Тезеевых хором,
О том, как разместились за столом,
Какая дама всех красотой затмила
Иль пеньем, пляской, или говорила
Про жар любви чувствительнее всех,
И сколько было соколиных вех,
И сколько псов лежало под столом, —
Ни слова вам я не скажу о том.
Я к самой сути перейти спешу
И вашего внимания прошу.

Под воскресенье ночью Паламон
Услышал ранний жаворонка звон;
Хоть до зари еще был час-другой,
Но жаворонок пел, и наш герой
С благоговеньем в сердце, духом бодр,
Для богомолия покинув одр,
Пошел к богине, что царит в Кифере, —
Сказать иначе, к благостной Венере.
В час, посвященный ей, герой пошел
К арене, где стоял ее престол,
И в скорби сердца ставши на колени,
Излил поток смиреннейших молений:

“Краса красот, владычица всех стран,
Юпитерова дщерь, чей муж — Вулкан!
Ты радуешь вершины Киферона!
О, ради давней нежности к Адону,
На горький плач мой с жалостью взгляни,
К смиренной просьбе слух свой преклони.
Увы! Я слов достойных не найду,
Чтоб описать тебе свою беду.
Ах, сердце мук моих не выдает,
Я так смятен, что слов недостает.
Пресветлая, меня ты пожалей!
Ты знаешь злую скорбь души моей.

Все мудро взвесь и помоги, богиня!
Тебе клянусь, что я готов отныне
Всей силою служить одной тебе
И с девственностью в вечной жить борьбе,
Я в том клянусь, но помоги сперва.
Я взял оружье не для хвастовства
И не прошу на завтра ни победы,
Ни почестей, ни славы·непоседы,
Что вверх и вниз колеблется волной, —
Владеть хочу Эмилией одной,
До самой смерти только ей служа.
К ней путь мне укажи, о госпожа!
Мне все равно, как мы закончим прю:
Они меня иль я их поборю,
Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!
Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,
Но в небе ты владеешь большей силой:
Коль ты захочешь — завладею милой,
Век буду чтить я храм твой за победу;
Куда я ни пойду и ни поеду,
Тебя не поминать я не смогу.
Но если ты благоволишь к врагу, —
Молю, чтоб завтра погрузил копье
Арсита в сердце бедное мое.
Мне все равно, пусть я паду убитый,
Раз под венец она пойдет с Арситой.
Не отвергай моленья моего,
Дай мне Эмилию, о божество!”

Свою молитву кончил Паламон,
И вслед за тем богине жертву он
Принес, прежалостно верша обряды,
О коих мне повествовать не надо.
И вдруг... качнулась статуя богини
И знак дала, что в силу благостины
Услышен голос был его в сей раз.
Хоть знак отсрочивал блаженства час,
Но знал он: вняло божество мольбе,
И радостный вернулся он к себе.

Неравных три часа минуло там
С тех пор, как он пошел в Венерин храм.
Тут встало солнце, и Эмилья встала
И дев своих с собою в путь собрала.
Во храм Дианы шествуют девицы,
Неся огонь зажженный для божницы,
И разные куренья, и покров
Для принесенья жертвенных даров,
И мед в рогах — и все, что только надо
По правилам старинного обряда.
Дымится убранный роскошно храм...
Благочестивая Эмилья там
В воде проточной тело искупала...
Не смея выдать тайну ритуала,
О нем лишь краткий сделаю отчет,
Хотя подробностей тут каждый ждет;
В них нет для благомыслящих вреда,
Но сдержанным быть лучше иногда.
Волос блестящих расчесав поток,
Дубовый зеленеющий венок
На них она надела, а потом
Два пламени зажгла над алтарем
И все обряды в том свершила виде,
Как описал их Стаций в "Фиваиде".

Смиренья бесконечного полна,
Диане так промолвила она:
"О ты, богиня зелени лесной,
Ты видишь море, твердь и круг земной,
С Плутоном правишь в мрачной глубине.
Все мысли, все желания во мне
Ты знаешь уж давно, богиня дев!
Не дай познать мне месть твою и гнев,
Которыми, богиня, Актеона
Ты покарала зло во время оно.
Хочу я девой круг свершить земной,
Не быть ничьей любезной иль женой:
В твоей я свите (знаешь хорошо ты)

Люблю свершать веселую охоту;
Меня влечет бродить в лесной чащобе,
А не детей вынашивать в утробе,
И не ищу я близости к мужчине.
Ведь ты сильна, так помоги ж мне ныне
Во имя сущности твоей трехликой!
Вот Паламон, что полн любви великой,
И вот Арсита, что заchaх, любя.
По милости им дай, молю тебя,
Покой и дружбу снова обрести,
Сердца их от меня ты отврати.
Неугомонность мук и пыл страстей,
Желанье их и жар, как дым, рассей
Иль обрати их на другой предмет.
Но коль в тебе благоволенъя нет
И неугодный рок меня принудит
Взять одного из них, пусть это будет
Тот, кто меня желает горячей.
Взгляни, богиня чистоты: ручей
Горючих слез бежит с моих ланит!
Ты — чистая, ты — страж, что нас хранит!
Ты честь мою спаси и сохрани!
Служа тебе, да кончу девой дни".

Сияли два огня на алтаре,
Пока молилась дева на заре,
И вдруг узрел ее смущенный глаз
Чудесный знак: один огонь погас
И ожила вновь; затем другой из двух
Затрепетал и вдруг совсем потух,
Но, угасая, прошипел сперва,
Как в очаге намокшие дрова,
А из концов поленьев вновь и вновь,
За каплей капля, засочилась кровь.
Эмилию объял столь грозный страх,
Что, чуть не помешавшись, вся в слезах
Она глядела на чудесный знак
И от испуга растерялась так,

Что страшным воплем огласила храм.
 И вдруг Диана появилась там:
 Охотницей она предстала с луком
 И молвила: "Не предавайся мукам!
 Среди богов небесных решено,
 Записано и клятвой скреплено:
 Ты одному из тех дана в удел,
 Кто зло и муку за тебя терпел.
 Которому из двух, я не скажу.
 Теперь прощай. Отселе ухожу.
 Огни, что мне ты засветила в храме,
 Перед твоим уходом скажут сами,
 Что уготовлено тебе отныне".

При сих словах в колчане у богини
 Издали стрелы громкий звон и стук...
 И вот она из глаз исчезла вдруг.
 Эмилия, в смятении лихом,
 Воскликнула: "Увы, что пользы в том?
 Вверяю я себя твоей охране;
 Во всем теперь подвластна я Диане".
 Затем она пошла к себе домой,
 А я рассказ сейчас продолжу мой.

В ближайший час, что Марсу посвящен,
 Пришел Арсита к богу на поклон,
 К свирепому, чтоб принести, как надо,
 Ему дары по отчemu обряду,
 И с тяжким сердцем к Марсу, богу битвы,
 Благочестивые восслав молитвы:
 "О мощный бог, что средь студеных стран
 Фракийских и возвышен и венчен,
 В любом kraю, в любой земной державе
 Ты ведаешь войной, ведущей к славе,
 По прихоти даря успех в бою!
 Прими ты жертву скромную мою.
 И если я, хотя и юный воин,
 Величию твоему служить достоин
 И числиться подвижником твоим,

Не будь к моей тоске неумолим.
 О, вспомни муки, вспомни те огни,
 Что жгли тебя желаньем в оны дни,
 Когда Венерой услаждался ты,
 Во цвете свежей, светлой красоты
 Твоим объятьям отданной в неволю.
 Ведь сам тогда познал ты злую долю,
 Когда, застав с женой своей, Вулкан
 Тебя поймал в тенета, как в капкан.
 Во имя этих мук души твоей
 Меня в страданьях тяжких пожалей.
 Ты ведаешь: я юн и несмышлен
 И, мню, сильней любовью уязвлен,
 Чем все живые существа на свете.
 Той, для кого терплю я муки эти,
 И горя нет, тону я иль плыву.
 Я знаю: тщетно к ней я возвозу,
 Покуда силой не добуду в поле.
 Я знаю: от твоей зависит воли,
 Добуду ль я любимую мою.
 Так помоги же завтра мне в бою,
 Огонь, тебя сжигавший, памятя
 И тот огонь, в котором здесь горю я.
 О, дай мне завтра над врагом управу.
 Мой будет труд, твоя да будет слава.
 Твой главный храм сильнее чтить я буду,
 Чем храмы все; тебе в угоду всюду,
 Всегда блестая в мастерстве твоем, —
 Повешу у тебя пред алтарем
 Свой стяг и все оружие дружины,
 И никогда до дня моей кончины
 Перед тобою не угаснет свет.
 А на себя я наложу обет:
 И бороду и кудри, что доселе
 Еще вовек обиды не терпели
 От бритв и ножниц, я тебе отдам,
 Твоим слугой до гроба буду сам.

Услыши молитву твоего раба,
В твоих руках теперь моя судьба".

Умолкла речь могучего Арситы.
Тут кольца те, что в двери были вбиты,
И сами двери загремели вдруг.
На миг Арситу обуял испуг.
Огни, что он на алтаре возжег,
Сияньем озаряли весь чертог,
И сладкий аромат струился там.
Арсита поднял длань и, фимиам
В огонь подбросив, всех обрядов круг
До самого конца свершил. И вдруг
Кольчугой идол загремел, и глухо
Сквозь гул, как шепот, донеслось до слуха:
"Победа", — и Арсита воздал честь
Владыке сеч за радостную весть.

Надежды полон, с радостной душой
Арсита полетел на свой постай,
Как птах, что свету солнечному рад.

Но в небесах пошел такой разлад,
Так за своих боролись подопечных
Венера, божество страстей сердечных,
И грозный Марс, оруженосный бог,
Что сам Юпитер их унять не мог.
Но вот Сатурн, холодный, бледный царь,
Что много знал случившегося встарь,
Сноровкою и опытом силен,
Нашел исход для спорящих сторон.
Недаром старость, говорят, сильней,
Чем юность, зрелой мудростью своей:
Юница всегда перемудрит старик.

Сатурн, чтобы утишить шум и крик
(Хоть мир противен был его натуре),
Нашел благое средство против бури.

"О дочь моя, — промолвил он Венере, —
Мой бег, вращаясь по обширной сфере,
Мощней, чем мыслит слабый ум людской:

Я корабли топлю в волне морской,
Я в темной келье узника сушу,
Я вешаю за шею и душу.
Мне служат распрыя, грубая расправа,
Крамола, ропот, тайная отрава;
Я мицу, казню, нещадно кровь лия,
Когда в созвездье Льва вступаю я.
Я — разрушитель царственных палат;
Мигну, и горы плотников лежат
Под башней иль стеною сокрушенной.
Я склонил Самсона под колонной.
Я — повелитель недугов холодных,
Предательств темных, козней подколодных,
Я насылаю взором злым чуму.
Итак, не плачь! Все меры я приму,
И будет твой ревнитель Паламон,
Как ты сказала, девой награжден.
Хоть Марсом защищен второй боец,
Но все же мир наступит наконец,
Хоть столь у вас двоих различен норов,
Что не проходит дня без свар и споров,
Но я, твой дед, готов тебе помочь,
Твое желанье я исполню, дочь".

Теперь оставлю я богов верховных,
И Марса, и богиню мук любовных,
И изложу — сколь можно, без прикрас —
Конец того, о чем я начал сказ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Великий праздник зашумел по граду,
К тому же месяц май дарил отраду
Сердцам людей, и вот за часом час
Шли в понедельник игрища и пляс,
И там Венере все служили ряно.
Но так как все же надлежало рано

Заутра встать, чтоб видеть грозный бой,
Все к ночи удалились на покой.
А поутру, едва лишь день блеснул,
От скакунов и сбруи громкий гул
Загромыхал по всем дворам подряд,
К дворцу помчалось много кавалькад
Из знатных лиц на скакунах проворных.

Там много сбруй сверкало — светлых, черных,
Сработанных роскошно и богато,
Стальных, расшитых, кованых из золота.
Сверкают щит, кольчуга, пышный стяг,
С златой насечкой шлем, камзол, чепрак.
На скакунах — нарядные вельможи.
Здесь ратный муж (с ним щитоносец тоже)
Вбивает гвоздь в копье иль чистит щит,
Подвязывает шлем, копье крепит,
У всех работа, все про лень забыли:
Грызет узду златую конь, весь в мыле;
Проворный мастер оружейных дел
С напилком, с молотком везде поспел;
Все граждане и юноши пешком
Валят толпой, и каждый с посошком.
Гудки, литавры, трубы и рожки,
Чей клич кровавый так бодрит полки.
Дворец набит народом до отказа;
Здесь трое, десять там, гадают сразу,
Кто выйдет победителем из боя.
Один твердит одно, другой — другое.
Одним чернобородый витязь мил,
Других кудрявый юноша пленил:
Он, молвят, лют и сильный даст отпор:
Ведь вдвадцать фунтов у него топор.
Толпа шумела громко и гадала,
А между тем давно уж солнце встало,
И пробудился сам Тезей великий
Под этот говор, музыку и клики.
Но не расстался он с дворцом богатым,

Пока соперников к его палатам
Не проводили с почестью большой.

Вот у окна сидит Тезей-герой,
Как бог на троне, пышно разодет;
Внизу же — народ, собравшийся чуть свет
Владыке своему воздать почет
И выслушать, что им он изречет.

Герольд с помоста возгласил: “Молчанье!”
И все утихли сразу в ожиданье.
Когда в толпе угомонились крики,
Он огласил желание владыки:

“Наш государь по мудрости державной
Решил, что было бы тратой крови славной —
Рубиться тут с повадкою такой,
С какой бойцы вступают в смертный бой.
И вот, чтобы им не дать погибнуть в поле,
Он прежнюю свою меняет волю.
Под страхом смертной казни на турнир
Да не возьмет никто пращей, секир,
Ни самострела, лука иль ножа;
Пусть колющего малого меча
Никто из них не носит на боку;
Противникам лишь раз на всем скаку
С копьем наточенным сойтись обоим
И, защищаясь, биться пешим боем.
Пусть побежденный будет взят в полон,
Но не убит, а к вехам отведен
И по взаимному пусть уговору
Он там стоит до окончанья спора.
Но если вождь ваш (этот или тот)
Сам будет взят иль ворога сшибет,
Немедленно закрыто будет поле.
Бог в помощь вам! Вперед! Сражайтесь вволю.
Оружье — длинный меч и с ним дубина.
Начните же бой по воле владельца”.

Тут глас народа до небес достиг,
Все радостно вскричали в тот же миг:

“Благословен наш добрый воевода:
Он не желает истребленья рода”.

Всем возвещает струн и труб игра,
Что поспешить к ристалищу пора.
Широких улиц проезжают ряд;
Роскошною парчой увешан град.
Величественно едет герцог сам,
А два фиванца рядом по бокам;
Вослед за ним с сестрою Ипполита,
А позади — вся остальная свита:
Все по двое по должности и чину.
И так они спешат через Афины
И на арену прибывают к сроку:
Светило не ушло еще с востока.

Высоко, пышно восседал Тезей,
Супруга же его с сестрой своей
И с дамами уселись все по сходам.
А скамьи все кишащя кишащ народом.
С закатных врат под Марсовой защитой
Въезжает сотня, что пришла с Арситой.
Под алым стягом выступает он.
И в тот же миг с востока Паламон
Вступает в круг с лицом и видом смелым —
Венерин паладин под стягом белым.
Хоть обыщи весь мир и вдоль и вкось,
Тебе бы отыскать не удалось
Других дружин, столь сходных меж собой;
Признал бы, думаю, знаток любой,
Что были в них все качества равны:
И доблести, и возраст, и чины —
Подобраны все были так, как надо.
Их всех построили тотчас в два ряда
И имена прочли, чтоб знать по чести
И без обмана, что их ровно двести.
Закрыли круг, и клич пошел вдоль строя:
“Свой долг свершите, юные герои!”

Герольды уж не ездят взад-вперед,
Гремит труба, и в бой рожок зовет.
Вот в западной дружине и в восточной
Втыкаются древки в упоры прочно,
Вонзился шип преострый в конский бок,
Тут видно, кто боец и кто ездок.
О толстый щит ломается копье.
Боец под грудью чует острие.
На двадцать футов бьют обломки ввысь...
Вот, серебра светлей, мечи взвились,
Шишак в куски раздроблен и расшил,
Потоком красным грозно кровь бежит.
Здесь кость разбита тяжкой булавою,
А там ворвался витязь в гущу боя.
Споткнулся дюжий конь, что несся вскачь.
Тот под ноги другим летит, как мяч,
А этот на врага идет с древком.
Вот рухнул конь на землю с седоком.
Один пронзен насеквозд и взят в полон
И, горемыка, к вехам отведен,
Чтоб ждать конца, как правила гласят;
Другой противной стороною взят.
Бой прерывал владыка не однажды
Для отдыха и уголенья жажды.

Фиванцы оба в этот день нередко
Встречались там, разя друг друга метко;
С коней друг друга сбросили на поле.
Такой тигрицы нет в Галадском доле
(Хоть у нее тигренка отнимите),
Что лютостью равнялась бы Арсите,
Чье сердце распалил ревнивый гнев.
Найдется вряд ли в Бельмарии лев,
Что, голodom иль пыами разъярен,
Так крови жаждал бы, как Паламон
Убить врага Арситу жаждал яро.
На шлемы злые рушились удары,
Струею алоей кровью текла с бойцов.

Но есть всему предел в конце концов.
 Еще не село солнце на покой,
 Как царь Эметрий налетел стрелой
 На Паламона, что с Арситой бился, —
 И в тело глубоко клинок вонзился.
 Вмог двадцатью был схвачен Паламон
 И силою за вехи отведен.
 На выручку ему Ликург спешит,
 Могучий царь, но тут же наземь сбит.
 Эметрий сам, хоть слыл за силача,
 С коня слетает на длину меча:
 То сшиб его до плена Паламон.
 Но все напрасно: взят герой в полон.
 Ему отвага тут не пособила;
 Он должен плен снести: ведь держит сила,
 А также уговор первоначальный...

Страдает тяжко Паламон печальный!
 Уже не в силах он продолжить спор...
 Едва Тезей на поле бросил взор,
 Дружинам, что сражались меж собой,
 Он крикнул: "Эй! Довольно! Кончен бой!
 Я — беспристрастен, суд мой — справедлив.
 Эмилию Арсита, князь из Фив,
 Получит; честно выиграл он бой".

Тут поднялся в толпе восторг такой,
 Так загудел широкий круг арены,
 Что вот, казалось, сокрушаются стены.

А что владычица любви Венера
 На это скажет? В горести без меры,
 Она теперь рыдает так со зла,
 Что даже цирк слезами залила.
 "Посрамлена я, в том сомненья нет!"

"Дочь, успокойся, — ей Сатурн в ответ.
 Марс победил, и рад его боец,
 Но ты, клянусь, осилишь под конец".
 Тут подняли герольды кверху трубы
 И музыкой, торжественной сугубо,

Хвалу воздали славному Арсите...
 Но будьте-ка потише и внемлите:
 Вот что внезапно там стряслось затем.

Арсита лютый отвязал свой шлем
 И на коне, чтоб всем явить свой лик,
 Чрез всю арену скакет напрямик,
 Подняв глаза к Эмилииной ложе.
 Та нежным взором отвечает тоже
 (Ведь вообще благоволенье дам
 Всегда идет за счастьем по пятам),
 Уж льнет она к нему душой и взглядом...
 Вдруг фурия, извергнутая адом,
 Из-под земли явилась от Плутона
 По поискам Сатурна. Конь с разгона
 Шарахнулся и рухнул на песок.
 Арсита и одуматься не мог,
 Как вдруг был оземь сброшен головой,
 Вот на песке лежит он чуть живой:
 Лукой седельной грудь его разбита.
 Кровь бросилась в лицо, и стал Арсита
 Вороных перьев, угольев черней.
 С арены с плачем горестным скорей
 Несут его в Тезеевы палаты.
 Чтоб с тела снять, пришлось разрезать латы;
 Уложен он на мягкую постель —
 Он жив еще и в памяти досель.
 Свою Эмилию зовет все время.

Тезей со свитой и гостями всеми
 Немедленно отправился назад
 С великой пышностью в свой стольный град.
 Хотя беда случилась, как на грех,
 Но не желал он опечалить всех;
 К тому ж все полагали, что жених
 Излечится от страшных ран своих.
 Еще и то им сердце веселит,
 Что не был там никто из них убит.
 Все ранены; один лишь тяжело,

Сквозь кость грудную острие прошло.
 От прочих ран, поломов рук и ног
 Кому бальзам, кому колдун помог.
 Пьют зелия, настойки и шалфей, —
 Ведь жизнью кто не дорожит своей,
 А знатный герцог всем им воздает
 По мере сил и помощь и почет.
 Всю эту ночь пропиравал Тезей
 В кругу приехавших к нему князей,
 И, кроме игр военных и турнира,
 Меж них ничто не нарушило мира,
 Ничто обиды не рождало жгучей:
 Упасть с коня — ведь это только случай,
 И случай — к вехам удалиться с поля,
 Когда хватают двадцать или более
 Вас одного, и нет у вас подмоги,
 И держат вас за руки и за ноги,
 И палкой лупят вашего коня,
 С арены прочь его в обоз гоня;
 Для рыцаря нет посрамления в том;
 Никто его не назовет трусом.
 Итак, Тезей велел кричать по граду,
 Чтоб все забыли зависть и досаду,
 Что отличились обе стороны
 И, словно сестры, в доблести равны.
 Когда он раздал по чинам дары,
 Три полных дня шли игры и пиры.
 Царей сопроводил он за ворота
 На день пути для вящего почета.
 И все вернулись по прямым дорогам,
 Звучало только: “Добрый путь” и “С Богом”.
 Теперь от боя мне вы разрешите
 Вернуться к Паламону и Арсите.
 Все большие пухнет у Арситы грудь,
 И язва к сердцу пролагает путь,
 Свернулась кровь, всем лекарям назло,
 И отравленье в глубину пошло.

Не помогают банки и ланцет,
 И от целебных зелий пользы нет.
 Животной силы, названной природной
 За свойство вытеснять весь груз негодный,
 Не стало в нем, чтоб вон извергнуть гной.
 Раздулись бронхи, на груди больной
 Уже не может мышечная сеть
 Гниения и яда одолеть.
 Слабительных и рвотных средств уж нет,
 Чтоб уничтожить гноя страшный вред;
 Раздроблены все раненые части.
 Природа тут своей лишилась власти.
 А раз природа потеряла силу —
 Прощай, наука! Надо рыть могилу.
 Итак, Арсита должен ждать конца.
 И шлет он за Эмилией гонца,
 А также и за братом дорогим.
 Послушайте, что он промолвил им:
 “Не в силах жалкий дух в груди моей
 Пересказать и доли всех скорбей
 Вам, госпоже над всеми дорогой;
 Но дух свой завещаю вам одной,
 Из всех людей владейте им одна,
 Раз жизнь моя закончится должна.
 Увы, о скорбь! Увы, о мука злая!
 Я из-за вас давно терплю, страдая.
 Увы, о смерть! Эмилия, увы!
 Со мной навеки расстаетесь вы!
 Рок не судил нам общего удела,
 Царица сердца и убийца тела!
 Что жизнь? И почему к ней люди жадны?
 Сегодня с милой, завтра в бездне хладной!
 Один как перст схожу в могилу я,
 Прощай, прощай, Эмилия моя!
 Сожми меня в объятьях горячо
 И выслушай, что я скажу еще.

Мы с Паламоном-братьем с давних пор
 Вели борьбу великую и спор
 Из-за любви и ревности своей. —
 Юпитер пусть научит, как верней
 Мне все поведать о служенье dame
 Со всеми надлежащими чертами, —
 А это — верность, честь и знатность рода,
 Смиренье, ум и доблесь и свобода,
 И сан, и все, что нужно в ратном поле.
 Пускай Юпитер не получит доли
 В душе моей, коль есть на свете воин,
 Что так, как Паламон, любви достоин.
 Тебе служить он мним венцом всех благ,
 И если ты вступить захочешь в брак,
 О Паламоне вспомни, честном муже..."

Тут речь Арситы стала течь все хуже.
 Смертельный холод поднялся от ног
 К его груди, и бедный изнемог.
 В его руках ослабла вслед за тем
 Живая мощь и скрылась вдруг совсем.
 Сознание, что направляло тело
 Из горестного сердца, онемело,
 Когда для сердца пробил смертный час.
 Потом дыханье сперлось, взор угас.
 От дамы глаз не мог он отвести.
 Последний вздох: "Эмилия, прости!" —
 И дух, сменив свой дом, помчался к краю,
 Где не был я; где этот край — не знаю.
 Итак, молчу; ведь я не иерей,
 Которому уделы душ ясней.
 И не хочу я излагать все мненья
 Писавших про загробные сelenья.
 Арситы нет. Марс, душу упокой!
 К Эмилии рассказ вернется мой.

Эмилия вскричала, скорбный глас
 Возвысил Паламон. Тезей тотчас
 Сестру без чувств унес от тела прочь.

Описывать ли мне, как день и ночь
 Она скорбит, встречая плачом зори?
 Ведь все супруги предаются горю,
 Когда мужья от них уходят вдали:
 Их всех томит великая печаль,
 А многие, не выдержавши мук,
 Венчают смертью тяжкий свой недуг.

Безмерна скорбь, и слез поток безбрежен
 У тех, кто стар, и тех, чей возраст нежен,
 В Афинах всюду; все — и стар и млад —
 О павшем юном рыцаре скорбят.
 Ручаюсь вам, не так был страшен стон,
 Когда убитый Гектор был внесен
 В троянский град. В Афинах скорбь царит.
 Терзанье кос, царапанье ланит.
 "Зачем ты умер, — жены голосят, —
 Эмилией любим, казной богат!"

Никто не мог унять тоску Тезея,
 Опричь отца, маститого Эгейя.
 Он знал всех дел земных круговорот
 И видел их падение и взлет —
 Грусть после смеха, после горя смех.
 И притчи знал для обстоятельств всех.

Он молвил так: "Из жителей могил
 Любой на свете хоть немного жил,
 И так же всякий, кто на свет рожден,
 В свой срок покинуть мир сей принужден.
 Что этот мир, как не долина тьмы,
 Где, словно странники, блуждаем мы?
 Для отдыха нам смерть дана от Бога".
 Об этом говорил еще он много, —
 Все для того, чтоб вразумить людей,
 Заставить их утешиться скорей.

Тезея между тем томит забота,
 Где сделать, для воздания почета,
 Последнее Арсите торжество,
 Согласное со званием его.

И наконец решенье принял он,
Что в месте, где с Арситой Паламон
Из-за любви затеял бой нещадный,
В той рощице, зеленой и отрадной,
Где юноша мечты свои укрыл,
Где сотовал и охлаждал свой пыл,
Свершиться должен горестный обряд:
Пусть там останки на костре сгорят.
Повелевает герцог бить-рубить
Столетние дубы и в ряд сложить
Шпалерами, чтоб их огонь зажег.
Клевреты скачут иль не слыши ног
Бегут, куда послал их господин.
А он велел доставить паланкин
И весь устлать парчою золотой,
Ценнейшею из тех, что в кладовой.
Арситу обрядили в те же ткани,
Надев перчатки белые на длани,
Зеленым лавром увенчав чело.
В деснице острый меч горит светло,
А лик открыт под сенью катафалка.
Тезей рыдает так, что слушать жалко.
Чтоб весь народ Арситу видеть мог,
При свете дня его внесли в чертог,
Где слышен неумолчный крик и стон.

И вот фиванец скорбный, Паламон,
С брадой косматой, с пеплом в волосах,
Вошел туда весь в черном и в слезах.
Коль не считать Эмилии печальной,
Он всех несчастней в свите погребальной.
Чтоб был обряд богаче и пышней,
Как для вельможи высших степеней,
Тезей велел трех скакунов богатых
Вести вослед в стальных блестящих латах,
Украшенных Арситиным гербом.
На белых крупных скакунах верхом —
Три всадника. Один копье держал,

Другой Арситин щит в десницу взял,
А третий вез турецкий лук героя
(Колчан при луке — золото литое).

Послушайте, как все происходило.
Все едут к роще тихо и уныло.
Знатнейшие всей греческой земли
Носилки с телом на плечах несли.
Нетверд их шаг, суров и влажен взгляд.

Идут по главной улице чрез град,
Что в черном весь до самых крыш домов,
И улицу такой же скрыл покров.
У тела справа шел старик Эгей,
А по другую руку — вождь Тезей,
Неся златые чаши перед народом
С вином и кровью, молоком и медом.
Шел Паламон среди большой дружины,
За ним Эмилия, полна кручиньи,
Несла огонь: обычаем тех дней
Обряд сожженья был поручен ей.
С большим трудом, при пышном ритуале
Священный одр Арсите воздвигали.
Главой зеленою в твердь ушел костер,
На двадцать сажен руки он простер —
Столь, значит, были ветки широки.
Соломы клали целые выюки.

Ни как костер уложен был сполна;
Ни как деревьям были имена
(Дуб, ель, береза, тополь, терн, платан,
Лавенда, ива, явор, букс, каштан,
Вяз, бук, орех, тис, ясень, липа, клен);
Ни как рубили их для похорон;
Ни как засутились божества,
Когда пришлось покинуть дерева,
Где жизнь текла их, полная отрады, —
Все нимфы, фавны и гамадриады;
Ни как бежали в страхе зверь и птица,
Когда деревья начали валиться;

Ни как объял испуг чащобу эту,
 Что не привыкла к солнечному свету;
 Ни как солому клали, слой на слой;
 Ни как раскалывали лес сухой,
 Затем бросали пряности и хвою
 И самоцветы с тканью парчевою;
 Ни как повис венков душистых ряд;
 Ни как струился мирры аромат;
 Ни как среди костра лежал Арсита,
 Блестящим светом роскоши залитый;
 Ни как, по чину древних похорон,
 Рукой Эмилии был костер зажжен;
 Ни как она, поднесши трут, сомлема
 И что-то молвила, взглянув на тело;
 Ни как бросали в пламя вещи в дар,
 Когда огня распламенился жар;
 Ни как одни кидали щит, копье,
 Другие — одеяние свое,
 Мед, молоко или вино из чаши
 В костер, что полыхал все выше, краше;
 Ни как большой толпой во весь опор
 Три раза слева обскакав костер,
 Три раза греки вскрикнули в печали,
 Три раза копья с грохотом подъяли
 И трижды жены подымали вой;
 Ни как везли Эмилию домой,
 И хладным пеплом стал Арситы прах,
 Ни как всю ночь стояли на часах,
 А после к играм обратились снова, —
 Об этом всем я не скажу ни слова,
 Как и о том, кто там, борясь нагим
 И намазанным, был непобедим,
 И как затем, окончивши игру,
 Вернулись все в Афины поутру...
 Я к самой сути возвращусь сейчас,
 Чтобы закончить длинный свой рассказ.

Когда прошло довольно много лет,
 Стал грекам вновь желанен солнца свет.
 По общему меж ними уговору,
 В Афинах, мнится, был совет в ту пору,
 Что обсуждал различные дела,
 И, между прочим, речь о том зашла,
 Чтоб, разные союзы заключив,
 Добраться полной верности от Фив.
 И вот великий властелин Тезей
 За славным Паламоном шлет людей,
 И тот, не зная цели и причины,
 Весь в черном платье, полон злой кручиньи,
 На зов вождя великого спешит,
 А тот призвать Эмилию велит.

Уселись все, и стих гудевший зал;
 Тезей сперва немного переждал,
 Не в силах слово из груди извлечь,
 Потом повел к собранью тихо речь.
 Вздохнув слегка, со взором, полным боли,
 Он августейшую поведал волю:

“Великий Перводвигатель небесный,
 Создав впервые цепь любви прелестной
 С высокой целью, с действием благим,
 Причину знал и смысл делам своим:
 Любви прелестной цепью он сковал
 Перст, воздух и огонь и моря вал,
 Чтобы вовек не разошлись они.
 И тот же Двигатель в седые дни
 Установил своей святою волей
 Известный срок — вот столько и не боле, —
 Для всякого, кто женщиной рожден,
 И этот срок не может быть преиден;
 Порою может он лишь сокращаться.
 Ни на кого не буду я ссылаться:
 То опытом доказано давно.
 Мной будет только следствие дано.
 Поняв порядок сей, мы заключим,

Что Двигатель вовек несокрушим.
 Часть целым обусловлена: кому
 Неведомо об этом, враг уму.
 Вселенная, быв хаосом сперва,
 Не из обломков вышла вещества,
 А из основы вечной, совершенной
 И, только вниз спустившись, стала бренной.
 А провиденье в мудрости благой
 Столь благолепный учредило строй,
 Что виды и движенья всех вещей
 Должны всегда сменяться в жизни сей;
 Они не вечны — это непреложно,
 Увидеть это даже глазом можно.
 Дуб, например: растет он долгий срок,
 С тех пор как из земли пустил росток;
 Вы видите, как долго он живет;
 Но все же ствол в конце концов сгниет.
 Взгляните вы на камень при дороге,
 Который трут и топчут наши ноги:
 И он когда-нибудь свой кончит век.
 Как часто сохнут русла мощных рек!
 Как пышные мертвят города!
 Всему предел имеется всегда.
 Мы то же зrim у женщин и мужчин:
 Из двух житейских возрастов в один
 (Иль в старости, иль в цвете юных лет)
 Король и паж — все покидают свет.
 Кто на кровати, кто на дне морском,
 Кто в поле (сами знаете о том).
 Спасенья нет: всех ждет последний путь,
 Всяк должен умереть когда-нибудь.
 Кто всем вершил? Юпитер-властелин;
 Он царь всего, причина всех причин.
 Юпитеровой воле все подвластно,
 Что из него рождается всечасно,
 И ни одно живое существо
 В борьбе не может одолеть его.

Не в том ли вся премудрость, Бог свидетель,
 Чтоб из нужды нам сделать добродетель,
 Приемля неизбежную беду?
 Как рок, что всем написан на роду?
 А тот, кто ропщет, — разуменьем слаб
 И супротив творца мятежный раб.
 Поистине, прекрасней чести нет,
 Чем доблестно скончаться в цвете лет,
 Уверенным, что оказал услугу
 Ты славою своей себе и другу.
 Приятней вдвое для твоих друзей,
 Коль испустил ты дух во славе всей,
 Чем если ты поблек от дряхлых лет
 И, всеми позабыт, покинул свет.
 Всего почетней пред мольвой людской
 В расцвете славы обрести покой.
 Упрямец только будет спорить с этим.
 Чего ж мы ропщем? С гордостью отметим,
 Что наш Арсита, ратоборцев цвет,
 Исполнив долг, покинул с честью свет
 И этой жизни грязный каземат.
 Зачем, любя его, жена и брат
 Его счастливую судьбу хулят?
 Он благодарен им? О нет, навряд.
 И душу друга и себя позоря,
 Они досель унять не могут горя.
 Из длинной речи что же извлеку?
 Одно: пусть радость сменит им тоску.
 За милость мы Юпитера восславим
 И, прежде чем сии места оставим,
 Мгновенно сделаем из двух скорбей
 Одно блаженство до скончанья дней.
 Смотрите ж: где всего сильней страданье,
 Оттуда и начну я врачеванье.
 Сестра, мое решенье таково:
 С согласия совета моего,
 Пусть Паламон, ваш рыцарь, что примерно

Вам сердцем всем и силой служит верно
 И так служил с тех пор, как знает вас,
 Любовью вашей взыщется в сей час.
 Отныне муж вам юноша прекрасный.
 Мне дайте руку в том, что вы согласны.
 По-женски будьте кротки, а не строги:
 Ведь он — племянник царский, видят боги.
 Но если бы простой вассал он был,
 Ведь то, что столько лет он вам служил
 И столько ради вас терпел тягот,
 Вы, верьте мне, должны принять в расчет.
 Не знает милость никаких препон".

А рыцарю он молвил: "Паламон,
 Вам увещанья надобны едва ли,
 Чтобы на это вы согласье дали,
 Приблизьтесь и подайте руку dame.
 Согласие моих баронов с вами".

Тут узами, которым имя брак,
 Связали их; для жизни, полной благ,
 С веселием под нежных лютней звон
 С Эмильей повенчался Паламон.
 О, если б Бог-зиждитель так дарил
 Любовь всем тем, кто так ее купил!
 Наш Паламон, блажен своей любовью,
 Живет в богатстве, радости, здоровье.
 Эмилией любим он столь же нежно
 И служит ей по-рыцарски прилежно,
 И нет меж ними ни худого слова,
 Ни ревности, ни спора никакого.

О Паламоне кончен мой рассказ,
 И да хранит Господь Всевышний нас!

Здесь кончается рассказ Рыцаря

ПРОЛОГ МЕЛЬНИКА

*Следуют слова, коими обменялись
 Трактирщик и Мельник*

Когда закончил рыцарь свой рассказ,
 И юные и старые средь нас
 Одобрили все выдумку его
 За благородство и за мастерство.
 Рассказ его, мол, каждому занятен,
 А особливо тем из нас, кто знатен.

Но тут трактирщик всех прервал божбой:
 "Ах, черт! А ведь пошло! Очаг я свой
 Разжег на славу. Вертел знай крути!
 Теперь историей нас угости
 Ты, сэр монах. Начни и тут же, разом,
 Его ты переплюнь своим рассказом".

Но мельник яростно разбушевался,
 Он пьян был вдребезги; как он в седле держался,
 В толк не возьму. Да и вообще нахал
 Он был, буйн и шапки не ломал
 Ни перед кем, а тут как разорался —
 Без удержу клялся он и ругался.

"Мне слово дай, и слов я наскребу
 И рыцарев рассказ перешибу.
 Ты не гляди, что я мужлан негодный, —
 Я вам припас рассказец благородный".

Трактирщик молвил, видя, что он пьян:
 "Послушай, Робин, ты хоть и буйн,

И к моему не приближайся крову,
Не то спущу я на тебя собак.
Другой слуга впредь не посмеет так
Меня обманывать и так морочить".
И вот наш подмастерье дни и ночи
Мог пьянствовать, кутить и бушевать
И жизнь свою в беспутстве прожигать.

А раз всегда друзей найдется шайка,
Чтоб вора приютить и попрошайку,
И вместе с ним кутить и пировать,
И наворованное им сбывать, —
То Перкин-плут, на все худое прыткий,
Связал тотчас же в узел все пожитки
И свез к приятелю. Его жена,
Хотя была торговкою она,
Но в городе о ней ходили слухи
Как о доносчице и потаскуче...

.....
.....

Здесь обрывается не законченный Чосером
рассказ Повара

ПРОЛОГ ЮРИСТА

Слова Трактирщика ко всей компании

Трактирщик наш увидел, что пройти
Успело больше четверти пути
На небе солнце. Был ему неведом
Углов расчет, однако же с обедом
Еще ни разу он не опоздал
И время с точностью определял.
Что восемнадцатый был день апреля,
Трактирщик знал (лучи в то утро грели
По-майскому). Дерев равнялась тень
Их росту, следовательно, в тот день
И в этой широте — пробило десять;
И это правда, если здраво взвесить:
Ведь ясно и без точного промера,
Что сорок пять делений угломера
Прошло светило с наступленья дня.

И вот трактирщик придержал коня.
“Друзья, — сказал он, — утро на исходе,
И я скажу при всем честном народе,
Что времени не следует терять,
Оно имеет свойство уплывать,
И в час ночной, когда мы сладко спим,
И днем, когда не знаем, как нам с ним
Управиться. Оно ручью подобно,
Что с гор течет, дробясь о камни злобно,

И вверх его на кручи не поднять.

Сенеке довелось не раз писать,
Что времени потеря горше смерти,
А этому философу вы верьте.
Ведь, разорясь, вновь золото наживешь,
А времени, увы, уж не вернешь,
Как девства... Утеряв его беспечно,
Девчонке не вернуть его, конечно.
Что ж, сэр юрист, наш крепок уговор,
Вы не вступайте в бесполезный спор,
Коль добровольно приняли решенье
Быть у меня сегодня в подчиненье.
Так вот извольте тотчас начинать
И наш порядок строго соблюдать".

"Что ж, depardieu¹, — сказал юрист, — согласен,
Что я в долг, и смысл закона ясен.
Долги всегда оплате подлежат,
И не напрасно люди говорят:
"Кто для других законы составляет,
Пусть те законы первым соблюдает".
Рассказывать готов я, господа,
Но что рассказывать, вот в чем беда.
Хотел бы я, чтоб был рассказ прекрасен,
Да нету подходящего в запасе.
Вот Чосер, он хоть мало понимает
В различных метрах и стихи слагает
Нескладно очень, но по мере сил
По-английски как мог переложил
Рассказов много о несчастных дамах.
Не там, так здесь, но о любовных драмах
Он в каждой книге без конца твердил.
Пример Овидия его прельстил.
Не стоит мне те сказки повторять,
Которые успел он рассказать.

¹ Клянусь Богом (франц.).

Ведь, с юности привержен Аполлону,
Встарь Кейка он воспел и Альциону,
А также многих достославных дам.
Лишь для примера приведу я вам
Весь сонм святых угодниц Купидона:
Как закололась от любви Диодона,
Когда покинул бедную Эней;
Как Филлис смерть нашла среди ветвей;
Как Ариадна, или Испипилла
Свои стенанья к небу возносила;
Мечом пронзенные, как умирали
Лукреция и Фисба; мы читали
В его стихах, как мучилась Елена
Вдали от родины в годину плены,
И как Леандр в пучине утопал
И Геро, умирая, призывал;
Как Лаодамия и Брисеида
Оплакивали пленников Аида;
Как победителя героев мира
Невольно погубила Деянира;
Как королева злобная Медея
Детей своих повесила за шею,
Чтоб наказать изменника Ясона;
И то, как вопияла Гермиона;
Особо воспевал он Ипермнестру
И Пенелопу, выше ж всех Альцесту.
Но, вспоминая дам несчастных тех,
Не рассказал про Канацеи грех,
Что к брату страсть греховную питала
(Таких историй хоть бы не бывало!),
Нижे про Аполлония из Тира
Не рассказала Чосерова лира,
Как тот от скорби тяжкой изнемог,
Когда король проклятый Антиох,
Объятый похотью и жаждой мести,
Дочь Аполлонию обесчестил,

И горше всех в той повести строка мне,
Как девушку злодей швырнул на камни.
Нет, Чосер никогда таких страстей
Не допускал. Ужасных повестей
Не любит он, уродств и извращенья —
И в том он прав, без всякого сомненья.

Так что же, братья, рассказать мне вам?
Вы помните несносную богам
Кичливость дев, что Пиерид прозванье
Носили встарь и были в наказанье
В сорок обращены. Так вот боюсь,
Что сущею безделицей явлюсь.
Но все ж, друзья, откину ложный страх,
Я прозой говорю, а он — в стихах".
И начал он рассказ неторопливо,
И все ему внимали терпеливо.

ПРОЛОГ К РАССКАЗУ ЮРИСТА¹

О бедность, мать бесчисленных обид!
Тебе, — морозом, голодом томимой, —
Взвывать о помощи мешает стыд.
Но так твои страданья нестерпимы,
Что ты всегда принуждена, помимо
Желания, взаймы у ближних брать,
Иль попрошайничать, иль воровать.

Христа ты осуждаешь, негодуя,
Что правды нет в распределенье благ.
И сердцем злобствуешь напропалую,
Коль твой сосед не ниш, как ты, и наг.
“Вот погоди, — сжимая свой кулак,

Ты говоришь, — тебя поджарят черти
За то, что скрягою ты был до смерти".

Недаром мудрецы нам говорят,
Что смерть куда желанней нищеты доли.
Того лишь уважают, кто богат,
А бедняка-соседа поневоле
Всего лишь терпят кое-как, не боле.
И правы мудрецы, что человек
Несчастен, если нищим прожил век.

Кто беден, ненавистен даже брату,
И от него, увы, друзья бегут.
Искусные купцы с сумой богатой,
Как правильно вы действуете тут!
Приносит вам ваш благородный труд
Лишь крупные очки, не единицы, —
В сочельник можете повеселиться.

Вы рыщете по волнам всех морей,
Вы посещаете края чужбины,
И вам, отцы вестей и новостей,
Краев земных все ведомы судьбины.
Я прославляю вас не без причины:
Ведь от купца услышал я рассказ,
Которым нынче позабавлю вас.

¹ Перевод О. Румера.

РАССКАЗ ЮРИСТА

Здесь начинает Юрист свой рассказ

В далекой Сирии жила когда-то
Кампания купцов, державших склад
Шелков и тканей с вышивкой из золота
И всяких пряностей. И стар и млад
В чужих краях вести был с ними рад
Продажу-куплю, — знали повсеместно
Товары их и нрав отменно честный.

И вот однажды, — то ль чтоб отдохнуть,
То ль по делам торговым, я не знаю, —
Сирийцев наших часть решила путь
Направить в Рим, туда не высылая
Гонцов заране из родного края.
Себе роскошный снявши в Риме дом,
Они все вместе поселились в нем.

Дни потекли чредой неутомимой,
И доносилась до купцов хвала
Констанце, дочери владыки Рима, —
Хвала, что на устах у всех была.
Ее красу и добрые дела

Все граждане превозносили дружно;
Об этом рассказать подробней нужно.

Все говорили: “Дочь родил на свет
Наш добрый император, — многи лета
Дай Бог ему! — которой ровни нет
И не было от сотворенья света.
Так добродетельна принцесса эта
И хороша собой, что впору ей
Владычицею стать Европы всей.

В ней красота не связана с гордыней,
В ней юность легкомыслию чужда,
К участливой готова благостиyne
Прелестная рука ее всегда.
Хоть молоды еще ее года,
Душа ее уже святою стала,
Всех добродетелей она зерцало”.

Народный голос, видит Бог, был прав.
Теперь опять к рассказу перейду я.
Вновь погрузив суда и повидав
Прекрасную принцессу молодую,
Купцы вернулись в Сирию родную,
Чтоб снова приступить к своим делам.
Подробности не интересны вам.

Султан сирийский очень благосклонно
Всегда тех славных принимал купцов,
Расспрашивал про берег отдаленный,
Про нравы и дела чужих краев.
Их угостить всегда он был готов,
Чтоб разузнать за чашей браги пенной
О чудесах неведомых вселенной.

В повествованье их на этот раз
Констанца много места занимала,
И про принцессу дивную рассказ
Султану душу взволновал немало.
Она ему такой желанной стала,

Что он хотел бы до скончанья дней
Любить ее и думать лишь о ней.

А в необъятной книге, той, что нами
Зовется небом, рок султана злой
Был звездными начертан письменами:
Смерть от любви. В огромной книге той
Начертано невидимой рукой, —
Ясней стекла для тех, кто понимает, —
Какая смерть любого ожидает.

До их рожденья был начертан рок
Помпея, Юлия и Ахиллеса,
Определен войны фиванской срок,
Предсказана кончина Геркулеса,
Сократа, Турна. Но лежит завеса
На нашем зренье, — к звездным письменам
Мы слепы, их язык невнятен нам.

На заседанье тайного совета
О замысле своем сказал султан,
Прибавив (сообщить спешу вам это),
Что он погибнет от сердечных ран,
Коль знак любви ему не будет дан.
Должна Констанца стать его женою, —
Дотоль он не найдет себе покоя.

Разнообразных мнений ряд потом
Был высказан при этом обсужденье;
Не позабыли вспомнить и о том,
Что надо опасаться наважденья.
Все споры прекративши, в заключенье
Совета члены порешили так:
Единственный хороший выход — брак.

Но овладело членами совета
Сомнение. Принцесса и султан

Различной веры, — не преграда ль это?
Захочет ли владыка христиан
Дочь отпустить в ему враждебный стан,
Чтоб стал ее супругом некрещеный,
Закону Магомета подчиненный?

“Мне от Констанцы отказаться? Нет, —
Ответил он, — скорей приму крещенье;
Без этой женщины не мил мне свет.
Поэтому оставьте возраженья
И помогите мне обрести спасенье.
Лишь в ней оно, — душе моей покой
Даст лишь Констанца, став моей женой”.

Обмен посольствами, переговоры,
Содействие святейшего отца,
И рыцарства, и церкви, для которой
Сбылась мечта неверье до конца
Сразить во славу вящую Творца,
К трактату привели, чье содержанье
Я предлагаю вашему вниманию.

Султан сирийский должен быть крещен
С баронами и всей дружиной ленной;
Тогда в супруги получает он
Констанцу с суммой золота отменной
И обещанье помочи военной.
Трактат скреплен был клятвою двойной.
Констанца, в путь! С тобою Всеблагой.

Подробного рассказа вы не ждите
О брачном поезде, о тех, кто был
К ее блестательной причислен свите,
Которую отец ей снарядил.
Нет у меня ни времени, ни сил
Для описания столь славной свиты,
Составленной из знати именитой.

Лиши кратко сообщить могу я вам:
 В нее вошли епископы, вассалы
 И много видных рыцарей и дам.
 Народу власть молиться приказала
 В церквях о том, чтоб небо ниспослало
 Младой чете во всех делах успех
 И чтоб их путь свершился без помех.

И наступил отплытья день тревожный,
 Отплытья день забрежкил роковой.
 Охвачены горячкою дорожной,
 Все стали собираться в путь морской.
 Томима безотчетною тоской,
 Констанца встала, бледная, с постели
 И попросила, чтоб ее одели.

Как было слез не лить горячих ей,
 Властителя заморского невесте?
 Вдали от родины и всех друзей
 Ей предстояло в незнакомом месте
 Всю жизнь прожить с супругом чуждым вместе.
 Лиши между близкими удачен брак, —
 Всегда и всюду это было так.

“Отец, тобой взлеленное чадо, —
 Шептали бледные ее уста, —
 Благослови! О мать, моя отрада
 (Нежней люблю лишь одного Христа),
 Прости навек! Родимые места
 Я покидаю, — вашей ласки милой
 Я больше не увижу до могилы.

Я уезжаю к варварам от вас,
 Покорно вашу исполняю волю.
 Мне тот, кто умер на кресте за нас,
 Поможет с горькою смириться долей,
 Хотя б томилась я от тяжкой боли.

Мы, женщины, для рабства рождены
 И слушаться мужей своих должны”.

Когда твердыня Илиона пала,
 Когда разрушил Фивы супостат,
 Когда теснили рати Ганнибала
 Им трижды побежденный вечный град, —
 Звучали стоны горестней навряд,
 Чем при прощанье девы безутешной,
 Все ж надо было в путь сбираться спешно.

О твердь жестокая, чей бег дневной
 Все увлекает к западу с востока
 И твари всей, живой и неживой,
 Велит покорствовать велению рока!
 Ты, при отплытие, в небесах высоко
 Расположила хор созвездий так,
 Что было ясно: Марс расстроит брак.

Извилистый восход, бедой чреватый,
 С чьего пути в темнейший входит дом
 Владыка часа, немощью объятый!
 О Марс, о Атизар в стеченье том!
 Луна, ты по небу скользишь тайком
 Оттоль, где пребывала ты в покое,
 Туда, где дверь закрыта пред тобою.

Ужели, император, ты не мог
 Найти философа в своей столице,
 Который бы вам день избрать помог?
 Должны бы быть благоразумней, мнится,
 Столъ выдающагося сана лица.
 Ведь гороскоп Констанцы знали вы.
 Глуп смертный и невежествен, увы!

Принцессу, полную немой печали,
 Торжественно на палубу внесли;

Ее уста чуть внятно прошептали:
“Христос вам дни счастливые пошли!”
И вот корабль отчалил от земли.
Прощай, Констанца! К своему рассказу,
С тобой расставшись, возвращаюсь сразу.

Султана мать, всех подлых гадин злей,
Узнав, что сын, наперекор обетам,
От веры отрекается своей,
Тотчас послала за своим советом.
Они пришли, и на собранье этом,
Когда уселись все вокруг стола,
Она к ним речь такую повела:

“Известно вам намеренье султана?
Пренебрегая верою отцов,
Отречься от закона Алькорана,
Нам данного пророком, он готов.
Но я, на ветер не бросая слов,
Скажу одно: не соглашусь на это, —
Милей, чем жизнь, мне вера Магомета.

От новой веры нам не ждать добра!
Всех нас она поработит жестоко,
И мы в аду, когда придет пора,
Сгорим за отреченье от пророка.
Но если буду я не одинока
В горячем рвенье защитить ислам,
Вас всех спасти я обещаю вам!”

Все поклялись ей помогать всемерно,
Во всех ее делах при ней стоять
Дружиной крепкой и до гроба верной
И тьму сообщников завербовать.
Их клятву выслушав, султана мать
Свершить намеренье решила злое
И с речью обратилась к ним такою:

“Притворно примем веру христиан, —
Что стоит окунуться, в самом деле? —
И пир такой задам я, что султан
Не заподозрит нашей тайной цели.
Его жена — хотя бы из купели
Овечкой вышла чистою она —
С себя не смоет алого пятна”.

Султанша мерзкая, исчадье ада,
Семирамида новая, змея,
Таящая в себе источник яда!
Притворство — внешность женская твоя.
В твоей груди безбожная семья
Порочных и зловредных сил гнездится,
Готовых с добродетелью сразиться.

О сатана завистливый, с тех пор
Как изгнан ты из нашего предела,
Чрез женщину, Творцу наперекор,
Свое проклятоетворишь ты дело.
Спокон веков душа ее и тело —
Твои орудья. Этот брак святой
Решил ты раздавить своей пятой.

Султанша, эта подлая гадюка,
Свой тайный тут же распустив совет
(Подробности вам были бы в докуку)
И во дворец прия за этим вслед,
Сказала сыну, что уж много лет
К язычеству питает отвращенье,
Одну мечту хранит — принять крещенье.

Она лишь просит, чтобы ей султан
Дал разрешенье пир устроить знатный,
Чтоб угостить на славу христиан;
Султан, которому была приятна
Такая просьба, с радостью понятной

Согласье дал. Поцеловав его,
Она пошла готовить празднество.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И вот под гром народных восклицаний
В сирийский край с великим торжеством
На кораблях явились христиане.
И вестника послал султан о том,
Что, мол, грядет к нему супруга в дом;
Пусть мать и все ее достойно встретят
И этим Сирии любовь отметят.

Сверкающей нарядами толпой
Сирийцы с моря шли с гостями вместе,
И матерью султана был такой
Прием оказан молодой невесте,
Какой лишь дочери пристал по чести;
В ближайший город, под приветствий гром,
Бок о бок прибыли они верхом.

Я думаю, что менее прекрасен
Был Юлия триумф, что нам Лукан
Представил сказочнее всяких басен,
Чем этот двойственный чудесный стан,
Когда бы не султанши злой обман.
Змея гремучая, она скрывала
Смертельное под речью льстивой жало.

Великолепной свитой окружен,
Явился вскоре и властитель края
К своей невесте юной на поклон.
В сей ликованья час их оставляя,
Про дня конец вам только сообщаю:
Когда умолк веселой встречи гул,
Все спать легли, и стан двойной уснул.

День наступил, когда султаншей злую
Был пир устроен, роскошью богат.
И вокруг столов нарядную толпю
Уселись христиане — стар и млад.
Был бесконечен блюд отменных ряд,
Но дорого им стали эти блюда
Пред тем, как пробил час уйти оттуда.

Тут, на земле, блаженства каждый час
Бедой венчается, — счастливой доли
Всегда мучителен конец для нас.
Нет под луною радости без боли.
Свое доверье к року побороли
Лишь те, кто помнит в миг счастливый свой,
Что будет этот миг сменен бедой.

Чтоб лишних слов не тратить, вам скажу я,
Что римская дружина и султан
Убиты были, за столом пиря.
Констанце лишь — одной из христиан —
Спастись от гибели был случай дан.
Султаншей, власти жаждавшей, заране
Знак подан был к кровавой этой бане.

Убиты были также наповал
Сирийцы все, принявшие крещенье.
Из них никто не смог покинуть зал.
Констанцу же — о злое преступленье! —
Морскому предоставили теченью
В ладье, руля лишенной, чтобы в ней
Она плыла к Италии своей.

Ей положили, должен вам сказать я,
Немалый продовольствия запас,
А также деньги все ее и платья,
И по волнам, исчезнувши из глаз,
Ладья Констанцы быстро понеслась.

Моя принцесса, за твоё смиренье
Тебе пусть кормчим будет провиденье!

Перекрестившись трепетной рукой,
Она взмолилась ко кресту Христову:
“О ствол животворящий и святой,
От крови агнца павшего багровый!
Ты, мир омывший от греха лихого,
Мне от когтей врага защитой будь,
Когда в пучине стану я тонуть.

О дивный ствол, достойнейшим сочтенный
Того, чтоб на тебе в ночи и днем
Небесный Царь страдал, окрававленный,
Невинный агнец, проткнутый копьем!
Не страшен сатана тому, на ком
Покоятся твои святые члены!
Мне дай Христу быть верной без измены”.

Скиталась так она из года в год,
Покуда к марокканскому проливу
Не приплыла по воле бурных вод.
Не раз, обед вкушая сиротливый,
Она молила, чтобы рок счастливый
Послал ей смерть, — но нет, ее волной
В конце концов прибило в край чужой.

Вы спросите: как во дворцовом зале
Она от общей гибели спаслась?
Хочу, чтоб вы ответ мне прежде дали:
Кто Даниила из пещеры спас,
Где лев свирепый пожирал тотчас
Любого — и раба и господина?
Хранимый в сердце Бог — оплот единый.

На нем всю мощь своих деяний нам
Явил Всевышний, наш Отец Небесный;

Христос, для человечьих ран бальзам,
Порой — как это мудрецам известно —
Дела творит, чей тайный смысл чудесный
Нам недоступен, ибо ум людской
Неисцелимой болен слепотой.

Ей, на пиру от гибели спасенной,
Кто не дал утонуть в пучине вод?
А к Ниневии кто примчал Иону,
Пророка в рыбий поместив живот?
Мы знаем все, что это сделал тот,
Кто избранному дал пройти народу
По яростной пучине, как по броду.

Кто приказал всем четырем ветрам,
Которые, друг с другомечно споря,
Моря и сушу режут пополам,
Не трогать суши, и лесов, и моря?
Кто, как не тот, кто на морском просторе
Хранил Констанцу и в ночи и днем
От бурь, несущих молнию и гром?

По чьей чудесной длился благостище
Три года пищи и питья запас?
А кто в пещере и в глухой пустыне
От голода святую деву спас?
Христос, который уж насытил раз
Пятыю хлебами множество народа,
Поил, кормил Константу все три года.

В наш океан Констанцы утлыи член
К Нортумберландии приплыл далекой,
Где замок высился у самых волн
(В его названье много ли вам прока?).
В песок зарылся член, да так глубоко,
Что никакой отлив его не брал:
Ей эту пристань сам Христос избрал.

Дворецкий поспешил спуститься к морю,
Чтоб посмотреть, что принесла волна,
И увидал: в ладье с тоской во взоре
Сидит, казну держа в руках, жена.
Его с мольбою горестной она
Пресечь ей дни тотчас же попросила,
Освободить от жизни, ей постылой.

Он понял речь ее, хотя она
Испорченной латынью объяснялась,
И снял ее с разбитого челна,
К ней ощущив почтение и жалость;
Себя назвать Констанца отказалась
И к Господу, колени преклонив,
В слезах горячий вознесла призыв.

Потом сказала, что от мук скитанья
Давно лишилась памяти она.
Дворецкий слушал, полон состраданья,
Растрогалась до слез его жена.
Констанца рвения была полна
Всем угодить, всем оказать услугу,
И нрав ее очаровал округу.

Дворецкий, как весь край в то время, был
Язычником, жена Гермгильда тоже;
Но добрую язычницу пленил
Нрав чужестранки тихой и пригожей.
И вот Констанца, этот ангел Божий,
Гермгильде вымолила благодать,
И та решила христианкой стать.

На Севере в то время участь злая
Над головой повисла христиан;
Язычники, закон свой утверждая,
Их изгоняли из подвластных стран.
В Уэльс бежал крещеный бриттов стан,

И там себе пристанище на время
Нашло гонимое судьбою племя.

Но втайне кое-кто из христиан
Христово исповедовал ученье
И лишь вводил язычников в обман.
Из трех таких, под самой замка сенью
Ютившихся, один лишен был зрения;
Но зрение духовное ему
Давало видеть сквозь густую тьму.

В день солнечный и жаркий это было,
Дворецкий вместе со своей женой
В сопровождении Констанцы милой
На берег вышли побродить морской,
И повстречался им старик слепой,
Который шел походкою нескорой,
Закрыв зрачки невидящего взора.

“Гермгильда, именем Христовым вас, —
Внезапно старец крикнул, — заклинаю,
Верните свет моих потухших глаз!”
Гермгильду испугала речь такая;
Она остановилась, ожидая
От мужа кары. Но Констанца ей
Внушила долг исполнить свой скорей.

Дворецкий, чудеса увидев эти,
“Что это значит?” — крикнул, и в ответ
Ему Констанца молвила: “Из сети
Нечистого Христов спасает свет”.
О вере истинной за этим вслед
Она ему сказала поученье,
И к вечеру он воспринял крещенье.

Дворецким управлялся много зим
Тот замок, близ которого пристала

Ладья Констанцы, обладал же им
Король страны Нортумберлендской Алла,
Он мудрым был, и длань его держала
Шотландцев в трепете, как слышал я,
Меня, однако, повесть ждет моя.

Нечистый дух, который постоянно
Стремится чистых соблазнять людей,
Теперь решил Констанцу, окаянный,
Мишеню сделать подлости своей.
Им юный рыцарь избран был и к ней
Безумной страстью разожжен такою,
Что от желанья он не знал покою.

Но тщетно он искал ее любви:
Была греху Констанца недоступна.
Тогда обиду утопить в крови
Задумал он и начал неотступно
Преследовать свой замысел преступный.
Когда дворецкий к ночи раз ушел,
Он тихо в спальню женскую вошел.

Констанца и Гермгильда, долгим бденьем
Утомлены, сладчайшим спали сном,
И рыцарь, катанинским наущеньем
К постели Гермегильдиной ведом,
Ей горло перерезал, а потом
Констанце в руку нож вложил кровавый, —
Казни его за это; Боже правый!

Дворецкий, вскоре возвратясь домой
Совместно с Аллою, владыкой края,
Увидел труп супруги дорогой
И зарыдал, персты свои ломая.
С Констанцей рядом он — о участь злая!
Нашел кровавый нож. Как было ей
Невинность доказать руки своей?

И королю подробно рассказали,
Когда и где и как разбитый челн
С Констанцей из морской прибило дали
К Нортумберландии игрою волн.
Король был чувства состраданья полн,
Когда узнал, какие испытанья
Постигли это чистое созданье.

Как агнец, что к закланью приведен,
Пред королем невинная стояла,
А подлый рыцарь утверждал, что он
Ее вину докажет перед Аллой.
Но было шепота кругом немало
О том, что совершить такое зло
Столь чистое созданье не могло.

Была отлично всем известна в доме
Ее к убитой госпоже любовь;
Я повторяю, всем известна, кроме
Преступника, который пролил кровь.
Король внимал ему, нахмурив бровь, —
Он усомнился в правде показанья
И углубить решил свое дознанье.

Кто выступит, Констанца, за тебя?
А ты сама — увы! — молчать должна ты.
Коль тот, кто, род наш грешный возлюбя,
Господнего низвергнул супостата
(Он в прахе и теперь лежит, проклятый!) —
Коль сам Христос тебя не защитит,
Тебе, невинной, гибель предстоит.

Колени преклонив, к Владыке света
Взмолилась бедная: “О ты, что спас
Невинную Сусанну от навета,
И ты, Мария, что туда взнеслась,
Где ангельский тебя восславил глас, —

Коль я чиста, то будьте мне защитой
В моей беде, — не то мне быть убитой!"

Случалось ли из вас кому-нибудь
В лицо тому, кого за преступление
Среди толпы на казнь ведут, взглянуть?
Оно покрыто страшной смертной тенью
И выделяется из окруженья
Несметных лиц. Так вот, с таким лицом
Стоит Констанца перед королем.

О вы, благополучные царицы,
Принцессы, дамы все! Пускай у вас
От жалости слезою взор затмится.
Дочь императора стоит сейчас
Одна, в тоске, поднять не смея глаз,
Над этим августейшим сжалътесь чадом.
В ее нужде нет близких сердцу рядом.

Король был благороден; он приток
Почувствовал такого состраданья,
Что удержать невольных слез не мог.
Он книгу приказал внести в собранье:
"Пускай под клятвой рыцарь показанье
Свое повторит, — молвил он, — и суд
Мы нарядим тогда, не медля, тут".

Поклялся рыцарь над британской книгой,
Господний в ней записан был закон, —
В том, что не лжет, но не прошло и мига,
Как наземь, словно камень, рухнул он,
Рукою тайной в темя поражен,
С глазами вне орбит, и сразу люди
Узрели Божью кару в этом чуде.

Внезапно глас раздался: "Клеветой
Пред августейшим властелином края

Дочь очернил ты церкви пресвятой,
Твоя нашла возмездье воля злая".
И вся толпа, от ужаса стена,
Ждала возмездья знаков огневых;
Лишь дух Констанцы ясен был и тих.

Страх и раскаянье на тех напали,
Кто на Констанцу без ее вины
Смел подозренье высказать вначале.
Все были чудом так поражены,
Что при содействии святой жены
У многих совершилось обращенье,
И сам король подверг себя крещенью.

Клятвопреступный рыцарь был казнен
По приказанью короля поспешно;
Констанцей все же был оплакан он
За то, что ад грозил ему кромешный.
И скоро в брак с принцессою безгрешной
Вступил король, — Христова благодать
Дала Констанце королевой стать.

Мать короля, что Донегильдой звали,
Одна лишь проклинала этот брак.
(Другую душу женскую едва ли
Окутывал столь беспросветный мрак.)
Казалось ей, что, поступивши так,
Сын опозорился: она считала,
Что странную избрал супругу Алла.

Не столь о плевелах, сколь о зерне
Рассказывать я собираюсь дале.
Что толку останавливаться мне
На том, какие блюда подавали
Иль как рога и трубы как звучали.
Ведь так любой кончается рассказ.
Там были яства, брага, песни, пляс.

В опочивальню со своей женою
Король отправился. Любой из жен,
Какой бы ни была она святою,
Ночь уделить одну велит закон
Той радости, которой брак силен.
Велит он святость отложить на время
И быть супругой наравне со всеми.

В ту ночь Констанца сына зачала.
Когда же короля, к ее печали,
Как раз в те дни военные дела
В далекую Шотландию призвали,
Над ней, беременной, опеку взяли
Епископ и дворецкий. День за днем
Сидит она, беседуя с Христом.

И в срок родился сын, что при крещенье
Был наречен Мавриkiem. С гонцом
Тотчас послал дворецкий извещенье
Родителю в Шотландию о том,
Как все произошло. И вот с письмом,
В котором было много и другого,
Гонец помчался, в путь давно готовый.

Но он решил, что королеву-мать
Ему полезно известить сначала.
Явившись к ней, он молвил: “Исполать
Вам, госпожа моя, и дому Аллы!
Узнайте: наша королева стала
Сегодня матерью. В покоях там
Рожден наследник на отраду нам.

Я королю в посланье при печати
Везу об этом радостную весть;
От вас, что вам угодно будет, кстати
Могу я, государыня, отвесть”.
“У нас еще подумать время есть, —

На это Донегильда отвечала. —
Тут у меня переночуй сначала”.

Напился элем и вином гонец,
И выкрали письмо ночной порою,
Когда он, как свинья, хрюпал, подлец,
А в сумку было вложено другое
С поддельною дворецкого рукою,
Где было сказано на этот раз
То, что вы все услышите сейчас.

В нем сообщалось вот что: королева
Чудовище на свет произвела;
Из адского как будто выйдя чрева,
Похож ребенок на исчадье зла.
Должно быть, мать от эльфов к нам пришла
И колдовские применяет чары.
Все эту ведьму ненавидят яро.

Прочтя письмо, король загоревал,
Но, никому об этом ни пол слова
Не сообщив, домой ответ послал:
“Дар принимаю от Христа благого,
Моя душа всегда к тому готова,
Чтоб перед волею его святой
Склониться ниц покорной головой.

Дитя храните и супругу тоже,
Покуда не вернуся я домой;
Я верю, — даст наследника пригожей,
Коль пожелает, мне Спаситель мой”.
Смочив письмо обильною слезой,
Его вручил гонцу король печальный,
И вот гонец пустился в путь свой дальний.

Негодный, пьянству преданный гонец!
Ты на седле не держишься от хмеля,

Без умолку болтая, как скворец,
Все тайны выдаешь ты, пустомеля!
Себя не помня, мыслишь еле-еле.
Вино — плохой советчик: от него
Хорошего не ждите ничего.

О Донегильда, слов я не найду,
Чтоб подлость описать твою лихую.
Пускай же тот, кто царствует в аду,
О ней расскажет, с торжеством ликуя.
О женщина проклятая, — нет, лгу я,
Не женщина... Ты, утверждаю вслух,
Под женскою личиной — адский дух.

Когда гонец обратно возвратился,
У королевы-матери опять
С дороги прямо он остановился.
Так угостила королева-мать,
Что он, напившись, завалился спать
И прохрапел до самого рассвета, —
Был он великим мастером на это.

Письмо, которое король послал,
Подделкой заменили вновь, в которой
Король дворецкому повелевал
Под страхом смертной казни и позора
В три дня и три часа без разговора
Констанцу удалить из края вон:
Он требовал, чтоб срок был соблюден.

Пусть поместят Констанцу с сыном рядом
В ее прибитый к нам когда-то челн,
И этот челн с Констанцею и чадом
Пусть оттолкнут назад в пучину волн.
Твой сон, Констанца, был, должно быть, полн
Видений страшных в час, когда чертила
Рука преступная приказ постылый.

Когда настало утро, во дворец
Тотчас же королевское посланье
Вручить дворецкому пошел гонец.
Письма безжалостное содержанье
Исторгло у дворецкого стенанье.
“Благой Христос, — вскричал он, — в мире сем
Как много душ, исполненных грехом!

Как допускаешь ты, о Царь Небесный
И Праведный Судья, чтоб под луной
Царил и благоденствовал бесчестный,
Держа невинность под своей пятой?
Увы, Констанца, страшный жребий мой
Велит мне, чтоб избегнуть наказанья,
Тебя подвергнуть злому истязанью”.

Проклятого посланья письмена
Слез вызвали во всей стране немало.
В четвертый день, бледнее полотна,
Констанца у ладьи своей стояла.
Однако волю Божью принимала
Она смиренно и, душой чиста,
Надежду возлагала на Христа.

“Кто спас меня от гнусного навета,
Который на меня воздвигнул враг,
Тот и теперь из влажной бездны этой
Меня спасет, хоть я не знаю как.
Благим он был ко мне и будет благ.
На Богоматерь также уповаю —
Она мой парус и звезда морская”.

Ребенок плакал на ее груди.
Она к нему склонилась и шепнула:
“Сыночек бедный, плакать погоди!”
Потом его в платок свой завернула
И под глухой напев морского гула

Укачивать малютку принялась,
Не отводя от неба скорбных глаз.

“Мария, — молвила она, — о свет небесный
Был женщиной погублен род людской,
И за грехи его на подвиг крестный
Пошел Спаситель, сын единый твой.
Он кровью истекал перед тобой.
В страдании сравнился никакая
Не может мать с тобою, Всеблагая.

Ты слышала предсмертный сына стон,
А мой ребенок жив. Тебя, Царица,
Кому несчастные, со всех сторон
Неся любовь, не устают молиться,
Тебя, убежище, тебя, денница,
Молю я: скажься над судьбой моей
И моего ребенка пожалей.

Дитя мое, какое преступленье
Свершило ты? За что своим отцом
Преследуешься ты без сожаленья?
Дворецкий милый, жалостью ведом,
Дитя мое к себе возьми ты в дом,
А ежели боишься наказанья,
Хоть поцелуй малютку на прощанье”.

Взглянув в последний раз на край чужой
И прошептав: “Прощай, супруг жестокий!” —
Она к воде, окружена толпой,
Стопы направила, покорна року,
Дитя баюкая, в свой одинокий
Спустилась челн, перекрестилась раз
И на Христову волю отдалась.

Ей дали продовольствия в дорогу
Запас большой — и всяческих вещей,

Что ей могли бы пригодиться, много.
Теперь, Господь, будь милосерден к ней,
Храни ее от ветров и зыбей
И дай прикальти к родине далекой.
Ее ладья — над бездною глубокой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда король, в свой замок возвратясь,
Стал о жене допрашивать и сыне,
Ему дворецкий рассказал тотчас
Все то, что вам уже известно ныне.
Не умолчал он также о причине,
Заставившей изгнать с ребенком мать,
И, предъявив посланье и печать,

Промолвил: “Государь, приказ, который
Был вами прислан, выполнен”. Тогда
Гонца призвали, и под пыткой скоро
Признался он, где ночевал, когда.
Расспросов хитроумных череда
Позволила составить представление
О том, как совершилось преступленье.

Рука, писавшая письмо, была
Опознана благодаря дознанию,
Распутано сплетенье лжи и зла.
И пробил мести час и наказанья:
Жизнь матери король за поруганье
Закона ленного мечом пресек.
Так кончился злой Донегильды век.

О том, как сутки напролет о милых
Жене и сыне Алла горевал,
Слова людские рассказать не в силах.
Меж тем Констанцу с чадом пенный вал
Над пропастью соленою кидал.

Пять лег и больше длился путь унылый,
Покуда лодку к суще не прибило.

Там замок высился на берегу
Языческий, чье имя, к сожалению,
В источниках найти я не могу.
Констанца, в это страшное мгновенье
Храни тебя святое прорицанье!
Я собираюсь рассказать сейчас,
Как ты от рук языческих спаслась.

Из замка многие глядеть ходили
На бедную Констанцу. В поздний час,
Когда уж звезды на небе светили,
Спустился управитель замка раз,
Отступник, что в язычестве погряз,
И негодяй. Один оставил ее с нею,
Он предложил ей связь, — позор злодею!

Констанца крик ужасный издала,
И с ней дитя. Но Матерь Всеблагая
В который раз бедняжке помогла.
Борясь искусно, грудью наступая,
Ей удалось отбросить негодяя.
Он из ладьи упал и утонул.
Христос Констанцу в чистоте соблюл.

Вот походит конец обыкновенный!
Не только душу, но и тело нам
Она учредит слабостью презренной.
Один конец у любостраствия — срам.
Не часто ль видеть приходилось вам,
Что небо за одно лишь вожделенье
Людей карает, как за преступление?

Как этой слабой женщиной был дан
Отпор насильнику? Но вспомнить нужно,
Что Голиаф, безмерный великан,

Давиду сдался, словно бы недужный.
Как мог юнец, почти что безоружный,
Взглянуть в ужасный Голиафа лик?
Тут благодати бил живой родник.

Кто дал Юдифи мужество убить
Своей рукой злодея Олоферна
И этим свой народ освободить
От нечестивца? Так же достоверно,
Как то, что этих силой беспримерной
Бог наградил, Констанце дал Господь
Лихого негодяя побороть.

Из узкого пролива Джебальтара
И Сенты вдали несет ладью поток,
Туда-сюда кидает ветер ярый,
На юг и север, запад и восток.
Но вот исполнился скитанью срок,
И волей Богоматери святою
Констанца радость обрела покоя.

Теперь мы от Констанцы перейдем
К владыке Рима. Получил он вести
Из отдаленной Сирии о том,
Что стан его весь перебит на месте,
А дочь Констанца извергом без чести
Оскорблена. Вам о султанше злой
Я говорю, пролившей кровь рекой.

Тут в Сирию отправил император
Сенатора и воинов не счесть,
Которых взял с собой в поход сенатор,
Чтоб учинить заслуженную месть.
Кровавую расправу кончив, сесть
На корабли спешило войско Рима,
Чтоб плыть обратно к родине любимой.

И вот когда с победной славой в Рим
Сенатор плыл, вдруг на морской равнине

Возникла утлая ладья пред ним
С Констанцей, предающейся кручине.
Ни кто она, ни по какой причине
Она на волю моря отдана,
Он не узнал, — была нема она.

Он в Рим ее привез и попеченью
Жены вручил с младенцем вместе. Там
Констанца стала жить в уединенье,
Вся отдаваясь набожным делам.
Ее судьба показывает нам,
Как чудно Богоматерь помогает
Тому, кто к ней с молитвой прибегает.

Хотя была сенатора жена
Констанце теткой, все же не признала
В ней юную племянницу она.
Теперь вам сообщу, что сделал Алла,
Который плакал и стенал сначала,
Констанцу же оставил под крылом
Сенатора и к ней вернулся потом.

Король, убивший мать, пронзен однажды
Был горестным раскаяньем таким,
Что, истомленный покаянья жаждой,
Решил отправиться в далекий Рим,
Чтоб там свой грех пред Папою святым
Излить в слезах и вымолить прощенье
Себе от вселагого провиденья.

Молву о том, что из чужой земли
Паломник прибывает именитый,
Гонцы по стогнам Рима разнесли,
И наш сенатор, славою повитый,
Навстречу выехал с роскошной свитой,
Чтоб гостя августейшего принять,
А также, чтобы блеск свой показать.

Друг друга чествовать тотчас же стали
Сенатор и король, — наперебой
Они пиры друг другу задавали,
И вот однажды, — через день-другой, —
На королевский идя пир, с собой
Сынка Констанцы взял сенатор славный,
Об этом я осведомлен исправно.

По мнению многих, мальчик приведен
Был по желанью матери. Не знаю;
Присутствовал, так иль иначе, он, —
Все прочее я мелочью считаю,
Но вот что верно: сына отпуская,
Она велела между блюд свой взор
Ему на Аллу направлять в упор.

Взор этот встретив, Алла изумленно
Спросил сенатора: “Скажите, чей
Ребенок это?” И в ответ смущенно
Промолвил тот: “Не ведаю, ей-ей!
Живет он в Риме с матерью своей,
Отца же нет”. Но через миг, не дале,
Все обстоятельства поведал Алле.

“Я должен вам сказать, — прибавил он, —
Что женщины я не видал доселе —
Среди девиц, и вдов, и мужних жен —
Столь чистой в разговоре и на деле;
Она бы предпочла, чтобы горели
Ее стопы на медленном огне,
Чем на соблазн пойти, поверьте мне”.

Жила Констанца в памяти супруга,
А были схожи так дитя и мать,
Как мало кто похожи друг на друга.
Король невольно начал размышлять.
“У них одно лицо и та же стать.

Возможно ли?" В сомнениях без края
Тотчас из-за стола он встал, вздыхая.

"Клянусь творцом, — он думал, — это бред.
Ведь если дело обсудить в покое,
Уже давно в живых Констанцы нет".
Но через миг он думать стал иное:
"Что, ежели Христос рукой святою
Послал ко мне Констанцу и сейчас,
Как он послал ее к нам в первый раз?"

Чтоб посмотреть, что дальше будет, Аллу
Сенатор пригласил к себе домой
И, пир ему устроив небывалый,
Констанцу попросил войти в покой.
Ах, танцевать охоты никакой
Не вызвало в ней это приглашенье!
Она едва стояла от волненья.

Жену увидев, Алла перед ней
Склонился низко. В этой юной dame
Не мог он не признать жены своей
И залился горючими слезами.
Констанца же стояла, словно камень:
Ей причиненного супругом зла
Она забыть доселе не могла.

Теряла дважды бедная сознанье,
А он доказывал, что нет причин
Его винить за все ее страданья.
"Тому свидетель весь небесный чин!
Я так же чист пред вами, как мой сын
Маврикий, столь на вас лицом похожий.
Коль я согнал, срази меня, о Боже".

И долго лился горьких слез поток,
Но души их спокойнее не стали.

Никто без жалости глядеть не мог,
Как муки их от плача возрастали.
Но я устал о горе и печали
Повествовать. Скажу лишь в двух словах:
Заря застала их еще в слезах.

Но наконец, когда ей стало ясно,
Что Алла перед ней не виноват,
Сменил стенанья поцелуй согласный
И повторенный сотни раз подряд.
Блаженством большим только райский сад
Их мог бы наделить. Счастливей пары
Не видел, не увидит мир наш старый.

Констанца попросила, чтоб супруг,
Вновь ею обретенный, в облегченье
Ее столь долгих и жестоких мук
Не отказал ей ныне в одолженье:
Чтоб от ее отца соизволенье
Пожаловать к обеду получил,
Но слова чтоб о ней не проронил.

Передают, что к римскому владыке
Был послан с пригласительным письмом
Не кто иной, как маленький Маврикий;
Но я, признаюсь, сомневаюсь в том:
Ведь Алла вовсе не был простаком
И знал, что это было б неприлично.
Он, верно, с мальчиком явился лично.

Свое согласье император дал.
На мальчика при этом, вероятно,
Упорный взор не раз он устремлял
И думал о Констанце безвозвратной.
Король же поспешил к себе обратно,
Чтоб подготовить праздничный обед,
Принять достойно христианства цвет.

Назавтра Алла в пышном одеянье
Навстречу императору верхом,
Исполнен радостного ликованья,
С женой своей отправился вдвоем.
Отца увидев, перед ним ничком
Упала дочь. “Отец, — она вскричала, —
Констанцу, верно, помните вы мало.

Я — ваша дочь Констанца. Верьте мне:
Я — та, что вы когда-то в край неверный
Послали, та, что по морской волне
В ладье носилась, мучась беспримерно.
Теперь ко мне вы будьте милосердны,
К язычникам не посыпайте вновь.
Вот мой супруг, — он заслужил любовь”.

Кто в мире радость описать сумеет,
Которой предались они втроем?
Я мой рассказ кончаю, — вечереет,
И на очлег уж скоро мы приDEM.
Веселую беседу за столом
Они всю ночь вели, не уставая,
В блаженстве этом их я оставляю.

Маврикий после папой на престол
Был возведен, и в нем оплот великий
Себе весь христианский мир нашел.
Но от рассказа в стороне Маврикий.
Прочесть о жизни этого владыки
В “Деяниях римских” может всяк из вас.
Я посвятил Констанце свой рассказ.

Король страны Нортумберландской вскоре
С возлюбленной супругою святой
В Британию вернулся через море,
Где ждали их довольство и покой.
Но скоро счастье их затмилось мглой.

Царит над нами рок бесчеловечный, —
Все радости земные быстротечны.

Увы, прожить сумел ли кто-нибудь
Хоть день один, не омраченный тенью,
Не злобясь, не завидуя ничуть,
Не поддаваясь чувству раздраженья?
Я привожу вам это изреченье,
Чтобы сказать, что мрак чрез краткий срок
На счастье Аллы и Констанцы лег.

Еще не больше года миновало,
А смерть уже безжалостной рукой
Навеки вырвала из жизни Аллу.
Господь его на небе упокой!
Он горячо оплакан был женой;
Констанца же — мы тут рассказ кончаем —
Вернулась в Рим, с чужим простившись краем.

Родных и близких всех она нашла
Во здравии, и после всех мучений
Под отчим кровом отдохнуть смогла
От истомивших душу приключений.
Перед отцом упавши на колени,
Она — рыдая, но душой светла —
Христу хвалу стократно воздала.

Семьюю набожной и Богу милой
Все вместе прожили остаток дней,
Покуда смерть их всех не разлучила.
Тут окончанье повести моей.
Иисус Христос, что в благости своей
Сменяет людям радостью мученья,
Да не оставит вас без попеченья.

*Здесь кончается рассказ Юриста
и начинается пролог Шкипера*

ПРОЛОГ МОНАХА

Веселые слова Трактирщика Монаху

Когда простил врагов мой Мелибей
Стараньями Разумницы своей,
Тут наш хозяин в горести признался:
“От бочки эля я бы отказался,
Лишиь бы жене моей послушать вас.
Авось бы вразумил ее рассказ
Об этаком смирении примерном.

Христовы кости! Вот он, всем пример нам.
Коль поварятам надо взбучку дать,
Ей только и забот, что мне совать
Дубину в руки, в голос причитая:
“Лупи их крепче! Ой, напасть какая!
Бей насмерть! Не жалей дрянных щенят”.

А то косой золовка кинет взгляд
Иль в церкви место не тотчас уступит, —
Опять меня жена за это лупит.
В лицо мне вцепится и ну кричать:
“О подлый трус! Не смеешь наказать
Обидчицу. Садись тогда за прялку,
А нож дай мне, чтоб заколоть нахалку”.
И так с утра до вечера вопит,
И в доме коромыслом дым стоит:

“Ой, горе мне! Мой муж чурбан и тряпка.
Терплю обиды, как простая стряпка,

А он жену не может защитить”.
В аду таком приходится мне жить, —
То ль драться каждый день со всей округой,
То ль из дому уйти, то ль слушать ругань.
И ждет жена, чтоб, распалив свой гнев,
Я зарычал, как африканский лев;
Надеется, что недруга зарежу,
Чтоб ей сбежать, сказав, что ночью брежу
Убийствами, что тайный я злодей
(Хоть никогда я не противлюсь ей,
Чтоб оплеухами не пообедать), —
Всяк мог бы мочь руки ее изведать,
Осмелься он... Ну, да к чему мечтать.

Что ж, сэр монах, вам время начинать,
Но только, чур, смотрите веселее.
Тогда и солнце будет нам милее.
Рочестер скоро, вон за тем холмом.
Не нарушайте нам игры нытьем.
Не знаю только, как мне кликать вас:
Сэр Джон, мессир Альбан иль сэр Томас.
Не знаю точно родословной вашей,
Ни звания, ни должности монашьей.
Наверное, вы келарь или ризник:
Ведь щек таких не видывал я в жизни.
А ваше пастбище, должно быть, тучно,
И вам пастись на нем, видать, споручно.
На постника вы вовсе не похожи;
Не нагулять, постясь, подобной рожи.

Вам должное воздать я был бы рад:
В монастыре, конечно, вы аббат,
Не послушник, а мудрый управитель,
Которым похваляется обитель.
Клянусь, нет человека в мире целом,
Кто б станом был вам равен или телом.
Ах, черт! И этакого молодца!
Лишить насильно брачного венца!
Бог покарай из братии церковной

Того, кто вас склонил к стезе духовной.
 Каким ты был бы славным петухом,
 Будь долгом то, что кажется грехом:
 Ведь, разрешив себе совокупленье,
 Какие ты зачал бы поколенья!
 Увы! Почто, монах, надел ты рясу?
 Как будто в льве убьешь привычку к мясу?
 Будь Папой я, поверь ты мне, монах,
 Монахи все ходили бы в штанах,
 Коль не слаба мужская их натура,
 Будь велика или мала тонзура,
 И жен имели бы. Страдает мир,
 Ведь семя лучшее бесплодит клир.
 Побеги хилы от мирских корней,
 И род людской все плоше, все хилей.
 Супружеской в мирянах мало силы.
 Вы женам нашим почему так милы?
 Вы лучше нас умеете любить,
 Венере подать можете платить
 Монетой крупной, полноценной, веской,
 А не чеканки люксембургской мерзкой.
 Вы не сердитесь, сэр, что так шучу, —
 Я в шутке правду высказать хочу".

Монах его послушал и в ответ:
 "Я выполню, хозяин, свой обет
 И расскажу вам два иль три рассказа
 Впоследствии; для первого же раза
 Хотел бы, коль не скучно вам сие,
 Днесь Эдварда святого житие
 Поведать или лучше, для начала,
 Трагедию из тех, что я немало,
 Числом до сотни, в келье сочинил.
 Трагедию бы я определил
 Как житие людей, кто в славе, в силе
 Все дни свои счастливо проводили
 И вдруг, низвергнуты в кромешный мрак
 Нужды и бедствий, завершили так

Свой славный век бесславною кончиной.
 Как враг людской бессчетные личины
 Принять готов, так для трагедий сих
 Берут размером разнородный стих;
 Обычный же размер для них — гексаметр,
 Длиною он в шесть стоп... Хотя вы сами
 Трагедий строй легко определите,
 Коль вслушаетесь в них. Итак, внимлите.
 Но прежде чем рассказывать начну,
 Заметить надобно, что не одну
 Из былей тех о славных королях,
 О Папах, императорах, царях
 Вы, может быть, уже не раз слыхали, —
 Так чтоб меня потом не упрекали
 За то, что их кой-как расположу
 И что придет на ум, то расскажу
 Вперед, а что запамятую — после.
 Мысль в них одна, их слушай вместе, врозь ли".

РАССКАЗ МОНАХА

*Здесь начинается рассказ Монаха
о несчастиях знаменитых мужей*

Хочу воспеть в трагической манере
Стоявших в этом мире выше всех,
А после испытавших в полной мере
Крушение надежд и неуспех;
Кого разлюбит счаствие, — от тех
Уже не отвести судьбы удары.
Да! Счастье не бывает без помех:
Тому примеры истинны и стары.

ЛЮЦИФЕР^{* 1}

Трагедии начну я с Люцифера,
Хоть не был он одним из смертных чад.
Средь ангелов другого нет примера
Столь жалкой гибели. За грех был снят
Он с высоты своей и ввергнут в ад.
О Люцифер, светлейший ангел! Ныне
Ты — сатана; тебе пути назад
Заказаны к Господней благости.

¹ Здесь и далее в Рассказе Монаха знаком * отмечены переводы О. Румера.

АДАМ*

А вот Адам, что создан дланию Божьей
Вблизи Дамаска был, а не зачат
От мужа женщиной на грязном ложе.
Без древа одного весь райский сад
Ему принадлежал, — он был богат,
Как из людей никто во всей вселенной.
Но, провинившись перед Богом, в ад
Он послан был сквозь муки жизни бренной.

САМСОН

Приход Самсона в мир благовещен
Был ангелом задолго до рожденья,
И, посвященный Богу, правил он
Израилем, покуда было зренье.
Не ведал равных, в этом нет сомненья,
Ни в силе он, ни в мужестве в борьбе,
Но женам доверял без размышленья —
И умер, сам нашедши смерть себе.

Самсон, великий, гордый и могучий,
Льва надвое руками разорвал
Без всякого оружия; сей случай,
Когда на свадьбу шел он среди скал,
Произошел; жене он рассказал,
За лесть и сласть, как было, все до слова;
Она, предав врагам, что муж скрывал,
Его покинув, вышла за другого.

Самсон же в гневе взял лисиц три сотни,
Попарно их хвостами съединил,
А после, как известно и сегодня,
К хвосту он каждой факел прицепил
И на врагов пустил; и так спалил

Им всю пшеницу, виноград, маслины,
И филистимян тысячу убил
Одной сухою челюстью ослиной.

Когда сие он выполнил, его
Хоть впору умереть, стомила жажда.
Самсон, призвавши Бога своего,
Взмолился о подмоге, ибо страждал.
Тогда, как в Книге Судей видел каждый,
Из челюсти ослиной ключ забил —
И жажду уголил герой отважный.
Такое чудо Бог наш сотворил!

Однажды в Газе городских ворот
На месте не нашли — их внес на гору
Самсон, взвалив на спину; город тот
Хранили филистимские дозоры —
И вот какого дождались позора!
Самсон любезный! Если, жен любя,
Ты клал бы на уста себе запоры —
Куда б другим героям до тебя!

Самсон не пил сикера и вина,
Его главы ни бритва не касалась,
Ни ножницы: от ангела он знал,
Что в волосах вся сила заключалась.
И двадцать лет и зим — сие не малость —
Он тяготы правленья бодро нес,
Но только в дело женщина вмешалась —
Отведал он стыда и горьких слез!

Сказал своей любовнице Далиле,
Что в волосах его — источник силы;
Та донесла врагам; враги решили,
Пока он спал на лоне у Далилы,
Остричь Самсона; ослабели жилы,
И стал силач мужам подобен прочим;

Враги же, увидав, что стал он хильмъ,
Ему, связавши, выкололи очи.

Никто ничем не мог его связать,
Пока волос не трогали Самсона;
Теперь в темнице должен он страдать,
Как раб, зерно молоть под крик и стоны.
О доблестный Самсон! Во время оно
И сам имел рабов ты в услуженье;
Глазницами пустыми плачь бессонно:
Теперь ты впал в позор и униженье!

А вот какой конец нашел Самсон:
Его враги однажды пировали,
А он их веселить был приведен —
Плясать, как шут, в великолепном зале.
Но учинил он тут чего не ждали:
Исполнившись могуществом быльмъ,
Тряхнул колонны — и хоромы пали,
И сам погиб, и все погибли с ним.

Погибли филистимляне-князья,
Три тысячи народу вместе с ними,
Когда храмина рухнула сия;
Вот все о нем. Самсона славно имя;
Он доказал, что с женами любыми —
Уместно здесь прибегнуть к укоризне —
Нельзя делиться тайнами своими
Касательно здоровья или жизни.

ГЕРКУЛЕС

О Геркулесе, славном силаче,
Поет веками не один народ.
Соперников не ведал он вообще:
Со льва содрал он шкуру без хлопот,

К покорности привел кентавров род,
Плоды златые утащил из сада
Драконова; убивши, в свой черед,
Всех гарпий, вывел Цербера из ада,

Коням, что ели мясо человечье,
Владельца их Бузириса скормил;
Им Как убит в пещере; в жаркой сече
Все головы он змею отрубил,
И Ахелою рог один сломил;
Убит им и Антей, силач чудесный,
И вепря злого Геркулес убил,
И удержал на шее свод небесный.

Освободить от стольких чудищ землю
Никто с начала мира не сумел;
О доблести его рассказам внемля,
Весь круг земной герою славу пел.
Все царства он прошел, всё осмотрел.
Кто силою своей мог с ним сравниться?
В конце земли он, как писал Трофей,
Столбы поставил на манер границы.

Любовь его звалася Деянира —
Свежа как май, прелестна как весна.
Она ему рубашку подарила.
Увы! Она отравлена была!
И, как до нас наука донесла,
Полдня был Геркулес в рубашке этой —
И плоть с костей могучего сошла,
И от мучений он невзвидел света!

Но книжники вину с жены снимают:
Рубашку отравил, как пишут, Несс.
Ну что ж: и здесь ее не обвиняют.
Рубашка такова была, что весь
От яда покернел наш Геркулес;

Когда же боль надежду погасила,
Костер сложил и в пламени исчез,
Поняв, что яд убить его не в силах.

Так умер благородный Геркулес.
Ну кто в удачу после будет верить?!

Когда идешь сквозь жизни темный лес,
Возможно ли превратности умерить?

“Познай себя” — вот мудрость; лицемерить
Обычай счастья; вот его урок:
Все ждет оно, чтоб век тебе отмерить,
В тот миг, когда тебе и невдомек!

НАВУХОДОНОСОР

Державный посох, царственный престол,
Сокровищ груды, властный взор, каким
Гордился царь Навуходоносор,
Не описать всем языкам земным.
Два раза брал он Иерусалим,
Где в храме драгоценные сосуды
В добычу взял; а Вавилон своим
Любимым городом считал и чудом.

Цвет отроков израильских к владыке
Могучему однажды привели.
Их, оскопив, служить взял царь великий.
Средь них был Даниил; о нем рекли,
Что он мудрей всех мудрецов земли:
Он сны отлично толковал царевы,
Когда халдеи-маги не смогли
Понять и разгадать из них ни слова.

Сей гордый царь золотого истукана
Отливь велел. Шестидесяти локтей
Был в высоту, семи — окружность стана;
И всем, от стариков и до детей,

Велел он поклоняться кукле сей:
Сожжен любой ослушавшийся будет.
Но двух из Данииловых друзей
И самого его не смог принудить.

Так этот царь надменен был и горд,
Что отвергал он истинного Бога, —
Весь мир, считал, пред ним лишь распостерт.
Но обошлась судьба с надменным строго:
Вдруг затемнился ум его; из стога
С быками сено ел тиран жестокий
И зверем сам себя считал убого,
Покуда не исполнились все сроки.

И волосы — как перья у орла,
А ногти — словно когти стали птичьи.
Но вот решил Господь: пришла пора,
И разум возвратил царю; обличье
Тот принял человека, но обычай
Свой изменил: от мерзости отстал
И Божье милосердье и величье
До смерти со слезами прославляя.

ВАЛТАСАР

Его наследник, гордый Валтасар,
Что за отцом взошел на царский трон,
Историю отца прекрасно знал,
Урока же ее не понял он
И поклонялся идолам притом,
Надменен видом был и тяжек нравом;
Но счастье повернулось колесом —
И пал он, осужден судьбою правым.

Однажды он созвал придворных всех
На праздник и приказывает слугам:

“Подайте чаши славные из тех
Что взял отец, владыка, сильный духом,
В Ерусалимском храме, по заслугам
Когда-то одержав свои победы;
Вином наполним чаши, пустим кругом,
Восславим всех богов, как наши деды!”

Придворные, наложницы и жены —
Все пили вдоволь разных вин немало.
Вдруг царь взглянул на стену — пораженный,
Застыл: рука без тела там писала
Огнем. Вся челядь царская привстала,
Сам царь затрясся, в это чудо вперясь;
Три слова написав, рука пропала;
А написала: мене, текел, перес.

Из мудрецов и магов ни один
Сии слова истолковать не смог.
Но молвил Валтасару Даниил:
“Царь, славу твоему отцу дал Бог,
Почет, доходы, власть, но все не впрок,
Отец твой гордый Бога не боялся,
И покарал Всевышний сей порок:
Царь много лет в безумии скитался,

Был изгнан из компании людской,
С ослами и быками спал и ел,
В жару и хлад питался он травой,
Пока познать он Господа сумел,
Который властен положить предел
Всем и всему, что ни охватишь глазом;
Тогда его Всевышний пожалел
И возвратил ему престол и разум.

Сын царственного надменного отца,
Ты в гордости ему не уступаешь;
Хоть все о нем, с начала до конца,

Ты ведаешь, — от Бога отступаешь,
Вином своих наложниц угощаешь
В священных чашах из Господня храма,
Богов, о царь, ты ложных почитаешь —
Бог истинный воздаст тебе, упрямый!

Возвещены тебе слова его:
“Срок царства твоего определен;
Ты взвешен и не весишь ничего;
Престол твой нынче ж будет разделен
Междуд мидян и персов”, — молвил он.
Пал в ту же ночь владыка нечестивый,
И Дарий занял Валтасаров трон,
Хоть незаконно и несправедливо.

Вот, господа, еще один пример:
Любая власть в сем мире ненадежна;
От перемен судьбы не примешь мер,
Богатство, слава, блеск — все это должно;
Остановить Фортуну невозможно;
Пословица верна и всем известна:
Врагом в несчастье станет непреложно,
Кто в счастье другом стал тебе нечестно.

Зенобия

Зенобия, царившая в Пальмире,
По слову всех персидских грамотеев,
Средь жен была единственная в мире:
На свете не было ее смелее,
Отважней, благородней и сильнее.
Царей персидских род гордиться может:
Прекрасней всех назвать ее не смею,
Но что исправить — не найду в ней тоже.

Она и в детстве, дочь отцов великих,
В лес от занятий женских убегала,

Преследовала там оленей диких,
Из лука стрелы в зверя посыпала —
Столь на ногу легка, что догоняла
Их сразу; а в лета войдя с годами,
Львов, леопардов, тигров укрощала —
Им шеи гнула голыми руками.

Пробегать по горам могла всю ночь,
Ища зверей берлоги при звездах,
И на земле спала; сомненья прочь —
Бороться не боялась никогда,
Поскольку побеждала без труда
Всех юношей, сколь ни было в них силы,
И девственность свою блюла всегда —
Себя достойным никого не мнила.

Но замуж выдали в конце концов
Ее друзья за принца Оденака.
Он родом был из этих же краев.
Невеста всех помучила; однако
Их вкусы были сходны и до брака,
Но не во всем буквально совпадали;
Они, хотя бывает в жизни всяко,
Любезны и милы друг другу стали.

Одно на редкость было в их союзе:
К тому, чтоб с мужем лечь под одеяло,
Царица относилась как к обузе —
Затем царя на ложе допускала,
Что род людской умножить полагала;
И только ощутив себя порожней,
Свой долг супруги снова исполняла,
И то лишь раз, закона непреложней.

Когда ж она беременна была,
От родов сорок дней считал по дням
Царь, чтоб царица снова с ним легла;

Иначе, сколько б ни был он упрям,
Хоть он ходи за нею по пятам, —
Не получал желанного в постели:
“Для жен, — она твердила, — стыд и срам
С мужчиною играть без этой цели”.

Двух сыновей родил с ней Оденак.
Ученость с добродетелью в чести
Была у них: мать воспитала так.
Но нам пора к рассказу перейти.
Жены столь дивной больше не найти;
Нет совершеннее; способной нет
Труды столь бодро ратные нести,
Хоть обыщите вы весь белый свет!

Еще добавлю к сказанному прежде:
Всей роскоши ее не описать —
Ходила в раззолоченной одежде
С камнями драгоценными под стать;
И разные языки изучать,
Любя охоту, все ж была досужа —
Читать и добродетель познавать
Она стремилась, мудрецов не хуже.

Короче говоря, она сама
И муж ее так доблестно сражались,
Что на восток, на царские дома,
Все дальние их владенья простирались,
И города прекрасные сдавались,
Что были под рукой могучей Рима;
Враги сопротивляться не пытались,
Пока жил Оденак, судьбой хранимый.

Кто хочет о Зенобии узнать —
Пусть о царе Сапоре прочитает,
И что еще смогла завоевать,
Какой за это титул подобает;

Затем — как ею счастье сыграет:
В осаде быв, сдалась она невольно;
Учитель мой Петрарка это знает
И написал на сей предмет довольно.

Когда же умер Оденак, она
Взяла бразды своей рукою твердо,
Врагам супруга воздала сполна,
И не было в стране царя иль лорда,
Кто не возликовал бы, мысля гордо,
Что с ним она не станет воевать.
Все покорились царственной, и бодро
Она могла страной повелевать.

Ни Клавдий, гордый Рима властелин,
Ни Галлиен, что правил до него,
Из египтян, сирийцев ни один
Ей не посмел бы сделать ничего.
Царица не боялась никого:
Или убьет врага своей рукою,
Или пошлет войска на торжество
И за собой оставит поле боя.

Достойны были рода своего
Сыны в наряде царственном. Их было
Звать Германно и Тималао —
Преданье имена их сохранило
Персидское. Но желчь в меду отбила
Медовый вкус — царицу всех цариц
Судьба лишила царства и забыла
В несчастии без мер и без границ.

Аврелиан, когда он принял власть
Над Римом, взял ее двумя руками.
Зенобии отмстить жила в нем страсть,
И легионы он призвал под знамя
И выставил. Короче, скажем прямо, —

Врага разбил и воинством своим
Взял в плен царицу с юными сынами,
Страну — на щит и возвратился в Рим.

Среди добычи, взятой на войне,
Была Зенобиина колесница
Из золота и дорогих камней.
В триумфе императора царица
Шла так, что впору было подивиться:
Тяжки златые цепи на плечах,
В короне шла она и в багрянице,
Вся в золоте и дорогих камнях.

Увы, судьба! Зенобия, которой
И имя для соседей было страшно, —
Взгляните на нее! Рукою скорой
Брала с налета крепости и башни!
На той, что ясный шлем носила раньше,
Колпак надет дурацкий из стекла:
Сидит теперь за прядкою домашней
Та, что короной венчана была!

ПЕДРО ИСПАНСКИЙ*

Ты, Педро, лучший цвет испанской славы,
Был милостями рока так богат!
Te, что теперь тебя жалеют, — правы.
Тебя из края выгнал кровный брат,
Потом, подвергнув злейшей из осад,
К себе в палатку заманил обманом
И заколол своей рукою, кат,
Чтоб завладеть добром твоим и саном.

На сук багровый пойманный орел,
Чернеющий на белоснежном поле, —
Вот кто владыку к гибели привел.

“Гнездовые зла” в его повинно доле.
Не Карло Оливер, умом и волей
Примерный муж, а Оливер другой,
Что с подлым Ганелоном сходен боле,
Бретонский Оливер всему виной.

ПЕТРО КИПРСКИЙ*

О славный Петро, Кипра властелин,
Под чьим мечом Александрия пала!
Тем, что сразил ты столько сарацин,
Ты приобрел завистников немало.
За доблесть ратную твои ж вассалы
Сон утренний прервали твой навек.
Изменчив рок, и может от кинжала
Счастливейший погибнуть человек.

ВАРНАВА ЛОМБАРДСКИЙ*

Милана славный государь, Варнава
Висконти, бог разгула без препон
И бич страны! Кончиною кровавой
Твой бег к вершине власти завершен.
Двойным сородичем (тебе ведь он
Был и племянником и зятем вместе)
В узилище ты тайно умерщвлен, —
Как и зачем, не знаю я, по чести.

УГОЛИНО, ГРАФ ПИЗАНСКИЙ*

Рассказ о бедном графе Уголино
У каждого исторгнет плач и стон, —
Так жалостна была его кончина;
Он был близ Пизы в башню заключен

С тремя детьми, — год пятый завершен
Был лишь недавно старшим из малюток.
Как птица в клетке, в башне без окон
Они томились. Их удел был жуток.

Епископ Роджер злобной клеветой
Достиг того, что, в башню заточенный,
Несчастный граф там век окончить свой
Был обречен толпою возмущенной.
И дни его текли в тоске бездонной
Средь мрачных стен, как я уже сказал...
Заплесневелый хлеб с водой зловонной
В обед злосчастный узник получал.

И вот однажды, в час, когда обычно
Ему обед тюремщик приносил,
У двери звук раздался непривычный:
Тюремщик наглоу ее забил.
Граф понял все и в ужасе застыл.
“Голодной смерти призрак перед нами, —
Подумал он, — сколь жребий мой постыл!”
И залился обильными слезами.

Тут младший сын, трехлетний мальчуган,
Спросил отца: “Что плачешь ты? Скорее
Обед бы нам тюремщиком был дан!
От голода, смотри, я коченею;
Дай мне лепешку, и засну я с нею.
О, если бы навек уснуть я мог,
Чтоб голода не знать! Всего милее
Мне хлеба, хоть бы черствого, кусок”.

Так он томился день-другой, стеная,
Потом на грудь отцовскую прилег.
Сказал: “Прощай, отец, я умираю!”
И дух свой испустил чрез краткий срок.
Граф это зрелище стерпеть не мог;

В отчаянье себе кусая руки,
Он закричал: “Тебя, проклятый рок,
Виню за все мои страшные муки”.

А дети, думая, что он себе
Кусает руки, голодом нудимый,
Воскликнули: “Мы плоть свою тебе
Отдать готовы, наш отец родимый, —
О, если б накормить тебя могли мы!”
Их слушая, он плакал без конца,
А через день, в тоске невыразимой,
Они скончались на руках отца.

Сам Уголино тоже там скончался,
Навек покинув этот бренный свет,
Где некогда он славой красовался, —
Подробностей в трагедии сей нет;
Всем любознательным даю совет
К поэме обратиться бесподобной,
В которой Дант, Италии поэт,
Все это рассказал весьма подробно.

НЕРОН

Хотя Нерон настолько мерзок был,
Что лишь в аду подобие возможно,
Однако, как Светоний говорил,
В повиновенье мир держал надежно:
Восток и Запад, Север, Юг неложно;
Сапфиры, белый жемчуг, алый лал
На платье нашивал, где только можно:
Каменъя император обожал.

Изысканней, роскошнее в одежде,
Надменней в мире не было владыки.
Наряд, какой хоть раз надел он прежде,

Уже и видеть не хотел — поди-ка!
 Сеть золотая ценности великой
 Была — рыбачить в Тибре для досуга,
 Законом всем — каприз, хоть самый дикий,
 Удача его слушалась, как друга.

Он Рим поджег, в том видя наслажденье,
 Сенаторов почтенных перебил,
 Желая любоваться на мученья;
 Убил он брата и с сестрой блудил;
 И матери конец не лучше был:
 Ей чрево сын рассек, чтобы увидеть,
 Где был зачат. О, что за злобный пыл!
 Как можно мать свою так ненавидеть!

Из глаз тирана ни одной слезы
 При этом не скатилось, лишь сказал:
 Мол, женщина была большой красы.
 Странней для мертвой не найти похвал!
 Затем вина подать он приказал
 И выпил; не было поминок суще.
 Жестокости подобной мир не знал:
 Яд власти и порока выжег душу.

Учитель у Нерона в детстве был:
 Учил его наукам и морали,
 Всех добродетелью превосходил
 В то время, если книги не солгали.
 При нем в ученике не расцветали
 Ни страсти, ни злодейство, ни порок.
 Года с временем ученья пробежали —
 И показал Нерон, сколь он жесток.

Тот Сенека, кого Нерон боялся, —
 И я к нему затем привлек внимание, —
 Искоренить пороки в нем старался
 И действовал всегда увещеваньем:

“Сэр, — говорил он, — должно в вашем званье
 Творить добро, тиранства избегать” —
 И получил приказ: вскрыть вены в ванне
 И, кровью истекая, смерти ждать.

Учителя Нерону с детских лет
 Приветствовать вставанием приходилось,
 А он сие считал страшней всех бед,
 И месть ему мерещилась и снилась.
 Чтоб умереть под пыткой не случилось, —
 А Сенека, конечно, мудрым был, —
 Смерть в ванне предпочел он, точно милость:
 Вот так Нерон учителя убил.

Удаче опротивело лелеять
 Неронову безнравственность и спесь;
 Пусть он силен был, но она сильнее,
 И думает: “За что такая честь
 Тому, кто из пороков соткан весь?
 За что он императором поставлен?
 Ей-богу, я должна его низвергнуть;
 Когда не ждет, и будет он раздавлен”.

Восстали на него однажды в ночь.
 Когда он это понял, он бежал
 Один, иска, кто б мог ему помочь,
 Но чем он звал отчаянней, кричал,
 И чем сильнее в двери он стучал, —
 Тем крепче запирались люди в полночь;
 И осознал он все, что потерял,
 И прочь пошел, не смей звать на помощь.

Он видел, как бежали, слышал звон
 Оружия и различил слова:
 “Где сей тиран двуличный, где Нерон?”
 От страха закружила голова;
 К богам воззвал он, говорит молва,

Но милости они не оказали;
От ужаса не умер он едва,
В сад выбежал и спрятался подалей.

А там он встретил двух простолюдинов,
Сидевших у огромного костра,
И умолял их, меч из ножен вынув,
Его прикончить, голову забрав,
Чтоб ей народ не тешился с утра;
Осталось лишь одно ему на долю:
Убить себя. Так кончилась игра
Удачи, наигравшейся им вволю.

ОЛОФЕРН*

Военачальника тогдашний свет
Не знал удачивей, смелей, грознее,
Чем Олоферн. В теченье многих лет
Крушил народы он, и все, бледнея,
Внимали имя этого злодея.
Судьба ему давала торжество,
Он был обласкан, зацелован ею, —
И вдруг слетела голова его.

Не только достоянье и свободу
Он отнимал у всех, палач и вор;
Он каждому повелевал народу
Считать, что бог — Навуходоносор.
Все области на этот шли позор,
Забыв о вере, ужасом томимы;
Лишь Ветилуя, та дала отпор,
Приняв совет жреца Элиакима.

Послушайте, как кончил век злодей.
Напившись допьяна, средь ночи темной

В палатке он покоился своей.
Но, несмотря на рост его огромный,
Рука Юдифи, горожанки скромной,
С плеч голову его отsekла прочь;
И с головой в руках, тропой укромной,
Юдифь к своим вернулась в ту же ночь.

ЗНАМЕНИТЫЙ ЦАРЬ АНТИОХ

Как лучше рассказать про царский чин,
Про славу и гордыню? Антиох —
Такой во всей вселенной был один.
Вы в Книге Маккавейской, что он мог,
Прочтите: что он в гордости изрек,
И что с ним сталоось, как приспело время,
И почему от голода иссох
Высоко на горе, покинут всеми.

Ему внушило счастье дух такой:
Царь верил, что до звезд рукой достанет
И что сровняет горы он с землей,
И что теченье в море перестанет
Стремиться к цели, если он заставит;
И к Божьему народу он питал
Злость, не боясь, что Бог его оставит,
И множество до смерти запытал.

Когда же Никанор и Тимофей
Терпели от евреев пораженья,
Евреев ненавидая, царь-злодей
Весь загорелся жаждою сраженья;
Чтоб отомстить такое унижение,
Схватив повозку, в Иерусалим
Он полетел, и с ним все окруженье;
Но нет удачи замыслам таким.

Господь его за злобу поразил
Неисцелимой раною незримо
И так утробу самую пронзил,
Что боль ее была невыносима.
Так Антиоху следует; вестимо, —
Утробе стольких боль он причинил,
Но от захвата Иерусалима
Господень гнев его не отвратил.

Он снова изготавился к войне,
Но тут Господь без всякой предпосылки
Его гордыню сокрушил вполне:
Низвергся с колесницы воин пылкий
И больше, как ни бился на подстилке,
Не мог он ни пешком и ни верхом
Передвигаться — все нужны носилки:
Так был изломан и избит кругом.

И так Господень гнев ужасен был,
Что заживо царя гладили черви;
И столь тяжелый запах исходил
От плоти Антиоха, что из черни
Царевой ни последний и ни первый
Не мог стоять поблизости; в боренье
Рыдал и сокрушался царь безмерно
И так познал Творца всего творенья.

Ни сам он, ни прислужники его
Невыносимой вони царской плоти
Терпеть не в силах были; никого
Носить носилки не нашлось средь сотен.
Заставивший рыдать народ Господень,
Вкусил убийца и грабитель ныне,
В горах скончавшись в муке безысходной,
Награду, что наследует гордыне.

АЛЕКСАНДР

Об Александре писано не раз.
Любой, кто хоть немного образован,
Читал или слыхал о нем рассказ.
Весь мир огромный был им завоеван;
Великой доблести и силе новой
Был счастлив покориться в мире тленном
И человек, и зверь — поверте слову;
И он добрался до конца вселенной.

Из полководцев мира ни один
Сравниться с Александром не достоин.
Всех трепетать заставил исполин —
Прославленный был рыцарь, храбрый воин
И милостей Фортуны удостоен;
От битвы — кроме жен и влаги винной —
Ничем не отвести его — пустое! —
Так полон был герой отваги львиной.

Какую же еще хвалу воздать?
Он Дария был славный победитель,
Царей и принцев всех рассеял рать,
Князей и графов смелый покоритель;
Куда бы человек ни шел — смотрите! —
Весь мир был Александров; но пристало
И повторить об этом — не корите:
Ведь как ни прославляй его — все мало.

Как в Книге Маккавейской говорят,
Двенадцать лет правление продолжалось
Героя Македонского. Навряд
Ему подобный сыщется. О жалость!
Местами туз с шестеркой поменялись
На жребии Фортуны; отравила
Героя свита — верная, казалось;
Фортуна же слезы не уронила!

Кто даст мне слез оплакать дерзновенье
Того, кто смог народы покорить,
Всю землю захватить в свое владенье, —
Но нечем было удовлетворить
Жар подвига и славы? Претворить
Не смог он замысел высокий; втуне
Остался тот. Кого же укорить —
Яд злобы или честь отдать Фортуне?

Юлий Цезарь

Своей отвагой, мудростью, трудом
От ложа скромного на царский трон
Поднялся Юлий. От него потом
Восток воспринял право и закон.
Всех Риму подчинил, всесильный, он,
Завоевав иль заключив союзы,
Был императором провозглашен,
Покуда счастию не стал обузой.

Войну в Фессалии сей Цезарь вел
С войсками тестя своего Помпея,
Который весь востоквойной прошел
До дальних мест, где солнце, пламенея,
Восходит. Перебил он, не жалея,
Всех, лишь немногим рок бежать назначил
И скрыться, под водительством Помпея.
Восток вострепетал. Хвала удаче!

Но дайте мне оплакать и того,
Кто Римом правил славно. О Помпей!
Он уцелел в той битве, но его
Солдат один, предатель и злодей,
В стан Цезаря перебежал скорей
С подарком — головою принципала.
Востока покоритель, о Помпей!
К какому рок тебя привел финалу!

А Цезарь возвратился снова в Рим,
Увенчан лавром; и триумф прошел.
Но Брутус Кассий, завистью томим,
Ему на гибель заговор завел,
И дело в полной тайности провел —
Враг отличался ловкостью отменной, —
И место подходящее нашел,
Где б умер тот, кинжалами пронзенный.

Вот в Капитолий Цезарь поднялся,
Как он обычно делал; но едва
Вошел он в зал, как за кинжал взялся
Сей Брутус и другие; и прервал
Век Цезаря ударов целый шквал;
Ран множество; конец его был страшен,
Но вскрикнул он всего лишь раз иль два,
Когда рассказ о нем не приукрашен.

Так чести был он предан безраздельно,
Бесчестья же так рьяно избегал,
Что, несмотря на боль от ран смертельных,
Он плащ вокруг бедер туго обмотал,
Чтоб срам его никто не увидал, —
Ведь даже и в предсмертном забытии
И в самой смерти Юлий соблюдал
Приличье, честь, достоинство свои!

Советую вам также прочитать
Светония, Валерия, Лукана:
Они предмет умели излагать
С начала до конца и без изъяна.
Всем полководцам поздно или рано
Фортуна изменяла; так не верьте
И вы ей, воплощению обмана,
Послушавши о жизни их и смерти!

КРЕЗ*

Лидийским царством правил Крез богатый;
 Был мощью даже Киру страшен он.
 Но, наконец, в полон врагами взятый,
 Был на костер спесивец возведен.
 Вдруг полил дождь, гася со всех сторон
 Огонь костра, и царь спасен был роком,
 Но был ему конец определен:
 В петле повиснуть на столбе высоком.

Когда он спасся, тотчас же в поход
 Он вновь отправился в том убежденье,
 Что рядом с ним Фортуна в бой пойдет,
 Которой он спасен был от сожженья;
 Считал он невозможным пораженье, —
 Недаром ведь ему приснился сон,
 Питавший гордость в нем и самомненье.
 Он всей душой был к мести устремлен.

Ему приснилось, что в листве древесной
 Ему Юпитер моет плечи, грудь
 И полотенце с высоты небесной
 Бог Феб спешит, склонившись, протянуть.
 Крез, сновиденья не поняв ничуть,
 Спросил у дочери своей ученой,
 В чем вещего его виденья суть,
 И услыхал ответ определенный:

“На виселице ты свой кончишь век —
 В том сомневаться было бы напрасно.
 Юпитер означает дождь и снег,
 Феб с полотенцем — солнца жар ужасный!..
 Им предстоит твой труп томить всечесно,
 Чтоб то он высыхал, то снова мок”.
 Так дочь Фания рассказала ясно,
 Какой удел отцу готовит рок.

И был повешен Крез, тиран спесивый,
 Ему престол роскошный не помог.
 Где б для трагедии была пожива,
 Для плача где б она нашла предлог,
 Когда б земные царства грозный рок
 Не рушил, что ни день, рукой могучей?
 К уверенным в своей звезде он строг,
 От них свой лик скрывает он за тучей.

Здесь прерывает Рыцарь рассказ Монаха

ПРОЛОГ МОНАСТЫРСКОГО КАПЕЛЛАНА

Пролог к рассказу Монастырского капеллана

“Сэр, — рыцарь тут воскликнул, — пощадите!
Трагедиями нас не бремените!
Гнетет нас этих бедствий страшный груз.
К примеру, я хоть на себя сошлюсь:
Мне тяжко слышать, что глубоко пал
Герой, который в славе пребывал,
И с облегчением, с радостью я внемлю
Тому, как наполняют славой землю,
Как низкий званьем славен и велик
Стал и пребыл. Его победный клик
Бодрит мне душу и дает отраду.
Об этом и рассказывать бы надо”.

Трактирщик тож: “Клянусь колоколами
Святого Павла. Ишь как перед нами
Он раззвонился: “Туча, мол, сокрыла
От них злой рок”. И что еще там было
В “трагедиях” его. Да просто срам
Так плакаться и сокрушаться нам
Над тем, что уж невесть когда случилось.
И прав сэр рыцарь, сердце омрачилось,
Вас слушая. Увольте, сэр монах,
Уныние нагнали вы и страх

На всю компанию. Побойтесь Бога.
Что портить вашим спутникам дорогу?
В рассказах этих нету ни красы,
Ни радости. Хотел бы попросить
Вас, сэр монах, иль как вас там, сэр Питер,
Быть веселей, как весел ваш арбитр.
Ведь если б не бренчали бубенцы
Уздечки вашей, прежде чем концы
Сведете вы трагедии с концами,
Клянусь Фомы преславными мощами,
Заснул бы я и носом прямо в грязь
Свалился бы, чего я отродясь
Не позволял себе. А для чего
Тогда рассказчику и мастерство?
Клянусь я небом, правы мудрецы те,
Что заповедали нам: “Братья, бдите:
Кто не обрел внимания ушей,
Не соберет плодов своих речей”.
А я, — недаром стреляный я волк, —
В историях уж я то знаю толк.
Что ж, сэр монах, потешьте доброхота
И расскажите вы нам про охоту”.

“Ну нет, — сказал монах, — пускай другой
Вас тешит, я ж рассказ окончил свой”.

Хозяин наш ругнул его в сердцах,
Крест помянул и прах его отца
И к капеллану с речью обратился:
“Друг, сделай так, чтоб дух наш ободрился.
А ну-ка, сэра Питера позли
И всю компанию развесели.
Не унывай, что под тобою кляча,
А что уродлива она — тем паче.
Везет тебя кобыла — ну и ладно,
Лишь было б только на сердце отрадно”.

“Согласен, сэр, — тут капеллан сказал.
Изволь, хозяин, чтоб ты не скучал,

Припомню сказку, но коль скучно будет,
Ты не бранись, — другие нас рассудят".
И с этим за рассказ принялся он,
Наш простодушный, добрый наш сэр Джон.

РАССКАЗ
МОНАСТЫРСКОГО КАПЕЛЛАНА

*Здесь начинается рассказ Монастырского капеллана
о петухе и курочке —
Шантклэр и Пертелот*

Близ топкой рощи, на краю лощины,
В лачуге ветхой, вместе со скотиной
Жила вдова; ей было лет немало.
Она с тех пор, как мужа потеряла,
Без ропота на горе и невзгоды
Двух дочерей растила долги годы.
Какой в хозяйстве у вдовы доход?
С детьми жила она чем Бог пошлет.
Себя она к лишеньям приучила,
И за работой время проходило
До ужина иной раз натощак.
Гуляли две свиньи у ней и хряк,
Две телки с матерью паслись на воле
И козочки, любимица всех, Молли.
Был продымлен, весь в саже, дом курной,
Но пуст очаг был, и ломоть сухой
Ей запивать водою приходилось —
Ведь разносолов в доме не водилось.
Равно как пища, скуден был наряд.
От объяденья животы болят —
Она ж постом здоровье укрепила,
Работой постоянной закалила

Себя от хвори: в праздник поплясать
Подагра не могла ей помешать.
И устали в труде она не знала.
Ей апоплексия не угрожала:
Стаканчика не выпила она
Ни белого, ни красного вина.
А стол вдовы был часто впору нищим,
Лишь черное да белое шло в пищу:
Все грубый хлеб да молоко, а сала
Иль хоть яиц не часто ей хватало.
Коровницей та женщина была
И, не печалась, с дочерьми жила.

Плетнем свой двор она огородила,
Плетень сухой канавой окружила,
А по двору, как гордый кавалер,
Ходил петух — красавец Шантклэр.
И поутру он кукарекал рано
Звончей и громогласнее органа,
Что только в праздник голос подавал.
Соперников петух себе не знал.
Его стараньем были все довольны;
Часы на монастырской колокольне
Запаздывали против петуха.
Вдова, на что уже была глуха,
Но каждый час она его слыхала.
Его чутьем природа управляла:
Когда пятнадцать градусов пройдет
В подъеме солнце — Шантклэр поет.

Зубцам подобен крепостного вала,
Роскошный гребень был красней коралла,
А клов его был черен, что гагат;
Лазоревый на лапах был наряд,
А епанча — с отливом золотистым,
И когти крепкие белы и чисты.

Чтобы от праздности не заскучал он,
Семь кур во всем супругу угождало;
И, золотистой свитой окружен,

Ходил он меж сестер своих и жен,
А та из них, чьи перышки всех ярче,
Кого из жен супруг любил всех жарче,
Была прекрасная мадам Пертелот.
Свободная от всяческих забот,
Общительна, учтива, добродушна,
С супругом ласкова, мила, послушна —
Она так крепко мужа оплела,
Что для него единственной была.
Хвалить ее — вот в чем ему отрада,
И солнцем лишь окрасится ограда,
Уж он поет: “Где ты, моя девица?”
(В те времена, по-видимому, птица
По-человечки говорить могла.)

В час утренний, когда редела мгла,
Спал Шантклэр, и с ним подруги вместе
В каморке на засиженной насести.
А рядом с ним сидела Пертелот.
Вдруг Шантклэр спросонья как икнет
И от виденья заклюхтал дурного.
Она ж толкнула мужа дорогого
И говорит: “О мой супруг, проснись!
И лучше уж со мной ты побранись,
Чем так клохтать”. А он в ответ: “Мадам!
Не пожелаю я того врагам,
Что мне приснилось. Вы умерьте страх:
Ведь это сон. Но впредь в своих мольбах
Просите Бога, въявь бы не случилось
Того, что только что мне вдруг приснилось.
А снилось мне, что будто по двору,
Где я гулял (ни чуточки не вру),
Зверь крадется, чтоб на меня напасть,
Похожий на собаку, только масть
Мне незнакомая. Но видел ясно
Я мех пушистый, длинный, желто-красный,
Конец хвоста и кончики ушей
Противу шкурки были потемней.

А морда острая, глаза колючи —
Они грозили смертью неминучей.
Вот отчего, должно быть, я стонал".

"И ты от этого так духом пал?
Прочь от меня! Стыдись, о малодушный!
Такому трусу быть во всем послушной,
Терпеть, чтоб мужа так пугали сны, —
Какой позор и горе для жены!
Ведь мы хотим, чтобы супруг был смел,
Надежен, мудр, скupитъся бы не смел,
Чтоб не был хвастуном, глупцом, растяпой,
Чтоб испугать его когтистой лапой
Не мог бы кот или рычаньем пес.
Какую ты нелепицу понес!
Подумать только! Ты своей любимой
Признался в трусости неодолимой.
О, стыд какой! Махрами бороды
Цыплячье сердце прикрываешь ты!
Так испугаться мог ты снов каких-то!
И вздумал ими, трус, пугать других ты!
Все эти сны — один пустой обман:
Обжорством порождается дурман,
Или излишком градусов в напитке,
Иль испарениями, что в избытке
Накапливает в животе завал.
Тебе любой расскажет коновал,
Что сон твой просто от прилива желчи,
Но сны такие надо видеть молча.
От этой желчи то ль еще увидишь?
Приснятся стрелы или в ад ты снедешь,
В багровый пламень, там багряный зверь
Тебя укусит, распахнется дверь
И грызьться станут малые, большие
Собаки с волком. Ужасы иные
От черной желчи угнетают нас:
Тебе приснится черный дикобраз,
И черный бык, и черные медведи,

И черти черные, из темной меди
Весь закоптелый сатанинский чан
И что ты черным бесом обуян.
Могла бы я и прочих испарений
Приметы рассказать и сновидений
Пример привесть, но будет и того,
Что ты услышал. Вот Катон! Его
Считают мудрецом, а что сказал он:
"Не верьте снам". Иль и Катона мало?
С настести нашей, о супруг, спорхни,
Слабительного поскорей глотни —
И, выгнав желчь зловредную из крови,
Без недугов ты будешь жить, как внове.
Для этого не нужен и аптекарь,
Сама тебе я лучший буду лекарь:
Траву поносную я укажу,
А также рвотную, и освежу
Я кровь твою прочисткой в два конца.
Трава растет у самого крыльца,
Искать ее далеко не придется.
Но не забудь, что желчь в тебе мятется:
Смотри, чтобы горячих испарений,
Как зелья вредоносного курений,
В тебе не разогрело солнце. Пар
Ударит в голову, и тотчас жар
Тебя тогда охватит и горячка.
И сядет на язык тебе болячка,
И ты смертельно можешь захворать.
Два дня не нужно ничего вкушать, —
Одних червей, как самой легкой пищи.
Тебя тогда еще сильней просвищет
От этих трав. Лишь только страх откинь
И у ворот у нас поклюй полынь,
А к ней прибавишь стебель чистотела,
Чтоб испарения изгнать из тела,
А также мяты и ромашки цвет:
От ветров, рези — лучшие средства нет;

Запор излечат ягоды крушины,
И перестанешь бредить без причины.
Хоть неказист и едок молочай,
Но и его нарви и принимай.
И, наконец, испробуй ты кизил —
Чтобы во сне поменьше голосил”.
Тут бороду когтем он почесал
И с важностью жене своей сказал:
“Мадам, благодарю вас за советы,
Но что касается Катона, в этом
Я с вами не согласен. Знаменит,
В том спору нет, Катон, но говорит
О снах превратно. Чтя святых отцов
И древности преславных мудрецов,
Которые не менее Катона
Себя прославили во время оно,
На них сошлоось, что сны полны значенья
И нам сулят то радость, то мученья.
О вещих снах не стану спорить зря,
О них рассказов сотни говорят.

Вот, например, великий Цицерон.
В одной из книг рассказывает он:
Два друга собирались в путь-дорогу,
Обет свершая, данный ими Богу,
И в городе, где надо б ночевать,
Ночлега не могли они сыскать
Такого, чтоб расположиться вместе:
Стеснился, как мы тут на насести,
Паломники со всех концов земли.
Друзья с трудом себе приют нашли.
Один, что был к удобствам равнодушней,
Устроился в заброшенной конюшне.
Бок о бок с парой упряженых волов.
Другой нашел себе постель и кров
В гостинице. Судьба того хотела.
А ведь судьба всегда решает дело.
Сквозь сон услышал тот, кто в доме спал,

Что будто бы его другой позвал
И говорит: “Увы, в хлеву воловьем,
В навоз уткнувшись вместо изголовья,
Сегодня мертвым буду я лежать.
Покинь скорее теплую кровать —
Или в живых меня ты не застанешь”.
Но, и проснувшись, иногда не встанешь;
Друг, в страхе пробудясь, уснул опять:
Он сны привык безделицей считать.
И дважды этот сон ему приснился.
И в третий раз приятель появился
И голосом знакомым говорит:
“Все кончено, о друг мой, я убит.
Смотри, как глубоки и страшны раны,
И если встанешь ты поутру рано,
У западных ворот увидишь воз, —
В нем, раскопав солому и навоз,
Мой труп найдешь, и тут же можешь смело
Рассказывать о том, как было дело.
Всему виною золото мое”.
И, бледное лицо склонив свое,
О том, как был зарезан, рассказал он.
И, кончив свой рассказ, как тень, пропал он.
И вот, едва лишь стало рассветать,
Второй паломник принялся искать
Приятеля, но стойло было пусто,
А сам хозяин, покрасневши густо,
Сказал, что постоялец, мол, чем свет
Собрался в путь. Услыша сей ответ
И в опасеньях горших утвержденный,
Он видит воз, соломой нагруженный,
Как друг сказал, — у западных ворот.
И начал громко он скликать народ,
Кляня убийц и призывая к мщению:
“Мой спутник умерщвлен без сожаленья!
Вот тут, в навозе, труп его лежит.
Взываю к тем, кому здесь надлежит

Блюсти закон и охранять порядок".
 А далее рассказ мой будет краток.
 Действительно, в навозе труп нашли
 И вскорости достойно погребли.
 Убийство не осталось под спудом:
 С возницей чуть не кончив самосудом,
 Толпа его передала властям,
 И так досталось ребрам и костям
 Под пыткою, что пред судьбой смирился
 Возница и в убийстве повинился.
 Тут и хозяин скрыть не смог вины,
 И были оба смертью казнены.
 И так всегда. Ведь рано или поздно
 Убийц Господень суд настигнет грозный,
 Хотя б они и год и два таились
 И от суда людского хоронились.

Отсюда видите, сколь сны зловещи.
 Еще читал я, помню, в той же вещи,
 Немного ниже приведенных строк
 (А если лгу, меня накажет Бог),
 О двух друзьях, которые собрались
 Плыть за море и вместе задержались
 В порту одном, пережидая, чтоб
 Не дул им ветер неустанный в лоб.
 И к вечеру погода изменилась,
 И ветер стих, и море усмирилось,
 И, радуясь, легли они в кровать,
 Решив с рассветом путь свой продолжать.
 Но одному приснился сон чудесный:
 Во сне явился отрок неизвестный,
 Который не велел ему спешить.
 "А если вздумаешь ты завтра плыть,
 Потонешь, говорит, и весь тут сказ".
 Но друг, услышав странный сей наказ,
 В ответ на просьбу отложить отплытие
 Смеялся стал, что, мол, приятель — нытик,
 О вещих снах плетет какой-то вздор:

"Не стыдно ли тебе? Какой позор!
 Чтоб изменил в делах своих решенье
 Из-за какого-то я сновиденья!
 Бывает, совы снятся, обезьяны,
 И нечисть всякая, и смерть, и раны,
 И что тебя убили или судят,
 Чего и не было, да и не будет.
 Все эти сны — иль вымысел, иль бред,
 В них правды истинной ни капли нет.
 Но ты, я вижу, до смерти напуган,
 И, позабыв про дело и про друга,
 Здесь в праздности решил ты пребывать.
 Мне остается только пожелать,
 Чтоб ты одумался не слишком поздно".
 И разошлись друзей дороги розно.
 И в то же утро смелый друг отплыл,
 Но далеко еще от цели был,
 Когда, не знаю, по какой причине,
 Дал течь корабль, сломался посередине,
 И на глазах у прочих кораблей
 Разверзлось море, поглотив людей.
 Краса Перплот, дражайшая супруга,
 Пускай пример насмешливого друга
 Тебе покажет, что нельзя шутить
 Над снаими вещими и говорить
 Так опрометчиво о предсказаньях.

Совсем недавно я прочел в деяниях
 Блаженного Кенельма (он был сын
 Кенульфа-короля) про сон один.
 Наследовав отцу, младенец кроткий,
 Он, перед тем как был зарезан теткой,
 Свое убийство увидал во сне.
 А были с ним лишь нянюшки одне.
 Кормилица дитя остерегала.
 Но что мог сделать несмышленыш малый?
 Был от роду всего семи он лет,
 И не помог кормилицы совет.

Я отдал бы последнюю рубашку,
Лишиь бы прочли вы про дитя-бедняжку.
Иль вот Макробиев “Сон Сципиона”,
Он говорит: у снов свои законы.
Они предвестие того, что будет.
И пусть неверы вкривь о них не судят.

Вот хоть бы Ветхий посмотреть завет.
Что Даниил? Он верил снам иль нет?
Иль вот Иосиф? Словом, часто сны —
Хоть не всегда — значения полны.
Король египетский, сэр фараон,
Он хорошо узнал, что значит сон;
И хлебодар и виночерпий тоже
С владыкой в этом были очень схожи.
И кто анналы древних разберет,
О снах свидетельств много в них найдет.

Вот, например, король лидийский Крез
Во сне увидел, что на ветку влез.
И сон был в руку: верно — был повешен.
Иной раз сон гласит: не будь поспешен.

Вот Андромаха — Гектора жена,
В ночь перед боем видела она,
Что жизни Гектор поутру лишится,
Когда с Ахиллом бой вести решится,
И осторожней быть его молила.
Упрямого исправит лишь могила:
И Гектор в битву тотчас же вступил,
И зарубил мечом его Ахилл.

Ночь напролет рассказывать про это —
И то всего не скажешь до рассвета.
Итак, кончай. Вывод мой таков:
Нам ждагь беды от этих вещих снов.
А про слабительные знаю только,
Что не помогут против снов никаколько, —
Ведь яд они, и злейшему врагу
Их не дал бы; терпеть их не могу.
Об этом хватит, есть приятней темы.

Хоть в радости мы слишком часто немы,
Но ваше лишь увижу я лицо,
Вокруг очей багряное кольцо,
Пою ниспосланную Богом милость
И забываю страхи, хворь и хилость.
Ведь так же верно, как “In principio”
*Mulier est hominis confusio*¹,
А это означает по-латыни,
Что женщина — небесный дар мужчине.
Когда же ночью мягкий ваш пушок
Зазябнувший мне согревает бок,
Любимая, мне, право, очень жалко,
Что наш насест коротенькая палка,
Что не могу вас ночью потоптать:
Ведь в жердочку одну у нас кровать;
Вас так люблю и вами так горжусь,
Что снов и знамений я не боюсь”.

Тут соскочил петух с своей насести,
И все супруги с ним спорхнули вместе,
Их, чтоб не разбредались далеко,
Он начал звать хриплым ко-ко-ко...
Он выступал с осанкой горделивой,
Звал Пертелот к себе нетерпеливо,
И в шею ласково ее клевал,
И раз до двадцати пяти топтал.
Топорщил гриву, что свирепый лев,
И кукарекал, надрывая зев.
И, пыжась, он ходил лишь на когтях,
Чтоб пяток не коснулись грязь и прах.
И кокококал он, найдя зерно,
И доставалось Пертелот оно,
Хоть все супруги тотчас отзывались
И опрометью на призыв бросались.

Так он ходил, как царь в своей палате.
На этот раз о нем, пожалуй, хватит.

¹ От женщины соблазн мужчине (лат.).

Поздней я расскажу, что с ним стряслось.
 Со дней, когда творенье началось
 (Что было в марте), тридцать дней прошло,
 И майских два вдобавок, и взошло
 На сорок с лишним градусов светило,
 И во всю мочь в глаза оно светило,
 Когда петух в кругу прекрасных жен
 Шел по двору, гордыней упоен.
 Но вот на солнце зоркий глаз скосил он,
 И во весь голос миру возгласил он
 (Не разумом то ведал, а чутьем),
 Что солнце в градусе двадцать втором
 Созвездия Тельца и значит это,
 Что скоро девять и обедня спета:
 "Мадам Перплот, звезда моих очей!
 И птицы нынче нам поют звончей,
 И травы мягче, и цветы душистей,
 И сам я веселей и голосистей".

Но тут пришла, как водится, беда —
 Она за радостью бредет всегда,
 А радость, всякий знает, мимолетна;
 Будь летописец я, о том охотно
 Подробнее я вам бы рассказал
 И все как следует растолковал.
 Скажу я тем, не верит кто поэтам,
 Что поручусь: во всем рассказе этом
 Ни слова лжи вы так же не найдете,
 Как и в истории о Ланселоте, —
 Излюбленной истории всех дам.
 Но к были не пора ль вернуться нам?

Жил красно-бурый лис, злой и лукавый,
 В овраге за болотистой дубравой.
 И, верно, Бог терпел его грехам:
 Уже три года он скрывался там.
 А в эту ночь он подкопал забор
 И незаметно пробрался во двор,
 Где Шантклэр, петух наш знаменитый,

Разгуливал со всей пернатой свитой.
 В траве густой залег в засаду лис
 И ждал; когда ж хозяйки собрались
 Коров доить, пополз он к Шантклэру:
 Усвоил он злодейскую манеру
 Тех душегубцев, что исподтишка
 Разить стремятся. И, увы, тяжка
 Судьба твоя, о Шантклэр несчастный!
 Зачем спорхнул ты в этот двор опасный!
 Иуда новый! Новый Ганелон!
 И погубитель Трои, грек Синон!
 Ты всех коварней лис и всех хитрее.
 Но, Шантклэр, ты о его затее
 Предупрежден был тем зловещим сном.

И до сих пор не кончен спор о том:
 Все ль предопределен Господь от века
 Или свободна воля человека...
 На этот счет большие есть сомненья
 И среди ученых в корне расхожденье.
 Народы, страны в спор вовлечены
 И яростной враждой омрачены.
 До корня не могу я докопаться
 И в сложности вопроса разобраться,
 Как сделал то блаженный Августин,
 Или Бозиций, или Бродвардин,
 Чтобы решить, предвиденье Господне
 Предуказует ли нам и сегодня
 Свершить, что им предопределено,
 Иль человеку все ж разрешено
 И не свершать того, что Божий разум
 Предусмотрел, но не скрепил наказом;
 Или причинная необходимость, —
 А не извечная неотвратимость, —
 Вот в чем предвиденье и промысл Бога,
 Но, кажется, отвлекся я немного.
 Ведь речь о петухе, который сдуру
 Свою надменную послушал куру

И во дворе пустом стал красоваться,
Хоть следовало снов ему бояться.
Капризы женские приносят зло,
Капризом женским в мир оно пришло
И выжило Адама вон из рая,
Где жил он без греха, забот не зная.
Пожалуй, будет кто-нибудь задет,
Что женщин опорочил я. Но нет!
Ведь это все я в шутку говорил.
Найдите, как о том мудрец судил;
Здесь петуховы, не мои сомненья,
А я о женщинах иного мненья.

Меж тем Пертлот, чтоб лучше обобраться,
Пошла в пыли с подругами купаться
На солнечном припеке, а петух
Клевал зерно, ловил козявок, мух
И распевал приятней той сирены,
Что завлекает нас, явясь из пены,
О ней же утверждает “Бестиарий”,
Что в мире нет сладкоголосей твари.

Но вот, склоняясь над жирным мотыльком,
Увидел Шантиклэр, что под кустом
Таится лис. Он в страхе изнемог
И не запел, а произнес: “Ко-кок”, —
И задрожал, что и с людьми бывает,
Когда их смертный страх одолевает.
Хоть всякий зверь стремится убежать,
Когда врага придется повстречать,
Хотя б тот враг был вовсе неизвестен,
Но Шантиклэр так и застыл на месте,
Когда к нему вдруг обратился лис:

“Почтенный сэр! Куда вы собрались?
Ведь я ваш друг. Вам нечего бояться,
Я б не посмел и вовсе к вам являться
И нарушать ваш утренний покой,
Но справиться я не могу с собой.
Не терпится ваш голос услыхать,

Могу его лишь с ангельским сравнять.
Какая глубина! Какое чувство!
Боэций так не ощущал искусство!
Милорд ваш батюшка (достойный сэр!)
И матушка прелестная (в пример
Ее всем ставлю) часто приглашали
Меня к себе и пеньем услаждали,
А в этом деле я большой знаток.
И пусть застрынет первый же глоток
В моей гортани, если вам солгу я!
Ведь никого на свете не сравню я
С таким певцом, каким был ваш отец:
Вот это настоящий был певец!
От всей души он пел, и, чтоб сильнее
Звучала песня, он дышал ровнее,
Глаза еще плотнее закрывал,
Напрягвшись весь, на цыпочки вставал
И, шею вытянув, так кукарекал,
Что не было на свете человека,
Который в этом с ним сравняться б мог,
Хоть он тянишь под самый потолок...
И мудростью отец ваш был богат.
Мне помнится, что много лет назад
Я в книжице “Сэр Лопоух-Осел”
Историю про петуха прочел:
Как сын священника переломил
Крыло ему и как он отомстил.
Все ждал сыновок, что петел запоет,
Да и проспал наследственный приход.
Конечно, это я не для сравненья
(Как мудрость сравнивать и ухищренья?) —
Вы ж, если петь как следует начнете,
Наверное, отца перепоете”.

Тут Шантиклэр взмахнул, забил крылами.
Как человек, обманутый льстецами,
Он был в восторге от таких похвал.

Увы! Сколько льстецов и прихлебал,
Что ложью слово правды заглушают,
К себе владыки часто приближают,
И лесть им слаше горькой правды часто.
Прочтите же слова Екклезиаста:
“Страхись, владыка, приближать льстецов”.

А Шантклэр был к пению готов,
Привстав на цыпочки, глаза прикрыл
И, шею вытянув, что было сил
Закукарекал громко и протяжно.
Сэр Патрикей, хитрец и плут присяжный,
Приблизился, мгновенье улучил —
За шею хват — и на спину взвалил.
Никто тут Шантклэру не помог,
И лис его к оврагу поволок.

Судьба! Сурова ты и неизбежна!
На горе Шантклэр пел безмятежно!
На горе Пертелот над сном штутила!
На горе в пятницу все это было!..

Венера! О богиня наслажденья!
Ведь Шантклэр не ради размноженья,
А наслаждаясь, тебе служил
И ревностно и не жалея сил.
Ужель в твой день погибнуть должен он!

О Джейфри, славный мэтр былых времен,
Что Ричарда, сраженного стрелою,
Воспел в стихах со слезной похвалою!
Когда бы мне красот твоих хоть часть,
Чтоб пятницу вслед тебе проклясть
(Ведь в пятницу пал Ричард, наш король),
Тогда б оплакал я и страх, и боль,
И муки безнадежных содроганий.

Такого плача и таких стенаний
Не вознеслось, так не визжали дамы,
Когда свирепый Пирр царя Приама,
Схватив за бороду, пронзил мечом, —
Какой поднялся между кур содом,

Когда был Шантклэр от них восхищен.
Сколько грозен лис увидев и сколь хищен,
Мадам Пертелот плачевней закричала,
Чем некогда супруга Газдрубала,
Когда он к римлянам попался в плен
И был сожжен, а с ним и Карфаген.
Ведь, бедная, в отчаянье и горе
Сама скакнула в огненное море.

Супруга дорогого лишены,
Вопили куры, горести полны.
Так римских пэров завывали жены,
Как Рим пытал, Нероном подожженный,
И под стенания, и стон, и плач
Мужей безвинных умерщвляя палач,
Жестокому покорствуя приказу.

Однако я вернусь опять к рассказу.
Услыша во дворе переполох,
Спешит туда вдова, не чуя ног,
И, чтоб беде неведомой помочь,
Бежать скорей она торопит дочь.
А та лису с добычей увидала.
“Лиса! На помощь! — громко закричала. —
Ату ее! Вон убегает в лес!”
И через луг спешит наперерез.
За нею с палками бежит народ,
И пес Герлэн, и Колли, и Тальбот,
Бежит корова, а за ней телята
И вспугнутые лаем поросыта,
Соседка Молкин с прялкою в руке
И старый дед с клюкою, в колпаке, —
Бегут, запыхавшись до полусмерти,
И все вопят, как в преисподней черти.
И кряхчут утки, копошатся мыши,
Перелетают гуси через крыши,
От шума пчелы покидают ульи.
Но передать тревогу ту могу ль я?
Джек Стро, наверно, так не голосил,

Когда фламандцев в Лондоне громил.
И не шумней была его орава,
Чем эта многолюдная облава.
Кто рог схватил, а кто пастушью дудку,
Трубил, дудел всерьез, а то и в шутку,
И поднялся у них такой содом,
Как будто бы земля пошла вверх дном.

Но слушайте, друзья, что было дале,
Такого ожидаете едва ли.
Судьба! Она, глядишь, разочарует,
Победу побежденному дарует.
Вися бессильно на загривке лисьем
И видя, как на помощь поднялися,
Петух испуг свой смертный подавил.
“Когда бы я на вашем месте был,
Почтенный сэр, — сказал он, — я бы в пику
Угрозам их, и похвальбе, и крику
Одно словечко только им сказал —
Что, мол, случалось, не таких видал.
Напрасны и капканы и ловушки!
Смотрите, я достиг лесной опушки
И петуха, клянусь, назло вам всем,
Я в нору заташу к себе и съем”.

“Так я и сделаю”, — ответил лис.
Но только лишь слова те сорвались,
Как высвободился из лисьей пасти
Петух и, чтобы от лихой напасти
Верней спастись, вспорхнул на старый дуб.

А лис улыбкою оскалил зуб:
“Мой милый Шантклэр, вы мне поверьте,
Хоть испугал я вас до полусмерти
И шею вам намял. Но видит Бог,
Что иначе я поступить не мог.
Спорхните вниз, я все вам расскажу
И правоту свою вмиг докажу”.

“Ну нет, сэр лис, пусть проклят буду я,
Когда вперед послушаюсь тебя!

С закрытыми глазами нипочем
Не стану петь ни пред каким листецом.
И справедливо Бог того карает,
Кто безрассудно очи закрывает”.
“Нет, — молвил лис, — Господь того карает,
Кто невпопад, не вовремя болтает,
Когда ему пристало бы молчать!”

И надлежит, друзья, вам вот что знать:
Опасно так беспечно доверяться,
А листивыми словами обольщаться,
Поверьте мне, еще того опасней.
Ты ж, для кого рассказ мой только басня
Про петуха, про курицу, про лиса,
Ты на себя возьми да оглянися...
Апостол Павел дал нам наставленье:
Во всем написанном зри поученье,
Зерно храни, а шелуху откинь.
И да исправит нас Господь. Аминь!

*Здесь кончается рассказ
Монастырского капеллана*

ЭПИЛОГ К РАССКАЗУ МОНАСТЫРСКОГО КАПЕЛЛАНА

“Сэр капеллан, — тут возопил хозяин, —
Пусть благодать святых и благость тайн
Пребудут и благословят штаны
И все, что облекать они должны!
Вот это был рассказ! Помехой ряса,
А то бы от тебя никто не спасся.
Да из тебя такой бы вышел кочет!
Ведь ежели да он всерьез захочет
Пустить в ход силу! Сколько надо кур
Ему в супруги! Ах ты, бедокур!
Не меньше, чем семнадцатию семь,

И, я не я, управится со всеми.
Какие плечи и какой затылок!
И ладен как и спереди и с тыла.
И как у ястреба зрачок канальский.
Индийской краской или португальской
Не надо красить перышки и хвост,
Хорош и так ты, капеллан, хоть прост".
Хозяин наш совсем развеселился
И к доктору со смехом обратился.

РАССКАЗ ВРАЧА

Здесь следует рассказ Врача

Тит Ливий повествует, что когда-то
Жил в Риме рыцарь, знатный и богатый,
По имени Виргиний, у друзей
Любовь снискавший щедростью своей.

Был дочерью единственою он
С женой своей от неба награжден.
Красою несравненной дева эта
Превосходила все созданья света.
Природа создала ее с таким
Искусством бесподобным, неземным,
Как будто чтоб сказать: "Глядите, люди!
Какой творец мечтать о большем чуде
Дерзнул бы? Может быть, Пигмалион?
Как ни лепил бы, ни чеканил он,
Со мной сравняться был бы тщетен труд.
Зевксис и Апеллес не превзойдут
Меня в искусстве украшать созданья.
Меня Творец Великий мирозданья
Поставил заместителем своим,
Чтоб облик существам давать земным
И всячески приукрашать их. Мною
Содержится все то, чем под луной
Ущерб и рост владеют вместе тут.
Я мзды не жду за свой бессменный труд.

С моим владыкою всегда согласна,
Все новым тварям жизнь даю всечасно,
В различную их облекая плоть.
Красой сей девушки почтен Господь", —
Так, думаю, могла б сказать природа.

Уж на порог пятнадцатого года
Вступила девушка, красой своей
Пленившая природу с первых дней.
Багрянцем роз и белизною лилий
Украшены ее ланиты были;
Как ива, гибок был прелестный стан,
А лес кудрей златистых осиян
Лучами полыхающего Феба,
Глядящего с полуденного неба.
Но внешности, отрады из отрад,
Был нрав ее прекраснее стократ.
Все качества соединились в ней,
Которые мы ценим у людей.
Душой и телом далека от зла,
Она цветеньем девственным цвела,
Во всем воздержанна, всегда смиренна
И долготерпелива неизменно,
В нарядах, в поведении скромна,
В ответах же учтивости полна.
Она, хотя умом не уступала
Самой Палладе, говорила мало.
Пустопорожних слов ее уста
На ветер не кидали никогда;
Нет, речь ее звучала благородно,
Проникнутая прелестью природной.
Присущи были ей девичий стыд
И рвение, которое бежит
Губительного для души безделья.
В рот не брала она хмельного зелья,
Чтобы Венерин жар не разжигать,
Чтоб масла к пламени не подливать.
Блюсти ей было любо строгий нрав;

Не раз от легкомысленных забав
Она, больной сказавшись, убегала;
Пирушки, пляски, смех под звон бокала
Ее к себе нисколько не влекли,
Она от них держалася вдали.
Тот прав, кто думает, что вредно детям
Забавам праздным предаваться этим:
До времени не надо созревать,
Ведь девочка успеет взрослой стать
И смело усвоить поведенье.

Вам не в обиду это поученье,
Наставницы господских дочерей,
Приставленные к ним на склоне дней!
Подумайте, какое основанье
Давать их было вам на воспитанье:
Иль то, что чистоту вы соблюли,
Иль то, что пред соблазнами земли
Не устояли и теперь до гроба
От света отреклись. Глядите же в оба
За нравами воспитанниц своих,
Стезею чистоты ведите их.
Охотник-вор, что от быльих утех
Своих отрекся, может лучше всех
Лес охранить. Вы с вашею задачей
Отлично справитесь, — вас ждет удача.
Не поощряйте никогда порок,
Чтоб дьявол вами овладеть не мог.
От снисхожденья к поощрению — шаг.
Невинности предатель — злейший враг
Людского рода, — потому-то мы
Его боимся больше, чем чумы.

Отцы и матери, вам тоже надо, —
Растите ль вы единственное чадо,
Иль несколько, — не отпускать их с глаз,
Пока зависит их судьба от вас.
Остерегайтесь гнусным поведеньем,
А паче неуместным снисхожденьем

Детей своих губить. Кто портит чадо,
Тому не миновать, поверьте, ада.
Коль нерадив пастух, какой в нем толк?
При нем ягнят спокойно тащит волк.
Примерами не утомляя вас,
Продолжу я мой прерванный рассказ.

Не нужно дочери Виргинья было
Наставниц, — нет, она руководила
Собой сама; ведь жизнь ее была —
Как все слова ее, так и дела, —
Примером, по которому учиться
Могли бы добродетелям девицы.
И потому в стране гремела слава
О красоте ее и жизни правой.
Все осыпали девушку хвалой, —
Все, кроме злобной зависти одной,
Которой горести чужие милы,
А радости, наоборот, постылы.

Свою продолжил повесть доктор так:
Однажды в храм направила свой шаг
Виргинья дочь; ее сопровождала
Родная мать, как девушке пристало.

А в ту пору как раз одним судьей
Тот окрут управлялся городской;
И вот, когда она входила в храм,
Судья, случайно оказавшись там,
Ее увидел и в единий миг
Запечатлев в душе прекрасный лик.
Ее красой невиданной пленен,
Тотчас же про себя подумал он:
“Она мою сделаться должна!”

И тут в него вселился сатана
И научил бессовестным советом,
Как преуспеть коварством в деле этом.
Он понимал, что золотом иль силой
Пути он не проложит к деве милой.
Она имела множество друзей,
И чистота души давала ей

Способность оказать сопротивление
Любому натиску и вожделению.
Все это взвесив, парня он призвал,
Которого за негодяя знал,
И все подробно рассказал ему,
Прибавив, чтобы тайны никому,
Коль жизнь ему мила, не выдал он.
Когда был подлый говорь заключен,
Судья на славу парня угостил
И наперед прещедро одарил.

Подробно обсудив с судьею план,
Как дать ему, пустивши в ход обман,
Возможность похорять утолить свою
(От вас их замысла не утаю),
Отправился домой проклятый Клавдий, —
Так парня звали, — а судья, враг правде,
Что звался Аппием (заметьте, я
Не сказкой развлекаю вас, друзья,
А то, что вправду было, повествую), —
Судья, уже заранее ликуя,
Стал предвкушать услады плотской час.
И вот через день, другой, когда как раз
В своем судилище он восседал
И тяжбы, как обычно, разбирал,
Вошел его сообщник, твердо шаг
Держа к столу, и громко молвил так:
“Свое пришел я право защищать
И на Виргинью жалобу подать,
Который мне нанес огромный вред.
А скажет он, что это лишь навет, —
Я привести свидетелей могу;
Они вам подтвердят, что я не лгу”.

“В отсутствие ответчика нельзя
Решенье вынести, — сказал судья. —
Пускай предстанет он перед судом,
И мы по правде тяжбу разберем”.
Явился тот, и жалобу истца
Суд огласил с начала до конца,

А содержанье было в ней такое:

“Я, недостойный Клавдий, пред тобою,
Почтенный Аппий, утверждаю тут,
Что некий рыцарь, коего зовут
Виргинем, праву вопреки, поныне
Мою служанку держит и рабыню,
В младых летах украденную в ночь
И уведенную насильно прочь.
Есть у меня свидетель не один,
Прошу их выслушать, о господин.
Он скажет вам, что дочь она ему,
Но это будет ложь, и потому
Рабыню мне вернуть прошу покорно”.
Вот содержанье жалобы позорной.
В упор взглянул Виргиний на истца
И собрался навету подлеца
Достойный дать и рыцарский ответ,
Всем доказать, что тени правды нет
В его словах, что в них сплошная ложь.
Судье, однако, было невтерпеж,
И он изрек: “Пора прикончить спор!
Такой я объявляю приговор:
Истец свою рабыню может взять;
Отныне у себя ее держать
Не вправе ты. Пусть явится сюда
И под охраной состоится суда”.

Услышав этот гнусный приговор,
Велевший дочь родную на позор
Отдать судье, пошел домой Виргиний,
Душою утопая в злой кручине.
Вернувшись, в комнате своей он сел
И тотчас дочь позвать к себе велел.
Когда она вошла и села рядом,
Он на нее взглянул потухшим взглядом.
Хоть жалость сердце отчее и жгла,
В решении был тверд он, как скала.

“Виргиния, дитя, — сказал он ей, —
Перед тобой один из двух путей:

Смерть иль позор. Зачем родился я,
Раз мне дожить пришлось, о дочь моя,
До дня, когда тебе, моя отрада,
От острого меча погибнуть надо?
Превыше света Божьего любя,
Как ласково лелеял я тебя,
О дочь, последнее мое мученье,
Последнее в сей жизни утешенье!
Жемчужина небесной чистоты,
Свой горький рок прими смиренno ты,
Тебя убьет не ненависть — любовь.
Моей рукой твоя прольется кровь.
Ты повстречалась Аппию на горе, —
Сказалось это в подлом приговоре”.
И все ей рассказал он, — вам опять
Излишне это было б повторять.

“Отец родной, я так еще юна,
Я жить хочу, — воскликнула она,
Ему руками шею обвивая
(Привычка у нее была такая),
И слезы брызнули из чудных глаз. —
Ужель, отец, пришел мой смертный час?”

“Увы, — ответил он, — исхода нет”.

“Тогда, — промолвила она в ответ, —
Оплакать жизнь мою, отец, мне дай!
Позволил выплакаться Иевфай
Пред смертью дочери своей когда-то,
А в чем была бедняжка виновата?
В том, что отца, совершившего поход,
Хотела первой встретить у ворот”.
Сказавши так, она без чувств упала,
А через миг, в себя пришедши, встала
И молвила: “Благодарю Творца,
Что девственной останусь до конца.
Позору смерть предпочитаю я.
Отец, готова к смерти дочь твоя”.
И стала тут она просить о том,

Чтоб он ударил бережно мечом,
И снова потеряла вдруг сознанье.
Виргиний, полный жгучего страданья,
Отсек ей голову и дар кровавый
Понес в палату, где судья неправый
Еще сидел и тяжбы разбирал.

Судья, гласит преданье, приказал
Его схватить и умертвить тотчас.
Но тут народ ворвался в суд и спас
Виргиния; ведь было всем известно,
Что приговор был вынесен бесчестно.
Еще когда истец явился в суд,
Подозревали многие, что тут
Замешан Аппий, чей блудливый нрав
Был всем знаком. Теперь, злодея взяв,
Его в темницу бросили, и там
С собою скоро он покончил сам.
А Клавдий, Апния сообщник мерзкий,
Истец неправедный, преступник дерзкий,
К повешению был тут же присужден.
По просьбе рыцаря, однако, он
Был только изгнан. Если б не Виргиний,
Ему висеть пришлось бы на осине.
Всех остальных, замешанных в злом деле,
На виселицу без пощады вздели.

Вы видите, не безнаказан грех,
Но час небесной кары скрыт от всех.
Тебе неведомо, когда и как
Зашевелится совести червяк,
Хоть о твоем не знает преступленье
Никто, — лишь ты один и провиденье.
Ученому и неучу равно
Расплаты час предвидеть не дано.
Грех из души гоните же скорей,
Покуда он не укрепился в ней.

Здесь кончается рассказ Врача

СЛОВА ТРАКТИРЩИКА¹

*Следует обращение Трактирщика
к Врачу и Продавцу индульгенций*

Тут наш хозяин, словно полуумный,
Браниться принял с божбою шумной:

“А, кровь и крест того, кто пригвожден был!
Судья тот справедливо осужден был.
Да чтоб они позорною кончиной,
Те стряпчие и судьи, как единый,
Все сгинули! Но ей-то не помочь!
Мне эта девушка как будто дочь.
Ах, дорогой ценою заплатила
За красоту она. Какая сила
Того спасет, кого природа, счастье
Так одарили? Горькие напасти
Их ждут и смерть. Ах, бедная моя!
Такие случаи знал и я.
Ее краса ее ж и погубила.
Какую гибель ей судьба сулила!
Природы, счастья не хочу даров,
В них проку нет, а зла? Не хватит слов
О нем сказать. Да, дорогой мой доктор.
Но в жалости какой, скажите, прок-то?

Давайте позабудем мы о ней,
И дай-то Бог, чтоб было веселей
Тебе, твоим урлыникам, горшкам,
Настойкам, банкам, мазям, порошкам
И всем твоим пилюлям и микстурам,
Хоть их не признает моя натура.
Коль Дева осенит своим покровом,
Так всякий будет и без них здоровым.
Но ты, по мне, достойный человек.
Живи себе мафусаилов век.

¹ Перевод И. Кашкина.

Что? Хорошо ведь сказано? Не спорю,
Не доктор я, чтоб болестям и горю
Помочь советом. Ты ж мне причинил
Такую боль, что я собакой взвыл.
Христовы кости! Надо мне настойки,
Иль пива кружку у себя за стойкой,
Или рассказ веселый, как лекарство,
Иначе лопнет сердце, и знахарство
Твое меня не сможет исцелить,
К бедняжке состраданье утолить.
Ну, *mon ami*¹, ведь, кроме отпущений,
Другие есть в запасе угощенья.
Нам что-нибудь, веселенькое, а?

“Готов я позабавить вас, друзья,
Но прежде надобно мне подкрепиться.
Вон в той харчевне можно поживиться”,
Так индульгений продавец ответил.
Его ответ отпор нежданный встретил.
Все благородные так закричали:
“Достаточно мы пакостей слыхали,
Хотим послушать слово назиданья”.
“Ну, что ж, пожалуй, только в ожиданье
Я выпью все-таки. Обдумать надо
Благое слово там, в тени ограды”.

ПРОЛОГ ПРОДАВЦА ИНДУЛЬГЕНЦИЙ

Здесь начинается пролог
Продавца индульгенций

Radix malorum est cupiditas:
*Ad Thimotheum, sexto*¹

Когда я отпущеня продаю,
Как можно громче в церкви говорю,
Я проповедь вызваниваю гордо,
Ее на память всю я знаю твердо,
И неизменен текст мой всякий раз:
Radix malorum est cupiditas.
Сказав сперва, откуда я взялся,
Патенты все выкладываю я,
Сначала от владетелей мирских –
Защищою печать мне служит их,
Чтобы не смел никто мне помешать
Святые отпущеня продавать.
Затем раскладываю булл немало,
Что дали Папы мне, да кардиналы,
Да патриархи всех земных концов;
Прибавлю несколько латинских слов
И проповедь я ими подслашу,
К усердью слушателей обращу.

¹ Дружок (*франц.*).

1 Алчность – корень всех зол: к Тимофею, гл. 6 (*лат.*).

Затем их взор прельщаю я ларцами,
Набитыми костьми да лоскутами —
Что всем мощами кажутся на вид.
А в особливом ларчике лежит
От Авраамовой овцы плечо.

“Внемлите, — восклицаю горячо, —
Коль эту кость опустите в родник,
То, захворай у вас овца иль бык,
Укушены собакой иль змеей,
Язык обмойте ключевой водой —
И здравы будут. — Дале молвлю я:
От оспы, парши, гною, лишая
Излечится водою этой скот.

Внимай словам моим, честной народ.
Пускай владелец тех овец, быков
Встает, что день, с зарей, до петухов,
И каждый раз из родника напьется, —
И с Авраамовых времен ведется,
Что приумножится добро и скот.
От той воды и ревность пропадет:
Коль муженек ревнив, несносен, груб,
Из родника воды прибавьте в суп —
И ревности его как не бывало,
Хотя б жена при нем же изменяла,
Хотя бы путалась с тремя попами.

А вот еще перчатка перед вами:
Сию перчатку кто наденет, тот
Неслыянную жатву соберет
Ржи, ячменя, овса или пшеницы,
Лишь только бы не вздумал он скупиться.

Но слушайте, что я скажу сейчас:
Коль в церкви этой ныне среди нас
Есть человек, что отягчен грехом
И все ж покаяться не хочет он,
Иль если есть тут грешная жена
И мужа оброгатила она, —

Ни благости, ни права да не имут
Вносить свой вклад, зане их дар не примут;
Но кто свободен от греха такого, —
Пускай дарит он, по Господню слову.
И будет отпущение дано,
Как буллой этой мне разрешено”.

Так каждый год на хитрой этой ловле
Я марок сто сбираю сей торговлей.
На кафедре стою я поп попом,
Простой народ рассядется кругом, —
И вот я с ним преважно говорю
И неподобнейшую чушь порю.
Вытягиваю шею что есть силы,
По сторонам раскланиваюсь мило,
Как голубок, сидящий на сарае;
Руками я и языком болтаю
Так быстро, что и поглядеть-то любо.
Им скопость, черствость я браню сугубо,
Лишь только б их мошну растормошить
И мне их денежки заполучить.
Мне дела нет, пускай, когда склонят,
Душа иль плоть в мученьях адских стонет.
Стремлюсь к тому, чтоб прибыль получать,
А не к тому, чтоб грешным помогать.

Что говорить, иные поученья
Исходят от дурного побужденья, —
Чтоб к грешнику вернее подольститься.
Успеха лицемерием добиться, —
Иль из тщеславия, иль из вражды.
Но если враг мои шатнет труды,
Его я проповедью уязвлю
Так, что назвать не сможет речь мою
Он клеветой, — достойная расплата,
Коль оскорбил меня ль, другого ль брата.
Я имени его не называю,
Но всяк поймет, кого я обличаю,

По описанью, — я уж постараюсь,
С любым врагом мгновенно расквитаюсь.
Я для народа праведен на вид;
Мой яд под видом святости сокрыт.
Я мысль свою вам вкратце изложу:
Стяжанья ради проповедь твержу,
И неизменен текст мой всякий раз:
Radix malorum est cupiditas.

Да, алчность — мой испытанный конек
И, кстати, мой единственный порок.
Но если в алчности повинен я,
Ее врачует проповедь моя,
И слушатели горько слезы лют.
Вы спросите, зачем морочу люд?
Ответствую: затем, чтобы стяжать.
Достаточно об этом рассуждать.

Так вот, я им рассказываю ряд
Историй, бывших много лет назад;
Такие рассказни простой народ
И слушает и сам передает.
Я даром проповеди наделен,
К стяжанию привержен и смыщен —
Мне что ж, по-вашему, жить бедняком?
Им никогда не стану, нипочем,
И, проповедуя по всем краям,
Рукам своим работать я не дам.
Корзины плесть и тем существовать?
Нет. Я умею деньги собирать.
К чему мне пост, Евангелья заветы,
Покуда есть вино, еда, монеты?
Пусть прибыль мне от бедняка идет,
Пусть мне вдова последний грош несет,
Хоть дети впроголодь сидят давно, —
Я буду пить заморское вино,
Любовниц в каждом заведу селенье.
Вот что скажу, о други, в заключенье:
Хотели слышать вы рассказ правдивый,

Так вот, когда напьюсь я вдосталь пива,
Вам расскажу историю на славу,
Которая придется всем по нраву.
Пускай я сам развратен и порочен,
Но проповедовать люблю я очень,
Ведь этим я и деньги собираю.
Прошу вниманья. Повесть начинаю.

РАССКАЗ ПРОДАВЦА ИНДУЛЬГЕНЦИЙ

Здесь начинается рассказ
Продавца индульгенций

Так вот в Брабанте некогда жила
Компания повес; тенета зла
Их всех опутали, они в борделе
Иль в кабаке за ночью ночь сидели.
Тимпаны, лютни, арфы и кифары
Их горячили, и сплетались пары
В греховной пляске. Всю-то ночь игра,
Еда и винопийство до утра.
Так тешили маммона в виде свинском
И в капище скакали сатанинском.
От их божбы власы вставали дыбом,
Они распять Спасителя могли бы,
Когда бы не был он за нас распят.

Был нечестив и самый их наряд.
И с ними были юные блудницы,
Цветочницы, нагие танцовщицы,
Певцы, кондитеры, коты и сводни,
Которые как встарь, так и сегодня
Слугами дьявольскими состоят.
Огонь разжегши, в нем они горят,
И похотью костер тот разжигают,
И боль вином напрасно заливают.
В свидетели Писание возьму,

Что винопийство погружает в тьму
Порока и греха. Как Лот грешил?
Упившись, с дочерьми своими жил.
А мерзкий Ирод, опьянен вином
И обезумев, за своим столом
Крестителя решился обезглавить.

Сенеку можно нам за то прославить,
Что он сужденье здравое изрек.
Он говорит, что пьяный человек
Ума немногим больше сохраняет,
Чем полуумный. Хворь усугубляет
Затмение ума и длится дольше,
Но пьянство – грех неизмеримо больший.

Чревоугодие! Тягчайший грех!
Источник бед! Родник пороков всех!
Через тебя, в тебе грехопаденье,
И от тебя спасло нас искупленье,
Ведь не напрасно восклицает клир:
Чревоугодием погублен мир.

Адам, отец наш, изгнан был из рая.
А почему его судьба такая
Постигла с Евою? Пока постился,
Душой в раю он к Богу возносился,
Но лишь плода запретного вкусил,
Его за грех блаженства Бог лишил.

Обжорливость! О, бездна ненасытна!
Когда бы вы знали, чем она грозит нам
(За всякое излишество – недуг),
Тогда бы вас остановил испуг.
Не стали бы вы мясом обжираться,
Увы, приходится нам сокрушаться,
Что правит всем обжорливое чрево,
Что сластолюбия гнилое древо
Весь мир корнями ныне оплело.
Чревоугодие – большое зло.
Его рабы на Севере, на Юге,
Под сенью пальм, в гиперборейской выноге

Алкают яств, а вместе с тем объятий.
 Апостол Павел говорит: "О братья,
 Червя едите, вас же червь изгложет,
 И тленья избежать никто не может".
 Нам это горько слышать, но, увы,
 Еще печальнее картину вы
 Увидите, когда глупец, упившись
 И без ума на яства навалившись,
 Давясь, сопя, их жадно поглощает
 И в свалочное место обращает
 Дарованный нам Господом сосуд.
 Апостолы в смятенье нам рекут:
 "Вам горе, пьяницы и сластолюбцы,
 Спасителя враги и душегубцы.
 Ах, кубков стук заполонил вам ухо,
 Взамен креста для вас святыня — брюхо".
 О брюхо, скопице нечистых вод,
 Зловонием ты отравляешь рот,
 И мерзок звук твой и противен запах.
 Лишь очутись в твоих несъедных лапах —
 Твоим рабом останешься до гроба,
 Чтобы кормить растущую утробу.
 И повара ну печь, толочь, крошить,
 Чтоб вещество природное лишить
 Обычных свойств и аппетит капризный
 Вновь пробудить то пряной головизной,
 То блюдом соловьиных язычков.
 И чем они не тешат алчных ртов:
 Шафраном, луком, перцем и корицей,
 Все сдабривают уксусом, горчицей.
 Кора и корень, лист, орех, цветок,
 Сок из надрезов, тертый порошок —
 Все на потребу, в соус все пригодно.
 Лишь заглушить бы яства вкус природный,
 Лишь бы сокрыть его природный вид
 И тем разжечь уснувший аппетит.
 Но кто излишествами насладится,

В том дух живой тотчас же умертвится.
 Кто пьет вино, тот стал на путь разврата.
 В обличье пьяном не узнаешь брата.
 О пьяница! Твои штаны обвисли,
 От бороды несет отрыжкой кислой,
 И в храпе, сотрясающем твой сон,
 Ноздрей высвистываешь ты: Сам-сон.
 (А видит Бог, Самсон не пил вина,
 В другом тяжелая его вина.)
 Увязшим боровом лежишь ты в луже,
 Сопиши без слов, ведь пьяному не нужен
 Язык. Коль пьяница откроет рот,
 Так до добра языка не доведет:
 Как пьянице не выболтать секрета?
 И вот, друзья, в уме держа все это,
 Воздерживайтесь впредь вкушать вино,
 Откуда б ни было привезено,
 Особенно же белое из Лепе,
 Я не встречал еще вина нелепей.
 Его лоза, легко совокупляясь,
 С другими лозами перевиваясь,
 Столь ядовитый создает букет,
 Что от него спасенья вовсе нет.
 От трех глотков ты потеряешь зренье,
 И, в некое восхищен отдаленье,
 Из Чипсайды вином перенесен
 Не в Ла-Рошель, Бордо иль Лиссабон,
 А в Лепе, будешь там "Сам-сон, Сам-сон"
 Ноздрей высвистывать. Теперь внимлите,
 Друзья почтенные. Кто победитель
 Бывал в борьбе? Мы, Ветхий взяв завет,
 Отыщем там единственный ответ:
 Кто укрепил молитвой и постом
 Свой дух, благоволение на том
 Всегда почиет, всех он победит.
 Возьмем Атиллу; были он знаменит,
 А умер смертью жалкою, позорной.

Расквасив нос, своей он кровью черной
В тяжелом сне до смерти изошел.

Для полководца горшее из зол —
Затменье пьяное. Кто в нем пребудет,
Тот указанье Божье позабудет,
Которым свыше осчастливлен был
Царь некий, нареченный Лемуил
(Нет, не ошибся я, не Самуил,
А Лемуил). Вы сами посмотрите
В Писании, коль верить не хотите,
Что Господом ему запрещено
Судью поить, в суде хранить вино.
Простите мне, увлекся я невольно,
Но, видит Бог, за грешников мне больно.

К чревоугодникам держал я речь,
Но игроков равно предостеречь
Мне долг велият. Игра — мать всех обманов,
Источник бед, чума тугих карманов;
Она божбу, и лень, и винопийство
В вас породит и склонит на убийство,
Все деньги ваши, время все пожрет,
Разрушит уваженье и почет, —
Ведь игрока все втайне презирают.
И чем кто выше званье занимает,
Тем ниже этот вопиющий грех
Его поставить может в мненье всех.
И если принц какой-нибудь — игрок,
Ему помехой станет сей порок,
Чтобы в высоком царском положенье
Снискать у подданных своих почтенье.

В Коринф Стилбона Спарту посыпала,
Когда союз с Коринфом заключала.
Но, убедившись, что они в игре
Весь день проводят и что этот грех
Всеобщим стал вплоть до самих старейшин,
Стилбон решеньем счел наимудрейшим
Коринф покинуть. В Спарту возвратясь,

Он речь держал: “Скажу я, не таясь,
Что я не мог покрыть себя позором.
Союз тот вечным для меня укором
Остался бы. Вы можете послать
Туда другого, но хочу сказать,
Что мало чести игроку быть другом.
Меня наказывайте по заслугам,
Но тот союз не буду заключать,
Пусть смертью мне пришлось бы отвечать”.

Иль царь Деметрий, пребывая гостем
Царя Парфянского, одни лишь кости
Игральные в подарок получил,
Зане он игроком известным был
И осужден парфянами был строго.
Поверьте мне, что развлечений много
Царям пригоднее могу назвать.
Еще два слова должен вам сказать
О ложных клятвах, также о божбе.
Ее я приравняю к ворожбе
И к заклинаниям. Греховна клятва,
Тем паче ложная. Дорогу в ад вам
Она укажет. Клясться запретил
Спаситель, и апостол подтвердил.
В писаниях пророка Иеремии
Находим мы речения такие:
“Клянись по чести, клятвы не наруши,
Клянись, чтоб не постыдно было слушать”.
Вы клятвой праздной лишь гневите Бога,
И за нее он вас накажет строго.

Я вам напомню заповедь такую:
“Не поминай Господне имя всуе”.
И в заповедях это запрещает
Бог ранее убийства. Это знает
Любой, кто заповеди затвердит.
И утверждаю я, что поразит
Господня кара всякого, кто смеет
Греховно клясться, наглость кто имеет

Так изрекать: “Клянусь крестом Господним
И кровью Хэйлскою! Чтоб в преисподней
Мне очутиться, если я соглал!
Ты кости налитые подобрал,
Сфальшивил ты, клянусь Христовым телом,
И докажу тебе я это делом.
Вот мой кинжал, его проглотишь ты!”
И это ягодки, а не плоды.
Потом пойдут проклятья, ссоры, свары,
Кинжалами смертельные удары.

Я заклинаю вас Христовой кровью,
Божбу оставьте; с миром и любовью
Вы речь держите. А теперь рассказ
Могу начать, чтоб позабавить вас.

Кутили раз три друга – всё повесы,
И рано утром, до начала мессы,
Вдруг колокольчика протяжный звон
Они услышали – знак похорон.
Один из них тотчас же посыает
Слугу узнать, кто это совершаet
В такую рань к могиле скорбный путь.
“Иди скорей. Смотри не позабудь,
Не переври фамилию иль имя,
Не то костыми поплатишься своими”.

Слуга ему: “Мне незачем бежать,
Я сразу все могу вам рассказать:
Как говорят, он ваш был собутыльник.
Внезапно ночью был его светильник
Погашен смертью, навзничь на скамью
Свалился он, осиротив семью.
Прокрался вор, что смертью именуем
(Его рукой весь край наш наказуем),
И, сердце поразив своим копьем,
Он прочь пошел незнаемым путем.
Чума его к нам в гости пригласила
И тысячи невинных умертвила.
Пока еще здесь вор сей не замечен.

Но надобно готовиться к той встрече,
Как мне вчера наказывала мать,
А более мне нечего сказать”.

“Мальчишка прав, – гостям сказал хозяин, –
Поселок есть вблизи градских окраин –
Чума его так зло опустошает,
Что, кажется, в нем ныне обитает,
И надо жить нам очень осторожно:
Чума перешагнет и к нам, возможно”.

“Христовы дланы! – закричал буян. –
Когда бы только был к Чуме я зван,
Уж я бы ей пересчитал все кости.
Идем, друзья, и назовемся в гости.
Отыщем смерть, убьем мы кровопийцу,
Невинных душ гнуснейшую убийцу.
Идем же, братья, пусть дарует нам
Победу Бог, не то святым мощам
Я поклоняться вовсе перестану,
Коль нечего нам верить в их охрану”.
Подняв стакан, он в исступленье пьяном
Клянется двум товарищам-буянам,
Что не покинет их до самой смерти:
“Клянусь, друзья, – кричит он, – мне поверьте!”

Те поклялись, и под руку, втроем
Они покинули веселый дом
И поплелися с песней по проселку
По направлению к чумному поселку.
Чуму бралили, смерть нещадно кляли,
Божбой Господне тело раздирали
И похвалялись: смерти, мол, капут
Да и чуму попутно изведут.

Пройдя немногим боле полумили,
Бродягу дряхлого они словили
И стали спрашивать, куда идти,
Чтоб смерть скорее и верней найти.
Старик в ответ стал бормотать невнятно.
Меньшой буян вскричал, что непонятно,

Как можно жить до дряхлости такой
И заедать напрасно век чужой.

Тогда старик повесам так ответил:
“Отсюда и до Индии не встретил
Я юноши, который бы сменил
Расцвет сияющий весенних сил
На мой декабрьский возраст беспросветный.
И потому с терпеньем безответным
Свой крест несу и ожидаю дня,
Когда Господь освободит меня.
Увы, я даже смерти не угоден.
И вот бреду, отверженец Господень,
Все дальше, дальше. Нет конца дороге.
Стучу клюкой на гробовом пороге,
Но места нет мне и в земле сырой,
И обращаюсь я к тебе с мольбой:
“Благая мать! Зачем ко мне ты строже,
Чем к остальным? Иссохли кости, кожа,
И кровь моя давно уж холодна.
Я в этой жизни испытал сполна
Все то, что испытать нам можно в мире.
Когда же плоть моя почнет в мире?
Внемли же, смерть! Я радостно б сменил
Тот гроб, что в келии своей хранил,
На твой покров, на саван погребальный!”
Но нет ответа на призыв печальный;
И вот брошу я, бледный и худой.

Тебе ж скажу, безумец молодой,
Что старика негоже бы корить вам,
Пока ничем он не мешает жить вам.
Слова Писанья в память ты вруби:
“Седому место, юный, уступи”.
Не хочешь в старости хлебнуть худого —
Обидного не обращай ты слова
К тому, кто старостью обременен.
Так вот, — свои слова закончил он, —
Вам добрый путь, а я своей дорогой

Вновь побреду, отверженец убогий”.

“Постой, старик, — тут закричал второй, —
Я, кажется, разделяюсь с тобой.
Кто мать твоя? Кого ты звал уныло?
То не она ль друзей моих сгубила?
Не отпираяся, старый негодяй.
Скажи, где смерть сыскать. Но так и знай,
Убийца юношей, злой соглядатай,
За ложь жестокой ожидай расплаты”.

“Ну, если смерть не терпится вам встретить,
Тогда смогу, пожалуй, вам ответить.
И если вы действительно не робки,
Смерть повстречаете на этой тропке.
Лежит она под деревом в кустах,
И на нее нагнать не смогут страх
Угрозы ваши. А теперь прощайте
И всуе Господа не поминайте”.

И охватила радость тут повес.
Бегом они пустились через лес
И вот под деревом в кустах нашли
Не смерть, а золото. Со всей земли
Монеты звонкие, эку и кроны,
Флорины, франки, шиллинги, дублоны —
Всего червонцев звонких восемь мер.
Тотчас забыв, что собирались смерть
Сыскать, они у золота присели
Да так над кучей и окаменели.
Потом сказал негоднейший из них:

“Друзья, сей клад разделим мы одни.
Нам послано огромное богатство,
Оно скрепит собою наше братство:
Легко доставшись, шумно утечет
И к нам любовь и радость привлечет.
Неслыянная выпала удача!
Но как нам быть? Нелегкая задача.
Ведь золото нам надо унести
И от разбойников укрыть в пути.

А то еще за шайку воровскую
Сочтут. Петля по нас давно тоскует.
А речь свою я вот к чему веду:
С ним днем идти — нарвешься на беду.
Так я, друзья, вам вот что предлагаю:
Пускай я жизнь в пирушки прожигаю,
Но и в хмелию мне служит голова.
Прошу вас обсудить мои слова:
Нам золото нести отсюда ночью,
Тайком придется, а компанию прочно
Нам незачем в то дело посвящать.
Я предлагаю жребием решать,
Кому из нас в таверну воротиться,
Купить вина и хлеба, подкрепиться
Там самому и нам запас принести.
И до ночи его на этом месте,
Скрыв золото в кустах, мы подождем,
А за ночь клад отсюда унесем
Ко мне ль, к другому ль, и тогда не страшен
Грабитель нам, и золото будет наше”.

Ну, жребий кинули, и выпал он
Меньшому бражнику, но так силен
Магнит был золота, что с неохотой
Меньшой ушел. И тотчас же работой
Оставшиеся жадно занялись
И разбирать монеты принялись.
Но только что меньшой товарищ скрылся,
Как старший с речью к другу обратился:
“Ты знаешь, друг, я твой названный брат,
И о тебе заботиться я рад.
Делить сей клад теперь должно нас трое,
А на двоих, считай, почти что вдвое
Пришлось бы золота; так если б я
Того общипанного воробья
Со счета при разделе клада скинул,
Ужели, друг, меня бы ты покинул?”

“Эх, милый мой, что говорить пустое,
Ведь все-таки по-прежнему нас трое.
Всем скажет он, его-де обобрали
При дележе и часть его мы взяли.
Как мы права свои тогда докажем?
Да и ему, ну, что ему мы скажем?”

“А ничего не надо говорить.
Послушай, что хочу я предложить, —
Но никому об этом ты ни слова”.

“Клянусь, что в тайну никого другого
До самой смерти я не посвящу”.

“Смотри, изменения я ведь не прощу.
Теперь прикинь: ты знаешь, что мы двое
Сильней его не менее чем втрое.
Он в жертву нам самой судьбой намечен:
Он молод, слаб еще, смешлив, беспечен.
Когда вернется, рассмеши его,
Затей дурашливое баловство.
Ты обхвати его, борясь, покрепче
Да придержи на миг как можно цепче, —
И прямо в сердце я ему кинжал
Всажу тем временем, чтоб не мешал
Нам разделить сокровище с тобою:
И золото к нам потечет рекою”.

Они покончить с братом столковались
И, сидя возле клада, дожидались.

А младший бражник думал по пути:
“Эх, одному б мне золото найти”.
Его червонцев красота прельстила.
“В них все — любовь, веселье и сила.
Кто б на земле счастливей был меня?”
Он в город шел, товарищей кляня,
И в помыслах был на дороге к аду,
И бес ему шепнул, что склянкой яду
Он мог бы горю своему помочь,
Что сделать это надо в ту же ночь,
Пока никто про клад еще не знает

И злодеянию не помешает.
И он пошел к аптекарю просить
Немного яду, чтобы отравить
Несносных крыс, что скребушат в норе,
К тому же де завелся на дворе
Какой-то хищник — ласка иль хорек.

Ему аптекарь продал пузырек,
Сказав тихонько: “Видит Бог, не лгу я,
Что этот яд таит в себе такую
Неслыянную силу, что его
Достаточно глоточка одного,
И зверь любой в мученьях умирает,
Хоть вкуса яда и не замечает”.

И, обуян греховной мыслью сей,
К виноторговцу побежал злодей
И у него купил три плоских фляги,
В них нацедил кларету и малаги
И поскорей обратно побежал.
И по дороге яду подмешал
Он в две бутыли, третью ж про запас
Нетронутую для себя припас:
“Придется с золотом всю ночь возиться,
Вином приятно будет подкрепиться”.

А дальше не к чему рассказ тянуть.
Злодею младшему проткнули грудь,
Лишь только воротился он обратно.
И вот, не смыв пролитой крови братней,
“Попробуем, что за вино такое,
А подкрепившись, в землю труп зароем”, —
Старший сказал и отпил из бутыли.
Вино вдвоем они, смеясь, распили,
И действовать в желудках начал яд.
И все втроем они попали в ад.

Уверен я, что даже Авиценна
В своем “Каноне” смерти той презренной
Страшней, мучительней не описал.
Вот и конец. Я все вам рассказал.

О, страшный грех! О, бездна преступленья!
О, мерзостное братоистребленье!
О, блуд, кутеж и грех чревоугодья!
О, богохульное сие отродье,
Что Божье имя клятвой оскорбляет!
Неблагодарные, что забывают,
С каким смирением, с какой любовью
Грех искупил Христос своею кровью.
Он испустил за вас последний вздох,
Чтоб смертные грехи простил вам Бог.

Но помните, что скопость также грех.
Святою силой исцелю я всех.

Лишь стерлинги и нобли мне несите
И вклад свой обещаньем подкрепите.
Главу склоняя перед этой буллой,
Пусть не скучятся жены на посулы.
Их в свиток жертвователей внесу
И душу их на небо вознесу.
Властью, мне данной, от грехов очищу
Тех, кто дарует мне покров и пищу,
И станут так чисты и непорочны,
Как при рожденье. Но хотя и прочны
Те индульгенции, пускай Спаситель
Допустит сам в небесную обитель;
Оно верней, обманывать не стану,
Ведь грош цена бесстыдному обману.

Хочу еще, друзья, напомнить вам,
Что в сей корзинке не дорожный хлам, —
О нет! — реликвии и отпущеня.
Собственноручного благословенья
Я удостоен Папой, и теперь
Будь щедрым, грешник, и в прощенье верь, —
А я с молитвой руки наложу,
От бремени грехов освобожжу.
Все грешники, колени преклоните,
А то с коня и вовсе не сходите, —
И отпущене с неба снизойдет,

Коль звонкою монетою расчет
Без промедления произведете,
Обмана не терплю в своей работе,
И вам, сказать по правде, повезло.
Какое бы несчастье или зло
Вас ни постигли на пути со мной,
Могу загладить я ваш грех любой.
Подумайте, какая вам удача,
Коль доступ в рай заранее оплачен
И рядом с вами, за проводника,
С готовым отпущением рука.
С таким попутчиком идите смело:
Когда б душа ни разлучалась с телом,
Очистит он и знатных и простых.
Вот вам, хозяин, — вам мощей святых
Облобызать реликвии бы надо,
Их испытать и силу и отраду
Всего за грош. Раскройте ж кошелек".

“Нет! Чтоб тебя сам дьявол уволок!
Пускай уж лучше отправляться к черту,
Чем заднице штанов твоих протертых
Мне целовать, хоть поклянись ты трижды,
Что дед Адам носил штаны те. Виши ты,
Какой затейник! Лучше потроха
Свои отрежь, ведь ты же без греха.
Я, так и быть, вкрутую их сварю,
За здравие твое их водворю
В свинячье брюхе, и скопцом, мощой
Ходить ты будешь, праведник святой”.

А продавец молчал, краснел и дулся,
От злости он словами поперхнулся.

“Ну, что с тобою толковать, с уродом? —
Хозяин молвил. — Грех с таким народом!”

Когда услышал рыцарь, как хохочут
Над ними, он сказал: “Никто не хочет
Меж нами ссор, и вы, сэр продавец,
Не дуйтесь так. А вы, сэр удалец,

Любезный нам, вы больше не бушуйте,
Рассказчика вы крепко расцелуйте,
Повеселеет он, и мы опять
Ваш слух рассказом станем занимать”.
Друг друга спорщики облобызали,
И мы в согласье путь наш продолжали.

*Здесь кончается рассказ
Продавца индульгенций*

ПРОЛОГ БАТСКОЙ ТКАЧИХИ

Пролог к рассказу Батской ткачихи

Чтоб рассказать и горесть и напасти
Моей судьбы, не надо мне, к несчастью,
Ни на кого ссылаться: пять ведь раз
На паперти я верной быть клялась.
В двенадцать лет уж обвенчалась я.
Поумирали все мои мужья.
А видит Бог, я их любила очень.

Но для завистников ведь всяк порочен;
Они твердят, что если только раз
(Как утверждает Библии рассказ)
Спаситель посетил обряд венчанья,
Так это было людям в назиданье –
И, значит, лишь однажды в брак вступать
Мне надлежало. Но и то сказать,
Самаритянку укоряя, ей
Христос сказал: “Ты пятерых мужей
Имела. Тот, с кем ты живешь, не муж
Тебе, и брак греховный свой наруши”.
Быть может, это и сказал Спаситель,
Но только смысл сих слов мне объясните.
Коль пятый не был муж, то кто ж последним
Ей мужем был? Я отстою обедню
За здравие того, кто объяснит:
О чем сей текст Господень говорит

И как понять евангельское слово?
Я ж не встречала мудреца такого.

Господь сказал: “Плодитесь, размножайтесь”.
Вот этот текст вы как ни скажайте,
Но знаю, что зовет он нас к труду.
Я и для мужа заповедь найду:
Чтоб от родителей он удалился,
К жене душой и телом прилепился.
А вот насчет того – два, пять, иль восемь,
Иль десять раз жениться надо, спросим
Хоть у кого хотите, и в ответ
Вам скажут, что такого текста нет.

Смотрите, вот премудрый Соломон:
Вы помните, имел он много жен.
Подай мне, Боже, хоть бы половину
Таких роскошеств, прежде чем покину
Сей бренный мир. Из нынешних мужчин
С ним не сравнится, право, ни один.
Он каждой ночью с новою женой
Утеху новую имел, водой
Кропя живою лозы вертограда.
Хвала Христу, мне послана отрада
Пяти мужьям женою верной быть.
От каждого пытались получить
Я лучшее; мошну или сундук
Опустошать старалась я не вдруг
И всех сокровищ даром не растратить, –
Я не мотовка, нет, с какой же стати.
Чтоб быть ученым, надо разных школ
Пройти науку; чтобы сделать стол,
Лесник и лесоруб потребен, плотник
И лакировщик иль иной работник.
Пяти мужей науку я прошла.
Шестого я покуда не нашла.
Гряди, жених полуночный, к невесте,
И продолжать науку будем вместе.
На что мне целомудрие хранить,

Когда нам всем велел Господь любить.
 А в браке не было и нет греха,
 Лишь только б пары не была плоха.
 Жениться лучше, чем в грехе коснеть
 И в адском пламени за то гореть.
 "За двоеженство осужден был Ламех", —
 Мне говорят; но посудите сами:
 Ведь Авраам святым был человек,
 Иакова мы чтим который век, —
 А скольких жен они в шатре держали!
 Им праведники в том же подражали.
 Когда и где, в какие времена
 Женитьба Библией запрещена?
 Или когда нам девственность хранить
 Предписано и род наш умертвить?

А вот апостол, это знаю твердо,
 Он женщине не заповедал гордо
 Быть девственной. Он просто умолчал,
 А волю Божию наверно знал.
 Советовать нам могут воздержанье,
 Но ведь совет не то, что приказанье.
 Могу его послушать или нет,
 И уж сама несу за то ответ.

Когда бы девство всем Господь судил,
 Тогда бы и брак он девам запретил.
 Но если нету поля для посева,
 Откуда бы нарождались сами девы?
 Не мудрено, что сам апостол Павел
 Запрета против брака не оставил.
 В соревнованье девам лишь почет,
 А приз — еще посмотрим, кто возьмет.

Не каждому быть девственным дано:
 Лишь тем, кому всевышним суждено.
 Апостол Павел — девственник, конечно,
 Но сам он, проповедуя нам, грешным,
 И заповедав нам, что девство есть
 Великий подвиг и большая честь, —

Он женскую не изменил природу
 И предоставил полную свободу
 Мне быть женой и мужа ублажать;
 Коль муж умрет, другого мне искать
 Не запретил он, и за двоемужье
 Считать того нельзя: ведь не могу ж я
 Нарушить заповедь, которой нет.
 Иль воздержанья мною дан обет?
 Коснуться женщины, сказал он, грех,
 Однако не всегда и не для всех.
 Грешно сквернить супружеское ложе,
 Девицу обмануть совсем негоже.
 Вы знаете, когда огонь и трут
 В неопытных руках, они сожгут
 Себя и все вокруг; и это значит,
 Что лучше блуда, а греха тем паче,
 Конечно, девственность; творят же блуд
 Те люди, что неправедно живут, —
 В супружестве иль в девстве, все едино.
 Быть праведным нельзя наполовину.

Конечно, понимаю я того,
 Кто девство ценит более всего.
 Пусть хвалится своим он чистым телом, —
 Я жизнь свою оправдываю делом.

Хозяин добрый утварь золотую
 Не выставит, мне кажется, впустую:
 На каждый день, для службы постоянной,
 Достаточно посуды деревянной.
 Неодинаков и к спасению путь.
 Бог каждому дарует что-нибудь.
 Но нам, смиренным и греховным слугам,
 Спасения не по своим заслугам —
 По милости Господней надо чаять.
 Вот девственность — ее все величают
 Как признак совершенства, но Спаситель,
 Источник совершенства, искупитель
 Всех прегрешений, он не всех призвал.

Вы помните, Христос нам приказал
Имущество последнее продать,
Все деньги беднякам тотчас раздать
И следовать за ним. Кто совершенным
Достоин быть, да будет и блаженным,
Но те слова, конечно, не ко мне.
Ну, как не радоваться нам весне?
И я цвет жизни радостно отдаю
Утехам брака и его плодам.

Ну, для чего, скажите, части тела,
Которые природа повелела
Для размножения употребить,
Чтоб нам и в детях наших вечно жить?
Кто скажет, что Создатель понапрасну
Их сотворил? Их назначенье ясно,
Хотя иные скажут толмачи,
Что лишь для отделения мочи
Их создал Бог и только для отличья
Мужчин от женщин наши два различья
Им созданы. Не чушь, не чепуха ли?
По опыту отлично вы узнали,
Что это небылица все иль бред.
А если спросите — вот мой ответ:
Для размножения и для утех
Бог создал их, — конечно, лишь для тех,
Кого законно церковь сочетала.
Иначе в книгах почему б стояло:
“Муж до воздаст свой долг жене”. Но чем?
Итак, те части создал Бог зачем?
Не ясно ль, что для мочеотделенья
Ничуть не боле, чем для размноженьи.

Но никого не надо принуждать
Сии орудья Божьи в ход пускать.
Ведь девственность не губит человека:
Христос был девственник, но не калека.
Святые хоть и всем наделены,
Что надлежит, но тот не знал жены,

Та мужа во всю жизнь не принимала —
А святости их то не умаляло.
Я не желаю девственность хулить,
С пшеничным хлебом деву я сравнить
Хотела бы, а жен с ячменным хлебом.
Но и ячмень растет под тем же небом.
Апостол Марк в Евангелье вещал:
“Ячменным хлебом, рыбой насыщал
Христос на берегу народ голодный”.
Какую было Господу угодно
Меня создать, такой и остаюсь;
Прослыть же совершенной я не тщусь.
Что мне моим Создателем дано,
То будет мною употреблено.
И горе мне, коль буду я скучиться
И откажусь с супругом поделиться.
А он хоть ночью, хоть и на рассвете
Свой долг сполна пусть платит мне, и этим
Возрадуем мы Господа. Мой муж
Слугой быть должен, должником к тому ж.
И дань с него, женою полноправной,
Взимать должна я честно и исправно.
Над телом мужа власть имею я,
То признавали все мои мужья.
Ведь мне апостол власть ту заповедал.
Мужьям сказал он, чтобы муж не предал
Забвению свой долг перед женой.
Известен ли, друзья, вам текст такой?
А мне, когда томлюсь любовной жаждой,
Любезен он и весь, и буквой каждой”.

Вскричал тут индульгенций продавец:
“Да сохранит вас Пресвятой Отец,
Сударыня! Прекрасный проповедник
Из вас бы вышел, и, клянусь обедней,
Вы убедили, кажется, меня.
Я, до сих пор невинность сохрания,
Решил на днях, что следует жениться

Но коль за то придется так платиться,
Тогда, о нет! Слуга покорный, нет!
Я погожу давать такой обет”.

“Постой-ка, мой рассказ еще не начат.
Его услышав, запоешь иначе.
В той бочке погорчее будет эль,
Чем все, что рассказала я досель.
Ох, знаю я, едва ль кто лучше знает,
Каким бичом супружество взимает
Свои налоги, — я сама тот бич.
И осторожность ты к себе покличь,
И посоветуйся, потом решайся
Пригубить рог. И уж затем не кайся,
Что эль супружества не больно сладок;
Примеры приведу я, как он гадок.
И кто, упорствуя, не даст им веры,
Тот сам послужит для других примером.
Так в Альмагесте учит Птолемей”.

“Сударыня, — сказал в ответ он ей, —
Вы речь свою, прошу, не прерывайте,
Супружеской науке поучайте”.

“Охотно, сэры, только я боюсь,
Что далеко я слишком уклонюсь,
Но этого прощу в вину не ставить.
Я не учить хочу, а позабавить.

Так вот. На чем, бишь, я остановилась?
Да. О мужьях. Так пусть бы приключилась
Со мной напасть, пусть эля и вина
Не пить мне больше, если не сполна
Всю правду о мужьях своих открою:
Хороших было три, а скверных двое.
Хорошие — все были старики
И богачи. Так были велики
Старанья их, что им скорей обузой
Супружества обязанность и узы
Казались. Вы знаете, о чём
Я говорю. И я была бичом.

Чтобы кровать как следует согреть,
Что ночь — им приходилось попотеть.
И смех и грех! Но и сейчас, как вспомню,
Не совестно нисколько, а смешно мне.
Спешили дом и деньги мне отдать
В надежде, что их стану ублажать.
Глупцы! К чему оказывать почтенье
Тому, чьи деньги держишь иль именье?
И чем они меня любили крепче,
Тем презирать мне было их все легче.
Разумной женщине и самой честной
Любовь внушать мужчинам очень лестно.
Но раз в жену и так уж влюблены,
К чему тогда старания жены?
Понравиться супругу? Нет расчета.
Своих мужей впряженя я в работу
Такую, что всю ночь они кряхтят,
Наутро же “О, горе мне!” твердят.
Дэнмауский окорок не им был сужен,
А мне, по правде, он совсем не нужен.
Хоть и ворчали, ими управлять
Так научилась я, что почитать
За счастье мог супруг, когда подарки —
Литой браслет, иль шелк заморский яркий,
Иль шарф узорчатый — я принимала
И тем подарком их не попрекала.

Так слушайте, о женщины, коль разум
С невинностью не потеряли разом.
Я научу вас шашни все скрывать,
Водить всех за нос, клясться, улещать.
Ведь не сравнится ни один мужчина
В притворстве с нами даже в половину.
И к честным женам обращаюсь тоже:
Бывает, что и честность не поможет.
Попавшись, надо во мгновенье ока
Всех убедить: болтает, мол, сорока;
В свидетели слугу иль няньку взять,

Чтоб муж не смел напрасно обижать.
 Послушайте, как речь свою веду:
 “Ах, старый хрыч, с тобою – что в аду.
 Зачем соседова жена ни в чем
 Отказа не слыхала, каждый дом
 Ее с почетом принимает, я же
 В лохмотьях, нищенки убогой гаже,
 Сижу безвыходно, ну как в темнице.
 А ты ухаживаешь за девицей
 Соседовой. Ты что ж, в нее влюблен?
 По улице идет о том трезвон.
 О чём ты шепчешься с пронырой сводней?
 Ты что затеял, старый греховодник?
 А стоит мне знакомство завести,
 С знакомцем поболтать иль навестить
 Его, как ты вверх дном все поднимаешь,
 Меня браниць, колотишь, проклинаешь.
 А то придешь домой вина пьянней,
 Коришь, что по моей, мол, пьян вине;
 Что, мол, несчастье нищая жена,
 Что мужнин хлеб задаром ест она;
 А будь она знатна или богата,
 Так ты бы клял отца ее иль брата
 За спесь, иль что сама она горда
 И дуется и фыркает всегда.
 Ах, старый плут! Коль хороша собою –
 Ворчишь, что от поклонников отбою
 Ей нет нигде, что как ей устоять,
 Коль примутся всем скопом осаждать,
 Иные видя, что осаде рада,
 Иные за красу или наряды,
 Иные за осанку, ловкость, голос
 Или за то, что шелков тонкий волос,
 Что ручка узкая нежна, бела.
 Тебе поверить, всё – источник зла,
 Подвержено соблазну, уязвимо,
 И впрямь падение неустранимо

Пред искушением со всех сторон.
 А ежели дурна – другой резон:
 Что будто бы кидается на шею
 Любому встречному, хотя б за нею
 Он не ухаживал. И то сказать –
 Той утицы на свете не сыскать,
 Что селезня себе б не залучила.
 Ведь, в самом деле, мудрено хранить
 Господень дар, который разделить,
 Чтобы умножить, всяк скорей стремится.
 Ты вот бурчишь, когда в постель ложиться
 Пора придет, что только, мол, глупец,
 Презревший райский праведных венец,
 Жениться может. Молния и гром
 Да поразят тебя своим огнем –
 Заслужена тобою кара свыше.
 Сварливая жена, худая крыша,
 Очаг дымящий – вот, мол, отчего
 Мужья бегут из дома. Да его
 Послушать только! Домосед какой!
 Ему дай волю – хвост сейчас трубой.
 А то бубнишь, что, лошадь покупая,
 Иль платье у портного примеряя,
 Иль выбирая сковороду, стол,
 Ухваты, табуретки, нож, котел, –
 Всегда испробовать покупку можно
 И надо с женами, мол, неотложно
 Такой порядок – пробу – завести.
 Паскудник старый, Господи прости!
 Да разве можно обнажить так рано
 Пред женихом все тайные изъяны?
 Меня коришь, что будто заставляю
 Хвалить мою красу, от лести тая,
 Что вынужден глядеть ты мне в лицо,
 Как собачонка, не снимать кольцо,
 И величать меня всегда “мадам”,
 И денег не сорить по сторонам;

Меня же холить, пышно одевать
И честь мою так рьяно ограждать,
Чтобы родню мою все величали
И даже горничную уважали.
Короче, — что не можешь ты так жить.
Ах ты, гнилой мешок проросшей ржи!
Чуть подмастерье Дженикин кудрявый
(Кудряшек золотых сквозной оправой
Лицо его и впрямь окаймлено)
Под вечер постучал ко мне в окно,
Чтоб проводить на праздник ежегодный,
Уж ты ревнуешь, увалень негодный.
Да сдохни ты! Не надо мне его.

Но вот скажи мне прямо: отчего
Ключи от сундука ты вдруг запрятал?
Что хорониться от жены так, зря-то?
Твое добро — оно ведь и мое.
Я от скупца оберегу свое
Добро заветное. Небось не дура.
Хотя неволить трудно мне натуру, —
Но посидишь над полным сундуком
Без ласк моих, противный скопидом.
Одно из двух сокровищ выбирай.
Обоих не получишь, так и знай.
Зачем за мной следишь ты и шпионишь?
В сундук меня, не думай, не загонишь.
Тебе б сказать: “Поди-ка развлекися,
Я кумушек не слушаю, Алиса,
И знаю, ты мне верная жена”.
Такому мужу я была б верна.
Да постыдился б ты хотя народа:
Всем нравится хоть мнимая свобода.
Любезен мне премудрый Птолемей.
Он в Альмагесте, средь других речей,
Такое изреченье приберег:

“Кто мудр поистине, тот пренебрег
Вопросом праздным — кто ж владычит миром,

Жена иль муж?” Живи, покойся с миром
И не завидуй радостям других,
Негодник немощный. Тебе ль моих
Постельных милостей недоставало?
Да разве я хоть разик отказалася?
Но тот дурак, кто от своей свечи
Из жадности соседей отлучит;
Сосед фонарь зажмет и уберется;
Что за беда, ведь свет-то остается.

Ты говоришь, что пышные уборы
Нас до греха доводят очень скоро,
И в подтвержденье этих глупых слов
Приводишь текст, и этот текст таков:
“Стыдом и скромностью горда жена.
Убор простой должна носить она:
Пусть ожерелия и кольца сбросит
И золота да не вплетает в косы”.
И самый текст, и толкованье глупы
И по сердцу лишь тем мужьям, что скупы.

Ты говоришь, что я, мол, словно кошка,
Что стоит скжечь моих волос немножко,
И никогда уж не покину дом.
Дурак! дурак! Не знаешь ты о том,
Что, коль бедова и красива Мурка
И коль ее мягка, пушиста шкурка,
Она и дня с тобой не проведет,
Махнет хвостом, мяукнет и уйдет.
Спали тогда волос ее хоть горстку,
А все пушистой и блестящей шерсткой
Пойдет она по крышам красоваться,
Чтоб песни петь, с котами бесноваться.
Будь я наряднее, сквальга старый,
И я бы хвастала своим товаром.

Седой глупец, забудь свои наказы,
Пусть сторожит сам Аргус сотнеглазый,
Коль захочу я душу отвести, —
Как и тебя, сумею оплести

Любого сторожа, любого мужа.
Пусть сторожит, да не было бы хуже.

Любовь жены приравниваешь к аду:
Мол, греческий огонь, что жжет преграды
И чем бушует жарче, тем сильней, —
Ничто пред похотью ужасной в ней;
И, как песок, она не держит воду;
Как червь, что точит твердую породу,
Так жизнь супругу пакостит жена. —
Кто был женат, тому-де мысль ясна.

Три злых напасти в жизни нашей есть,
Ты говоришь, четвертой же не снести.
Ты ненавистную жену посмел
(Да сократится дней твоих предел)
Считать одной из трех земных напастей.
Как будто нету горшего несчастья,
Чем неповинная твоя жена,
Которая всегда терпеть должна”.

Так я мужей отчитывала рьяно,
Они казнились, что сболтнули спяну.
Хоть все напраслина — всегда свидетель
Найдется, что страдает добродетель:
Племянница, иль Дженкин, иль соседки
(Кто-кто, а лжесвидетели нередки).
Мужей я допекала небылицей
И, словно бешеная кобылица,
Лягалась, ржала и кусалась так,
Что всех отпугивала, а впросак
Попавши, огрывалась каждый раз.
Без этого, наверное, тотчас
Меня б мужья в проделках уличали,
А так моих грехов не замечали.
“Кто первым хлеб сожнет, тот первым смелет”.
Я первой нападала, билась смело,
С налету я выигрывала бой,
Они же каялись передо мной
В таких грехах, которыми с рождения

Не согрешали даже в помышление.
Мой муж, бывало, от болезней чах,

А я его во плотских всех грехах,
В гульбе, в разврате гнусном упрекала.
И вот старик бывал польщен немало,
Воображая, что, любя, ревную
(Как раз, любить развалину такую!).
Когда ж я ночью покидала дом,
Чтоб позабавиться с своим дружком,
И приходила утром спозаранку,
Мужей я уверяла, что служанку
Выслеживаю я и сторожу,
Что для того и мужа не бужу.
Эх, позабавилась я в жизни вволю!
У нас, у женщин, уж такая доля.
Мы слабы, правда, но Господь взамен
Нам даровал коварство для измен,
Обман и слезы. Мы оружием этим
Мужскую силу оплетем, как сетью.

И если хвастать, так одним могу
Похвастаться что другу, что врагу:
Во всяком деле хитростью иль силой
Всего добьюсь. Что мне угодно было,
Все исполнять старались муженьки.
Из них веревки, словно из пеньки,
Могла я вить; брюзжаньем, воркотнёю
Я допекала их порой ночною,
Отказывая в милостях, пока
Не открывали тут же сундука,
И лишь тогда, за малую толику,
Ложилась я, к их радости великой.

Вам говорю, так исстари ведется:
“Купи, коль можешь, — все ведь продается”.
И сокола приманишь на вабило.
Взяв верх, лгала, что мне их ласки милы,
Лишь для того, чтоб похоть их продлить,
Но жажды невозможно утолить

Копченым окороком из Дэнмау.
 Мне было старииков, конечно, мало.
 И хоть сам Папа будь за их столом,
 Еще посмотрим, их ли это дом;
 Им слово за слово платить могу,
 И не останусь я ни в чем в долгу.
 Когда же завещанье составлять
 Наступит день, долгов мне завещать
 Уж не придется, каждое словечко
 Их оплатила я, и, как овечка,
 Притихнув, муж, бывало, уступал
 Иль за упорство на себя пенял.
 Пусть рьяный муж свирепей будет льва —
 Сумею ущемить его права,
 Потом скажу: "Оставим споры наши,
 Смотри, как смирен Вилкин, наш барашек.
 Поди сюда, мой милый муженек,
 И поцелуй меня еще разок.
 Тебе бы тоже тихим быть и смирным,
 И заживем с тобой куда как мирно.
 Ты Иова не раз долготерпенье
 В пример мнеставил и его смиренье —
 Смирись же сам и потерпи хоть малость.
 Прости причуды, воркотню иль шалость —
 Увидишь, как приятно угоджать
 Жене и тем любовь ее снискать.
 Из нас двоих кому-нибудь да надо
 Уступку делать, чтоб сломить препяды.
 И раз мужчина женщины разумней,
 Уступчивости укажи стезю мне.
 Чего тебе брюзжать, ворчать и ныть?
 Ни с кем не хочешь ты меня делить?
 Ну, так бери же всю и без остатка,
 Но и расплачивайся, если сладко.
 От ma belle chose, ее пусти лишь в торг,
 Все покупатели пришли б в восторг.
 Ее храню, Господь меня прости,

Лишь для тебя. Смотри, не упусти".
 Троих мужей таким смирила сортом,
 Теперь поведаю вам о четвертом.
 Четвертый муж был пьяница, гуляка,
 Имел любовницу, знал девок всяких,
 А я была красива, молода,
 Крепка, упрямая и смела тогда.
 Как соловей, умела петь под арфу
 И танцевала жигу с пестрым шарфом,
 Особенно когда хлебну винца.
 Вот, говорят, Метеллий, от венца
 Едва вернувшись, грубая скотина,
 Жену свою толстенную дубиной
 Избил до смерти за глоток вина.
 Ну, выпила. Так где же тут вина?
 Попробовал бы он меня отвадить
 От рюмки. Нет, со мной ему б не сладить.
 А от вина к Венере мысль течет;
 И как морозы порождают лед, —
 Вино склоняет на любовный труд;
 Не только с губ тут слонки потекут.
 От пьяной женщины не жди отказу,
 Распутники тем пользуются сразу.
 Но, видит Бог, как вспомню я про это —
 И осеню как будто снова лето.
 Как в юности, все сердце обомрет,
 И сладко мне, что был и мой черед,
 Что жизнь свою недаром прожила я.
 Теперь я что? Матрона пожилая.
 Украло время красоту и силу,
 И все, что в старь мужчин ко мне манило.
 Прошла пора. А кровь, знай, колобродит.
 Ко мне теперь муку молоть не ходят.
 Что ж, отруби я стану продавать.
 Еще мне рано вовсе унывать.

Так вот, четвертый муж мой был гуляка;
 Меня любил он, негодяй, однако.

Несносно было мужа разделять
С наложницей, и стала я гулять.
Вы не подумайте чего худого,
А только с мужем я своим ни слова,
С подружками затеяла возню,
Пирушки, пляски, игры, болтовню.
Мой муж от ревности в своем же сале
Как ростбиф жарился. Милее стали
Внимание и милости мои.
Земным чистилищем он звал своим
Меня в ту пору. Может быть, чрез это
Душа его теперь в предвечном свете.
Ведь сколько раз, бывало, он поет,
Хотя ревнивца, как мозоль, гнетет
И мучит мысль: ужели изменила?
Свидетель Бог и мужнина могила
Тому, как я гуляку допекла
И, может быть, до смерти довела.
Он умер в год, как от Святого гроба
Вернулась я и мы смирились оба.
С гробницей Дария нельзя сравнять
Могилу мужа; все ж похоронить
Мне удалось его близ алтаря,
Где свечи поминальные горят.
Я мужнина добра не расточала,
Его могилу я не украшала,
Ведь не украсит гроб его судьбу,
Он и в тесовом полежит гробу.

Теперь о пятом рассказать вам надо.
Душа его да не узнает ада,
Хоть был он изо всех пяти мужей
Несносней всех, сварливей всех и злей
(Ах, до сих пор болят и ноют ребра), —
А поцелует — сразу станет добрый.
И уж в постели так был свеж и весел,
Что сколько бы ударов ни отвесил,
Хотя б кругом наставил синяков, —

Я не считала слез и тумаков.
Сдается мне, что я его любила
Тем крепче, чем ему любовь постылей
Со мной казалася. Порой чудачки
Мы, женщины: милее нам подачки
Любовников, чем щедрые дары
Мужей. От мужа требуем икры
Заморской иль мехов, шелков и кружев,
А перстенек от милого закружит
Нам голову, как крепкое вино.
Нам то милее, что запрещено.
Преследуй нас, а мы, знай, ускользаем,
Но подразни — и двери открываем.
Коль спрос велик — так дороги товары,
А то, что дешево, дадут и даром, —
Известно это женщине любой.

Мой пятый муж — Господь да упокой
Его в земле! — был вовсе не богат.
Он просто по любви был мною взят.
В Оксфорде он когда-то поучился,
Но после бросил, к нам переселился
И жил у Элинор, моей подруги.
Я верила лишь ей во всей округе:
Хотя б мой муж на стенку помочился
Или от судей тайно склонился,
Про все, бывало, по секрету ей
Скажу, куме и крестнице моей;
Как муж ни злись, а мне и горя мало.
Я часто в краску муженька вгоняла,
А он, бесясь, не раз себя же клял,
Что мне свои секреты поверял.

Так повелось, что каждый год постом
Великим я, гостя, из дома в дом
Переходила до начала лета,
Чтоб сплетен понаслушаться при этом
И позабавиться; так вот втроем мы:
Студентик, кумушка и я к знакомым,

Что за городом жили, собирались,
Там погулять и по лугам пройтись.
Тогдашний муж мой в Лондоне, в отлучке
В ту пору был, а на небе ни тучки,
Весна, досуг и полная свобода!
Всегда в гостях, всегда среди народа!
И где найдешь, а где и потеряешь,
В такое время никогда не знаешь.
И я ходила к утрене, к вечерне,
На празднества, процесии для черни,
На свадьбы, представления, обеды,
Миракли, проповеди и беседы.
Я в красных платьях лучших красовалась,
И моль еще тех платьев не касалась,
Все потому, что был раскрыт сундук,
И я весной не покладая рук
Что день, то новые все доставала,
На танцах их что ночь перетряхала.

Так вот, втроем мы лугом мирно шли
И со студентом разговор вели.
И скоро так мы с ним развеселились
И откровенно так разговорились,
Что я ему, играючи, сказала,
Мол, овдовев, другого б не желала
Себе в мужья, а только бы его.
А это я сказала оттого,
Что в брачном деле, как во всяком деле,
Лишь тот умен как следует и делен,
Кто все предвидит, зная наперед,
Какой удел его наутро ждет.
По-моему, той мыши грош цена,
Которая, хоть трижды будь умна,
Себе грызет единственную норку, —
Заткнут ее, тогда сухую корку
И ту ей будет некуда снести.
Нет, сети надо загодя плести.
Ему сказала я, что пленена,
Что ночи целые лежу без сна,

Ни на минуту глаз, мол, не смыкаю,
Его кляня, тоскую, призываю.
Иль что, поражена его мечом,
Лежу я навзничь и что кровь кругом,
И будто бы любимым я убита,
Но вовсе на убийцу не сердита,
Нисколько не виню его за это:
В кровати кровь — к богатству, мол, примета;
И все неправда, все сочинено,
Все материю мне было внушено
Наперекор девической природе.

Бот вспомнила о чем при всем народе!
Пожалуй, вам и слушать-то не след.

И оказался вскоре на столе
Мой муж четвертый; плакала, стонала
Я, на лицо накинув покрывало,
Но горевать старалась не чрезмерно,
Что умер мой четвертый благоверный,
Ведь мужа пятого я припасла.
И он стоял тут, рядом, у стола.

Наутро в церковь отнесли мы мужа.
Я целую наплакала там лужу.
Мой Дженикин шел с нами, по-соседски.
Он выступал за гробом молодецки.
Таких давно я не видала ног,
Точеных, стройных, крепких. Кто бы мог
Пред ними устоять? Не я, сознаюсь.
И в этом я ни капельки не каюсь.
Ему лет двадцать только миновало,
Мне ж было за сорок, но я нимало
Не колебалась, сохранив весь пыл,
Который и с годами не остыл.
Господь прости, была я похотлива,
И молода еще, и говорлива,
Бойка, умна, красива, редкозуба
(То, знаете, Венерин знак сугубый).
Что *ma belle chose* соперниц не имеет —

Свидетели мужья мои. Кто смеет
Оспаривать свидетелей таких?
Я крестницей была ведь у двоих:
Дух боевой мне Марсом был отмерен,
Чувствительность — был щедрый дар Венерин.
Венера мне дала в любви покорство,
А Марс — в любви и крепость и упорство.
Мой прадед — Минотавр, и предок — Марс мой.
Зачем любовь грехом сильна, коварством?
Звезда моя велит неугомонно
Не подавлять того, к чему мы склонны,
И гостя доброго всегда с охотой
Пускаю я в Венерины ворота.
Ни одного не пропущу я мимо.
От Марса на лице моем решимость.
Другое место нужно ль называть,
Что укрепила Марсова печать?
Не признаю любви я робкой, скрытой,
А голод уголяю я досыта.
Богат иль беден, черен или бел, —
Мне все равно, лишь бы любить умел.
И хоть по мужу благородной стань я,
Все ж не побрезгую и низким званьем.

И вот всего лишь месяц миновал,
Как Дженикин со мною в храм попал.
Венчанье мы отпраздновали пышно,
По всей округе свадьбу было слышно.
И я ему, дуреха, отдала —
И сколько раз потом себя кляла —
Дом и владенье, все мной нажитое,
А он того ни капельки не стоил.
Всегда бранил, во всем-то мне перечил
И раз меня чуть-чуть не изувечил:
Мне в ухо дал, да со всего размаха,
Чуть не оглохла я тогда от страха,
А все за три ничтожные листка.
И, в свой черед, упорна и жестка,

Я с мужем стала что ни день браниться,
А укротить, пожалуй, легче львицу,
Чем в ярости меня. Из дома в дом
Ходила я, хоть упрекал он в том
Меня, корил и приводил примеры
Все про язычников иль иноверов:
Что вот, мол, римлянин Симплиций Галл
С женой развелся, из дома прогнал
За то, что в воротах, без покрываала,
Она простоволосая стояла.
Другая, мол, наказана была
За то, что на ристалище попала,
У мужа не спросясь, — жены той имя
Забыла я со многими другими.
А то твердил мне муженек мой часто
Заветы строгие Екклезиаста,
Чтоб муж из дома никогда жену
Не отпускал, особенно одну.
А то отыщет книгу и читает:
“Кто из лозины дом свой воздвигает,
Кто клячу старую в соху впряжен,
На богомолье кто жену пускает —
Тот сам себе, простак, петлю свивает”.
Читает он, а мне все нипочем.
Мне — да смириться под его кнутом?
Чтоб все мои пороки обличал он?
Нет, никогда такого не бывало,
Да и не будет ни с одной из нас.
И чем сильней бесился он подчас,
Тем я его сильнее допекала.
Но до сих пор я вам не рассказала,
Зачем из книги вырвала листок
И почему мой муж был так жесток,
Что на всю жизнь лишил меня он слуха.
Ее читая, сам был тухоух он
И каждой строчке в этой книге верил.
Ее название — “Теофраст Валерий”:

Он нипочем бы с ней не разлучился.
 Читая, он от хохота давился;
 Она всегда и ночевала с ним.
 Какой-то кардинал Иероним
 В ней обличал слова Иовиниана.
 В ней были сочиненья Тертульяна,
 Хризиппа, Тротулы и Хэловисы,
 Француженки какой-то, аббатисы,
 Овидия “Наука о любви”
 И притчи Соломона — сотни три
 Стишков и басен всяких и историй.
 И книга эта — я узнала вскоре —
 Его всегдашний спутник; ночью ль, днем
 Он помышлял всегда лишь об одном:
 От дел и радостей мирских забыться
 И в эту книгу с головой зарыться.
 И было в ней развратниц, женщин злых
 Не менее, чем в Библии святых
 И праведниц. Ведь книжный червь не может
 Нас, женщин, оценить, хоть все нас гложет.
 “А кем, скажите, нарисован лев?”
 Да если бы мы, женщины, свой гнев,
 Свое презренье к мужу собирали
 И книгу про мужчину написали, —
 Мужчин бы мы сумели обвинить
 В таких грехах, которых не сравнить
 С грехами нашими ни в коей мере.
 Ведь сын Меркурия и дочь Венеры —
 Они совсем не схожи и ни в чем.
 Да вот судите сами вы о том:
 Меркурий — это мудрость, накопленье,
 Венера — вся порыв и расточенье;
 Их склонностей извечная борьба
 Неотвратима, как сама судьба.
 Когда в созвездье Рыб Меркурий тонет,
 Встает Венера в ясном небосклоне.
 Когда ж Венера утром догорит,

Вечерней дожидается зари
 Тогда Меркурий. Так идет от века.
 И ни один ученейший калека
 Не станет женщин от души хвалить.
 Да иначе оно не может быть!
 Как от учености он одряхлеет,
 Венере подать он платить не смеет,
 Да и зачем дырявый ей башмак!
 И вот тогда начнет он так и сяк
 На женщин шамкать злую клевету,
 Что будто бы мы любим суetu
 И не способны верными быть клятвам.
 Еще не то налгать на нас он рад вам.

И все-таки я вам не рассказала,
 Как я за книгу эту пострадала.
 Раз поздно вечером мой муж не спал
 И, как всегда, свой фолиант читал,
 Сперва про Еву, как с ее душой
 Чуть не погиб навеки род людской
 (Чтоб искупить греховную любовь,
 Потом свою пролил Спаситель кровь).
 Мой муж хотел, чтоб с ним я затвердила,
 Что землю женщина чуть не сгубила.

Потом прочел он, как во сне Самсон
 Острижен был, а после ослеплен
 И как, всему виновница, Далила
 Своим коварством сокрушила силу.
 Как из-за Деяниры Геркулес
 Непобежденный на костер полез.

Не пропустил мучений он Сократа,
 Которыми так жизнЬ его богата.
 Муж злой жены — сколь жребий сей жесток!
 Ведь вот Ксантиппа свой ночной горшок
 Ему на голову перевернула,
 И спину лишь покорнее согнул он,
 Обтерся и промолвил, идиот:
 “Чуть отгремело, и уж дождь идет”.

Потом прочел про королеву Крита,
Которая распутством знаменита;
Хоть всех такая похоть ужаснет,
Но восхищался ею мой урод.

Про Клитемнестру (это сущий демон,
Мужеубийца) прочитал затем он
И от нее опять пришел в восторг.
Затем прочел он про преступный торг
Эрифилы, что за браслет иль пряжку
Противу мужа согрешила тяжко
И грекам выдала, где скрылся он,
И в Фивах был Амфиаракс казнен.

Преступных женщин фолиант был полон.
Про Люцию и Ливию прочел он
(Обеих руки в мужиной крови,
Причина ж в ненависти иль в любви).
Как Ливия, исполнена враждою,
Поила мужа гибельной водою,
Как Люция, томясь любовной жаждой,
Чтоб муж ее стремился мыслью каждой
Ей угождать, любовное питье
Сготовила и как супруг ее
Наутро умер. Вот они, напасти
На всех мужей от лютой женской страсти!

Прочел он, как Латумий горевал,
Как другу Арию он рассказал,
Что, мол, его женитьба беспокоит.
Что дерево растет, мол, роковое
В его саду, и три его жены,
Любовию и ревнотью полны,
На нем повесились. “Благословенно
То дерево, и я прошу смиренно
Тебя, Латумий, дай мне черенок,
Чтоб у себя его взрастить я мог
В своем саду”, — вот что ответил Арий.

Насобирал он в книгу этих тварей
Со всех народов и со всех времен.

Читал еще он про каких-то жен,
Которые, мужей убив в постели,
С любовниками до утра храпели,
Меж тем как труп у ног их холодел.
Других мужей и горше был удел:
Им мозг иголкой жены протыкали
Во сне, питье их зельем отравляли.
И столько в этой книге было зла,
Что им и я отравлена была.

К тому же уйму знал он поговорок.
Их было столько, сколько в поле норок
Или травинок на большом лугу.
Вот слушайте, что вспомнить я смогу:

“Селись с драконом лучше иль со львом,
Но только женщин не пускай в свой дом”.

“Не лучше ли сидеть под самой крышей,
Чем в доме от жены попреки слышать?
Ей с мужем только бы затеять спор,
Ему во всем идти наперекор”.

“Поверь, что женщина, чуть платье скинет,
Как нету и стыдливости в помине”.

“Что в нос свинье продетая серьга —
Жена, в свой дом впustившая врага”.
Какою яростью, какой печалью
Его слова мне сердце наполняли
С тех пор, как я пришла из-под венца.

И в этот раз поняв, что нет конца
Проклятой книге и что до рассвета
Он собирается читать мне это, —
Рванула я из книги три страницы,
И, прежде чем успел он защититься,
Пощечину отвесила я так,
Что навзничь повалился он в очаг.
Когда ж пришла в себя, то увидала,
Что на полу я замертво лежала
С разбитой в кровь щекой и головой
И в страхе муж склонялся надо мной.

Он был готов уж скрыться без оглядки,
Как застонала я: “Убийца гадкий,
Мои богатства думаешь прибрать?
Сюда! Хочу тебя поцеловать
Я перед смертью”. Он тотчас смирился
И на колени тут же опустился,
Мне говоря: “Сестрица Алисон,
Забудь про все, ведь это скверный сон,
Навеянный той книгою проклятой;
В сегодняшнем сама ты виновата,
Но ты прости, что волю дал руке”.
Ему в ответ я тотчас по щеке:
“Прочь, негодяй, презреньем отвечаю!
Язык немеет... Ах, я умираю!”
Но все ж по малости заботой, лаской,
А то, когда придется, новой таской
Был восстановлен мир, и вот с тех пор
Такой мы положили уговор,
Что передаст узду в мои он руки,
А я его от всяческой докуки
Освобожу и огражу притом.
Дела и помыслы, земля и дом —
Над всем я власть свою установила.
А чтобы той проклятой книги сила
Нас не поссорила, ее сожгла
И лишь тогда покой найти смогла.
Мой муж признал, что мастерским ударом
Он побежден, и не ярился даром.

“Дражайшая и верная жена,
Теперь хозяйкой будешь ты одна.
В твоих руках и жизнь моя и кров,
Храня же честь свою, мое добро!”
Мы с той поры не ссорились ни разу,
И, если доверяете рассказу,
От Дании до Индии не същешь
Такой жены, хотя весь свет обищешь.
И муж мне верен был, да упокоит

Его Господь в раю, — того он стоит
Теперь, коль я не утомила вас,
С Господней помощью начну рассказ.

*Слушайте слова, коими обменялись
Пристав и Кармелит*

Тут, рассмеявшись громко, кармелит:
“Сударыня, — с улыбкой говорит, —
Да ниспошлет Господь вам утешенье,
Такой длины я не слыхал вступленья”.
А пристав, только это услыхал,
Громовым басом в голос закричал:

“Клянусь Спасителя распятым телом,
Монахов с осами сравню я смело.
Ведь, в самом деле, муха и монах,
Что в кушаньях, что в винах, что в делах, —
Повсюду липнут и суют свой нос.
Чего ты это о вступленье нес?
Длинно иль коротко, но нам по нраву,
И мой совет: не портить нам забаву”.

“Советуйте, советуйте, сэр пристав,
Пусть будет яростен ваш гнев, неистов,
О приставах такое расскажу,
Что вам, мой друг, наверно, удружу”.

“Свою побереги, приятель, кожу.
И ты, монах, мне можешь плюнуть в рожу,
Когда о братьях истины позорной
Всем не раскрою я до Сиденборна.
Тебя, монах, порядком я позлю
Той правдой, прямо в сердце уязвлю”.

“Цыц, петухи, — стал разнимать хозяин,
Чего вы напустились целой стаей
И доброй женщине рассказ начать
Вы не даете. Будет вам кричать,
Опомнитесь и людям не мешайте.

Хозяюшка, рассказ свой начинайте".
"Охотно, сударь, коль святой отец
Меня благословит". Тут наконец
Утихли оба; молвил кармелит:
"Исполни, женщина, что долг велит,
И Бог тебе воздаст за послушанье,
А мы послушаем повествованье".

*Здесь заканчивает Батская ткачиха
свой пролог*

РАССКАЗ БАТСКОЙ ТКАЧИХИ

Здесь начинается рассказ Батской ткачихи

Когда-то, много лет тому назад,
В дни короля Артура (говорят
О нем и ныне бритты с уваженьем),
По всей стране звучало эльфов пенье;
Фей королева со своею свитой,
Венками и гирляндами увитой,
В лесах водила эльфов хоровод
(По крайней мере, верил так народ).
Чрез сотни лет теперь совсем не то,
И эльфов не увидит уж никто.
Монахи-сборщики повсюду рыщут
(Их в день иной перевидаешь тыщу,
Их что пылинок в солнечных лучах).
Они кропят и крестят все сплеча:
Дома и замки, горницы и башни,
Амбары, стойла, луговины, пашни,
И лес кругом, и ручеек малый, —
Вот оттого и фей у нас не стало,
И где они справляли хоровод,
Теперь там сборщик поутру идет
Иль, дань собрав с благочестивой черни,
Вспять возвращается порой вечерней,
Гнуся обедню под нос иль псалмы.
Теперь и женщины с приходом тьмы

ПРОЛОГ КАРМЕЛИТА

*Здесь начинается пролог
к рассказу Кафмелита*

Достойный сборщик наш, почтенный брат,
Всегда унизить пристава был рад,
Но до сих пор из страха иль приличья
Ни слова не сказал; свое обличье
Пристойное он важно сохранял.
Теперь же он ткачихе так сказал:

“Пошли вам Боже радость и утеху,
Сударыня. Не только нам потеху
Доставили, затронули вопрос
Преважный вы, который бы принес
Нам пользу всем, найди он разрешенье.
Но раз уж все мы ищем развлеченья,
То предоставим это богослову,
Я ж приберег для случая такого, —
Коль соизволите вы, господа, —
Про пристава церковного суда
Историю, а знаете вы сами:
Что доброго быть может с приставами?
И хоть ничьих я не хотел ушней
Тем оскорблять, но лишь прелюбодей,
Ведомый приставом для наказанья,
Вот приставу достойная компания”.

Ему хозяин: “Вас учить не стану,
Что вашему не подобают сану
Слова такие. Вам ли задирать?
Рассказ вы свой извольте начинать”.

А пристав буркнул: “Пусть монахи брешут
Что им угодно, в свой черед утешу
Я кармелита так, что он поймет,
Какая честь и воздаянье ждет
Всех хвастунов монахов после смерти.
Уж я его пройму, вы мне поверьте”.

Ему хозяин: “Будет вам бубнить,
Не прерывайте вы рассказа нить”.

Здесь заканчивается пролог Кафмелита

РАССКАЗ КАРМЕЛИТА

Здесь начинается рассказ Кафмелита

Так слушайте, что расскажу вам, други:
 Викарий некий жил в моей округе.
 Он строгостью своею был известен –
 Даров не брал, не поддавался лести,
 Сжег на своем веку колдуний много,
 Карап развратников и своден строго,
 Судил священников и их подружек,
 Опустошителей церковных кружек,
 Обета нарушителей и клятвы:
 Коль осквернили чем-нибудь обряд вы,
 Коль вы не выполнили завещанья, –
 Епитимьей карал он в наказанье.
 Гроза ростовщиков и святоупщев,
 Бескровных, но мерзейших душегубцев, –
 Всего он строже был к прелюбодею,
 И в этом укорять его не смею.
 Того, кто добродетель нарушал,
 Всего суровей пеней он карал.
 Кто не платил налога с поля, с гари,
 Тот скоро узнавал, как строг викарий;
 Кто в церкви был на приношенья скуп,
 На тех всегда точил викарий зуб.
 На них он вел с десяток черных списков,
 Чтоб посохом их уловлял епископ.

Но мог и сам он налагать взысканье;
 Для этого имел на содержанье
 Он пристава, лихого молодца:
 По всей стране такого хитреца
 Вам не сыскать со сворою ищеек.
 Виновных он тащил из всех лазеек.
 Он с них изрядный получал доход.
 Иной ему заткнет подачкой рот,
 Иной ему невинного укажет.
 Не видывал я человека гаже.
 Но все-таки о нем я расскажу –
 За приставами я всегда слежу.
 Они же тронуть пальцем нас не смеют,
 Зане над нами власти не имеют.

Вмешался пристав: “А еще, мой друг,
 Мы не имеем права трогать шлюх”.

На то хозяин: “Ты перед свой знай!
 Рассказывает он, ты не мешай.
 Вы ж приставов, отец мой, не щадите
 И на его гримасы не глядите”.

И продолжал рассказ свой кармелит:
 “На воре шапка, вижу я, горит.
 Так вот, у пристава того на службе
 Все сводни были и ему по дружбе
 Своих клиентов помогали стричь.
 Как соколы заклеванную дичь
 Охотнику несут за кров и пищу,
 Они ему развратника отыщут,
 Он обдерет его, а сам патрон
 Не знает часто, как плутует он.
 Тянул он в суд разинь и простаков,
 Что рады были горстью медяков
 Иль выпивкой в таверне откупиться.
 За стерлинг он готов был удавиться
 И, как Иуда, в кошелек особый
 Ссыпал все золото, а скверной пробы
 Истертые монеты, барахло

Домашнее его патрону шло
В уплату штрафов или десятины.
Так жил, в своих пороках триединый,
Равно презренный пристав, сводник, вор.
К знакомой шлюхе он ходил во двор,
А та шепнет ему, что, мол, сэр Хью
Забыл у ней свой посох и скуфью,
А что сэр Ральф запачкал, мол, сутану
(Всех пакостей перечислять не стану).
Тут пристав их схватить грозится разом.
Размахивает папским он приказом,
Всегда все тем же, и волочит в суд,
Где их возьмут да вмиг и обстригут.
Когда ж руна липалися бараны,
Он речью льстивой заживлял их раны:
“Не бойтесь, друг, я вас из черных списков
Уж вычеркнул, и не найдет епископ
О том проступке никаких следов,
Поверьте, что служить я вам готов”.

Да вымогательств всяческого рода
Не перечислить мне в четыре года.
Был нюх его на этот счет утончен,
Как у борзой собаки иль у гончей.
Оленя им быстрее не загнать,
Чем он прелюбодея мог поймать
С супругой чьей-нибудь или девицей,
Тогда проворству нечего дивиться,
Когда оно приносит нам доход.

И вот случилось, в дальний он приход
Отправился за легкою добычей —
Таков уж был у пристава обычай.
Хотел вдову-старушку припутнуть
И, вызвав в суд, содрать хоть что-нибудь.
И вот в лесочке йомена он встретил
И на приветствие его ответил.
Был йомен тот наряжен: весь в зеленом,

Верхом он ехал на коне холеном;
С ним лук и стрелы, шапка на макушке
Зеленая с коричневой опушкой.
“Привет вам, сэр, — его окликнул пристав, —
Дай Бог прожить вам в здравии лет триста”.
“Спасибо, друг, и вам того желаю.
Вас первого сегодня я встречаю.
Путь держите куда и далеко ль
И направляетесь туда отколь?”
“Да тут поблизости, взыскать налоги
Меня направил господин мой строгий”.
“Так, стало быть, приятель, вы бэйлиф?”
“Вот именно”, — сказал наш пристав, скрыв,
Что при суде церковном находился.
Церковным приставом он постыдился
Себя назвать. Презренно это имя.
“A depardieu, так значит, ты сродни мне.
И я бэйлиф, но редко здесь бываю,
В округе этой никого не знаю.
Давай же подружимся мы с тобой.
Знай, полный кошелек всегда со мной.
А если вздумаешь нас посетить,
Готов с тобой и дом свой разделить”.

Не разобрав, что дело тут нечисто:
“A gta’merci”¹, — ему ответил пристав.
И вот решили: надо им дружить,
Почаще время вместе проводить.

Был пристав говорлив и любопытен,
В своих расспросах скор и ненасытен:
“Где вы живете, дорогой мой брат?
К вам в гости завернуть я был бы рад”.
“Живу я, друг, на севере далеко,
Но раз мы повстречались волей рока,
Наверное, по мне ты затоскуешь
И моего жилища не минуешь”.

1 Большое спасибо (*франц.*).

“Хотел бы с вами чаще я встречаться,
Чтоб можно было опытом меняться.
По ремеслу вы пристав, как и я,
К тому ж отныне с вами мы друзья.
Вы мне расскажете свои приемы.
Они мне, может статься, незнакомы.
Коль есть в них грех, на это не глядите.
Мои грехи покрыть мне помогите”.

“Да нет, мой друг, мне не к чему таиться,
Но только нечем мне с тобой делиться.
Совсем ничтожен личный мой доход:
Что соберу – хозяину идет,
А у меня хозяин очень строгий.
И вот всю жизнь бью по дорогам ноги.
Я вымогательством одним кормлюсь,
Из года в год я так и этак бьюсь,
Лишь бы с людей хоть что-нибудь содрать.
Вот все, мой друг, что я могу сказать”.

“Вот именно, так поступать и надо, –
Воскликнул пристав, – друг мой, сердце радо
Об этом слышать. Я их не щажу,
Коль попадутся – петлей пригрожу
И обираю их дома до нитки,
Как ни были б они в уловках прытки.
Да в самом деле, коль не вымогать,
Пришлось бы мне с семьею голодать.
И нечего о том в исповедальне
Нам каяться; в чужой опочивальне
Сам исповедник побывал не раз,
Так грех ему винить облыжно нас,
Что мы кошелль у грешников срезаем, –
Мы тем вертеп разврата очищаем.
Теперь открыть свое должны вы имя,
Чтоб вас назвать приятелем своим я
Пред всеми мог”. Качнулся, словно в зыбке,
В седле высоком йомен, тень улыбки
Коснулась уст его, и он сказал:

“Мой добрый друг, я вовсе не скрывал,
Что родом бес я, что пришел из ада,
Что мне туда вернуться вскоре надо,
Все недоимки на земле собрав.
Ты в основном был совершенно прав:
И мне доход дают грехи людские,
Опять же прав ты – все равно какие.
И я готов на край земли скакать,
Чтоб тот оброк любой ценой взыскать”.

“Не может быть! – тут пристав закричал.
А я-то вас за йомена считал.
Да, но каков ваш облик и наряд,
Когда к себе вернетесь вы назад?”

“В аду определенной нету формы,
А на земле – тут с некоторых пор мы
Какой угодно принимаем вид.
И, судя по тому, кто как глядит,
Он человека, обезьяну видит
Иль даже ангела (пусть не обидит
Тебя тот облик, мой дражайший друг).
И фокусник одним проворством рук
Вам чудеса показывает; что же,
Так с черта можно спрашивать и строже”.

“А почему столь разные обличья
Вы принимаете? Из страха? Для приличья?”

А черт ему: “Затем, чтоб нам верней
Настиль добычу, подружиться с ней”.

“Да, но к чему вам хлопоты такие?”
“Причины есть, мой друг, кое-какие.
О них сейчас рассказывать мне лень.
Да и к тому ж я потерял весь день;
За утро ничего не перепало.
Хвалиться мне добычей не пристало.
Ловить ее – вот думаю о чем,
А как ловить, не спрашивай о том.
Ты не поймешь иных моих уловок,
Хотя, как пристав, ты и очень ловок.

Но ежели ты очень хочешь знать,
Никто как Бог велит нам хлопотать.
Случается, в своем бесовском рвенье
Мы исполняем Божьи повеленья;
Хотим ли этого иль не хотим, —
Бессильны мы на деле перед ним,
И иногда орудьем избирает
Он нас своим и мучить позволяет
Не душу грешника, одно лишь тело.
Так с Иовом, коль помнишь, было дело.
А иногда мы получаем власть
И плоть и душу заодно украдь.
И иногда поручено тревожить
Нам только душу, отравляя ложью
Ее покой; но если устоит
Тот человек и веру сохранит —
Спасет он душу, хоть бы для геенны
Его костяк предназначался тленный.
А то по воле Божьей и слугой
Нам быть приходится; иной святой,
Как, например, святой Дунстан, епископ,
Распоряжался бесами. Столь низко
Не падал я, но раз на юге жил
И там гонцом апостолам служил”.

“И что ж, из тех же самых элементов,
Которые мы знаем от студентов,
Готовите свои обличья вы?”

И бес ему: “Ах, нет у нас дратвы,
Что их скрепляла бы. Мы чаще просто
Лишь притворяемся. Иль, скрав с погоста
Несгнивший труп, в нем начинаем жить,
Его устами смертным говорить.
Так некогда пророк ваш Самуил
Устами Пифониссы говорил,
Хоть сомневаются иные в этом;
Разгадку предоставим мы поэтам
И богословам, нам в том нет нужды.

Но, вижу я, разгадки хочешь ты.
Так надо в ад тебе со мной спуститься,
На опыте там сможешь обучиться
И с кафедры о бесах прорицать.
Тогда их облик будешь лучше знать,
Чем Данте Алигьери иль Вергилий,
Которые у нас в аду не жили,
Пока не умерли они, конечно.
Но надо поспешать нам, друг сердечный.
Ведь раньше, чем придется нам расстаться,
Успеешь вволю ты наудивляться”.

“Ну, этому так скоро не бывать.
Зачем мне нашу клятву нарушать?
Пускай ты бес иль даже сатана,
Пребудет в силе навсегда она.
И верен дружбе я с названным братом,
Пусть этой дружбе даже и не рад он.
И на работе дружбу мы скрепим —
Бери свое, — доволен я своим.
Но если посчастливится нажить
Богатство нам — давай его делить”.

“Ага, — промолвил бес, — ну что ж, идет”.
И снова двинулись они вперед.
Когда они добрались до селенья,
Которое наметил к разграбленью
Церковный пристав, повстречался им
Груженный сеном воз, а рядом с ним
Хозяин хлопотал, стараясь сдвинуть
Упряжку с места. Но глубоко в глину
Колеса врезались, и воз стоял.
Возница бешено коней хлестал,
Вопя на них: “Ну, Скотт! Живее, Брук!
Какому черту вас спихнуть бы с рук,
Поганых образин; и надо ж было,
Чтоб разродилась лучшая кобыла
Такою парой хилой и ленивой.
Да чтоб вас черт побрал с хвостом и гривой,

А заодно и весь дурацкий воз".

И пристав бесу задал тут вопрос:
“А не поймать ли на слове мужлана?
Давай проучим вместе грубияна.
Ты слышишь, подарил тебе он воз,
Коней и сено, и при этом нес
Он богомерзкие, ты слышал, речи.
Теперь ему отговориться нечем.
Хватай коней, его ж я в суд сведу".

“Он неподсуден адскому суду.
И, видит Бог, сбrehнувши тут про черта,
Он мыслей не имел такого сорта.
Спроси его иль погоди-ка малость".

Хозяина же обуяла жалость.
Он потрепал исхлестанные спины,
И кони налегли, и вот из глины
Воз сдвинулся. “Еще, ребятки, но! –
Вскричал хозяин. – Знаю я давно,
Что славные вы оба животины,
И не видать позорной вам кончины,
Вас не сведет на бойню живодер.
Но, Серый, но! Берись дружней, одер!
Да наградит Господь вас за работу.
Не буду я вас больше гнать до поту".

“Ну что, – промолвил бес, – иль я не прав?
Отлично знаю их несносный нрав.
Нет, милый друг, оставь его в покое,
Кричит одно он – думает другое.
И лучше нам с тобою удалиться,
Уверен я, здесь нечем поживиться".

По улице проехал пристав молча,
Негодование мешая с желчью,
Но вот опять он бесу зашептал:

“Мой милый брат, недавно я узнал:
Здесь проживает некая старуха.
Скупа она, скорей лишится слуха
Последнего, чем пенни из богатства

Отдаст. И покажу пример я братства.
Прокорм нам будет нелегко добыть
У здешнего народа. Так и быть.
Смотри же, как с ним надо управляться.
Старуха будет, знаю, упираться,
И знаю, что за нею нет греха.

Но как бы ни была она глуха,
А вызов в суд она небось расслышит,
И коль у неё не сгрязли денег мыши,
Двенадцать пенсов я с неё сдеру.
Я лишнего с клиентов не беру".

И пристав постучался к ней в ворота:

“Эй, вылезай из своего болота.

Иль, запервшись в вертепе сем проклятом,
Лежиши с каким-нибудь попом или братом?"

“Благословенье Божие на вас,
Сейчас я отомкну вам дверь, сейчас, –
На стук его откликнулась вдова. –
Я что-то не пойму, что за слова
Произнесли вы, сэр, и что хотите?"

“Сударыня, напрасно вы юлите.
Ты знаешь ли, презренная карга,
Благословляла ты сейчас врага
Господня. Вот приказ; и завтра в суд
Тебя, негодница, поволокут.
А там и не за то еще ответишь".

“Честной отец, мне кажется, ты бредишь.
Спаси меня Пречистой Девы имя!
Как можешь думать ты, чтоб я такими
Грехами стала душу осквернять.
Больна я, отче, надо мне лежать.
Едва хожу я, верь ты мне, не верь ты.
Но ехать в суд? Мне это горше смерти.
А если в чем меня в суде винят,
Так запиши в бумажке, милый брат,
А я уж попрошу пойти юриста.
Мне-то зачем, мое ведь дело чисто".

“Ну, черт с тобой. Но много ты потратишь
В суде кормов. Так лучше мне заплатишь
Двенадцать пенсов. Я ж приказ порву.
Плати скорей, — я, видит Бог, не вру:
Мне пенс перепадет из этих денег.
Викарий наш корыстлив и скупенек”.

“Двенадцать пенсов! — охнула она. —
Да где ж их взять? Честная пелена
Христова гроба! Ни полушки нету,
Последнее внесла я по обету.
Кору с деревьев ем я и траву.
Не обижай ты бедную вдову”.

“Эк невидаль, старухина хвороба.
Пусть черт возьмет тебя. Хотя из гроба —
Но деньги мне должна ты заплатить”.

“Но, видит Бог, мне негде их добыть”.

“Плати, карга. Не то я сам найду,
Что взять. Давай вон ту сковороду.
Ты мне должна еще с тех пор, как мужа
Ты обротила и я, дурак, был нужен,
Чтоб грех покрыть и от суда спасти”.

“Ну, как не стыдно, Господи прости?
Тебя в глаза я в жизни не видала
Да и в судах ни разу не бывала.
Была чиста я перед мужем телом,
Не согрешила помыслом иль делом,
Иди ты в ад с моей сковородой,
Пусть сатана подавится тобой”.
За ним старуха, плача, поползла
И, как умела, вора прокляла.
А бес спросил: “Так, значит, в самом деле
Его отправить в ад бы вы хотели?
Вас, матушка, быть может, я не понял?”

И пристав так старушку эту пронял,
Что крикнула: “Пусть черт его возьмет,
Коль сковороду мне он не вернет”.

“Ну, нет, карга! Что мне попало в когти,
То уж мое. Зови, чтоб черт помог те,
А я уж кстати платье прихвачу”.

“Постой-ка, друг, сказать тебе хочу,
Придется это или нет по нраву,
Что сковородкой и тобой по праву
Теперь владею я, — так бес сказал, —
Хочу, чтоб в ад скорее ты попал,
Узнаешь там, верь дьяволову слову,
Такое, что не снилось богослову”.
И с тем проворно к приставу он скок
И в ад его с собою уволок,
Где мытарям местечко всем готово,
Как то свидетельствует Божье слово.

Будь этот пристав более пристоен
И вашего внимания достоин,
Я по Писанию б вам рассказал,
В какие он мучения попал,
Тогда бы сердце ваше содрогнулось.
Но даже если б сотня лет минулась,
Не мог бы я те муки передать.
Молитесь, чтоб Господня благодать
Вас защитила от таких мучений,
От козней дьявола и искушений.
Лев, рыкающий в логове не дремлет.
И тот, кто гласу моему не внимает,
Добычей зверя может вскоре пасть.
Но не бескрайна адских козней власть,
Коль не нарушите Господня слова,
Вас оградит любовь и кровь Христова.
Помолимся ж о грешных приставах,
Страдающих у дьявола в когтях.

Здесь кончается рассказ Кафмелита

ПРОЛОГ ПРИСТАВА ЦЕРКОВНОГО СУДА

Пролог к рассказу Пристава

Церковный пристав, выслушав рассказ,
В седле привстал; на брата разъярясь,
Он, как листок осины, задрожал.
“Молю вас слезно, господа! — вскричал. —
Коль вам пустые бредни не претят,
Которые наплел здесь этот брат,
Позвольте мне поведать кой о чем
Хвалился он, что ад ему знаком:
Коль братья с бесами одной породы,
Ну как бесовской им не знать природы?
Ведь, черт возьми, слыхали мы стократ,
Как брат один попал однажды в ад.
В виденье ангел с братом вознеслись,
И ангел вверх водил его и вниз,
Чтоб все мученья ад брат познал,
Но тот нигде монахов не ссыпал, —
Одни миряне наполняли ад.
И ангела так вопрошает брат:
“О сударь! Неужель мы столь блаженны,
Что не для нас мучения геенны?”
“Нет, — молвил ангел, — здесь вас очень много”.
И к сатане пустился в дорогу.
И видит брат, дойдя: у сатаны
Хвост протянулся с парус ширины

“Приподыми свой хвост, о сатана! —
Промолвил ангел, — покажи до dna
Узилище, монахи где казнимы”.

И полуверстной вереницей мимо,
Как пчелы, коим стал несносен улей,
Тыщ двадцать братьев вылетело пулей
Из дьяволова зада и в облет
Омчали роем ада темный свод.
Потом, поспешно прилетев назад,
Вползли на место, в сатанинский зад,
И дьявол хвост поджал и замер снова.
Увидев ада горщие оковы,
Покинул брат загробные пределы,
И дух его вновь возвратился в тело
По Божьей милости, и он проснулся,
И, вспомнив сон свой, въяве ужаснулся,
Зад сатаны вообразив себе,
И плакал горько о своей судьбе.
Нас Бог спаси, обманщиков карая,
Такой мольбой рассказ свой начинаю”

*Здесь заканчивается пролог
к рассказу Пристава церковного суда*

Не обделят ни одного из братьи,
А сей монах, отец духовный знати, —
Не выделить такого брата грех, —
Получит вдесятеро против всех.
Такой обычай у монахов всюду:
Достойнейшему — первый доступ к блюду.
А он награду нынче заслужил,
Когда с амвона утром говорил.
Когда на то моя была бы воля,
Не только вздох, а вздоха три иль боле
Он первым бы у ступицы вкусили;
Никто б из братии не возразил —
Ведь проповедник лучший он и спорщик".

Сеньор, хозяйка, гости, но не сборщик
Сошлись на том, что Дженкин разрешил
Задачу и что плащ он заслужил.
Ведь ни Эвклид, ни даже Птолемей
Решить бы не смогли ее умней,
Ясней облечь ее в свои понятия.
Монах сидел, давясь, жуя проклятья.
Про старика ж был общий приговор,
Что очень ловкий брату дан отпор,
Что не дурак он и не одержимый.
И поднялся тут смех неудержимый.

Рассказ мой кончен, кланяюсь вам низко
Я за вниманье. Э, да город близко.

Здесь кончается рассказ
Пристава церковного суда

ПРОЛОГ СТУДЕНТА

*Здесь следует пролог к рассказу
Студента из Оксфорда*

"Да что вы спите, что ли, сэр студент?
Сказал хозяин. — Вам фату и лент —
И в точности вы были бы невеста
За свадебным столом. "Всему есть место
И время", — вот как Соломон сказал.
А я ни слова нынче не слыхал
Из ваших уст. Софизмы мудрых бремя,
Должно быть, занимало вас все время.
Во славу Божью! Будьте веселей,
Чтобы потом зубрить, учиться злей.
Игру коль начал — надоменно играть
И правила игры не нарушать.
Рассказ веселый вы нам расскажите.
Чур, проповедь святую не бубните,
Как те монахи, что лишь о грехах
Гнусить умеют, навевая страх.
И чтоб не одолел нас сладкий сон,
Веселый подымите нам трезвон.
Метафоры, фигуры и прикрасы
Поберегите вы пока в запасе,
Чтобы в высоком стиле королям
Хвалу воспеть иль славить нежных дам.
Для нас попроще надо речь держать,

Чтоб все могли рассказ простой понять".
Достойный клерк ему в ответ учтиво:
"Хозяин, каждый должен принести вам
Свой вклад посильный. Слов своих назад
Я не беру, повиноваться рад,
Насколько разумение позволяет;
А ваш наказ меня не приневолит.
Вам в точности хочу пересказать
Один рассказ, который услыхать
Случилось в Падуе, где муж ученый
Его сложил, Гризельдой увлеченный.
Теперь он мертв, огонь его потушен.
Господь ему да упокоит душу.
Петрарка — лавром венчанный поэт,
То звание ему дарует свет.
Стихов его сладкоголосых сила
Страну его родную озарила
Поэзией, как мудростью и знаньем —
Ум Джона из Линьяно. И молчанье
Могильным смертью исполнила уста
Творцов, не дав от жизни им устать.
Пожрала смерть обоих. Так и нас
Настигнет скоро неизбежный час.
Так вот, сей муж достойный восхваленье
Ломбардии и Пьемонта во вступленье
К рассказу горестному поместил.
Он Апеннинских гор изобразил
Вершины и особо Монте-Визо,
А также горы вплоть до самой Пизы;
Его перо искусно описало
Места, где По берет свое начало,
И то, как он, водою переполнен,
Вперед набухнувшие катит волны,
К Венеции свой длинный путь стремя.
Но это все казалось для меня
Не самым главным, главное вам ныне
Перевести попробую с латыни".

РАССКАЗ СТУДЕНТА

*Здесь начинается рассказ
Студента из Оксфорда*

На Западе Италии, у ската
Холодного Весула, край лежит,
Плодами пашен и садов богатый,
Он городами древними покрыт,
И путника его цветущий вид
Всечасно приглашает оглянуться.
Названье края этого — Салуццо.

Маркграфу чудный край принадлежал,
Как до него отцу его и дедам.
Ему послужен каждый был вассал,
Не враждовал он ни с одним соседом.
Гром треволнений был ему неведом,
К нему безмерно рок благоволил,
Всем подданным своим маркграф был мил.

Никто в Ломбардии происхожденья
Знатнее, чем маркграф тот, не имел.
Он молод был, могучего сложенья,
Прекрасен лицом, рыцарствен и смел,
К тому ж пригоден для державных дел.
О небольшом его изъяне дале
Скажу я. Вальтером маркграфа звали.

В нем порицаю недостаток тот,
Что он себе не отдавал отчета,
Как жизнь свою в дальнейшем поведет.
Его прельщали игры и охота,
А всякая о будущем забота
Была душе его совсем чужда.
О браке он не думал никогда.

Не по душе народу было это,
И вот однажды все дворяне в дом
К нему пришли, и вышел муж совета
(То ль был маркграфу ближе он знаком,
То ль лучшие прочих разбирался в том,
Как надо говорить) и речь такую
К нему повел, — ее вам приведу я.

“О государь, мы вашей добротой
Приучены к вам все свои сомненья
Всегда нести с доверчивой душой.
От вас и нынче ждем благоволенья.
Мы просим выслушать без раздраженья
Ту жалобу, которую сейчас
Народ желает довести до вас.

Хотя затронут я ничуть не боле
Вопросом этим, чем из нас любой,
Недаром я — глашатай общей воли:
К кому еще с такою теплотой
Вы относились, о правитель мой?
Не отвергайте жалобу сурово,
И нам законом будет ваше слово.

В восторге мы от вас и ваших дел,
Правленье ваше мы благословляем.
Блажен всех ваших поданных удел,
Его сравнить мы можем только с раем.
Лишь об одном мы все еще мечтаем:

Чтоб вы ввели себе супругу в дом.
Тогда покой мы полный обретем.

Склоните шею под ярмо покорно,
Которое не к рабству вас ведет,
А к власти самой сладостной, бесспорно.
Ведь наших дней неудержим полет,
За годом быстро исчезает год,
И как бы время мы ни проводили, —
Живя, мы приближаемся к могиле.

Прекрасной вашей молодости цвет,
Увы, не вечен, — ждет его старенье;
От смерти никому пощады нет,
Она стоит перед нами грозной тенью,
Но если от нее нам нет спасенья,
То все же дня не знаем точно мы,
Когда пробьет година вечной тьмы.

Не отвергайте ж нашего совета;
Поверьте, государь: он прям и благ.
Вступите, если не претит вам это,
С какой-нибудь дюрянкой знатной в брак.
И несомненно: поступивши так,
Свершите вы поступок благородный,
Равно и нам и Господу угодный.

Утешьте же и успокойте нас,
Вступивши в брак с супругою, вам равной.
Ведь если б — упали Господь! — погас
С кончиной вашей род ваш достославный,
То властью тут облекся бы державной,
На горе нам, какой-нибудь чужак.
Поэтому скорей вступите в брак”.

Их скромной и почтительной мольбою
Растроган, Вальтер им сказал в ответ:

“Не помышлял доселе я, не скрою,
Отречься от себя во цвете лет.
Свободою, которой в браке нет,
Я дорожил, своей был счастлив долей, —
И вот мне надобно идти в неволю.

Но допускаю, что совет ваш благ, —
Привык я уважать все ваши мненья.
Поэтому вступить скорее в брак
Я принимаю твердое решенье.
Однако же прошу мне предложенья
О выборе жены не повторять, —
Позвольте мне об этом лучше знать.

В своем потомстве часто, как известно,
Родители себя не узнают.
Ведь добродетель — это дар небесный,
А кровь значенья не имеет тут.
Я полагаюсь на Господний суд:
Для выбора супруги мне подмога
Нужна не от людей, а лишь от Бога.

Себе супругу выберу я сам,
Чтоб с нею жить в довольстве и покое,
Но тут же с просьбой обращаюсь к вам:
Мне поклянитесь вашей головою,
Что будет уважение такое
Ей век от вас, как если бы она
Была императрицей рождена.

Клянитесь также от лица народа
Мой выбор не поставить мне в вину.
Для вас я жертвуя своей свободой
И вольность требую себе одну:
Мне дайте выбрать по сердцу жену.
А если вы на это не согласны,
То знайте: ваши все мольбы напрасны”.

От всей души собравшейся толпой
Дано маркграфу было обещанье;
Однако прежде, чем пойти домой,
Все высказать решили пожеланье,
Чтоб установлен им был день венчанья.
Боялся в глубине души народ,
Что на попытную маркграфа пойдет.

Он день назвал, в который непременно,
Он знает, брак им будет заключен,
И на коленях стали все смиренно
Его благодарить за то, что он
Решил исполнить Божеский закон.
Все разошлись потом, добившись цели,
Достичь которой так они хотели.

Тогда, служителей своих призывав
И членов челяди своей придворной,
Пир подготовить им велел маркграф,
Его обставив роскошью отборной.
Все принялись охотно и проворно
Для свадьбы господина своего
Примерное готовить торжество.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Неподалеку от дворца, в котором
Приготовления к дню свадьбы шли,
Село лежало, что окунуть взором
Приятно было. От даров земли
Питались люди там, — их дни текли,
Трудом заполненные: ведь от неба
Зависел их кусок сухого хлеба.

Средь этих бедняков давно осев,
Жил человек, других беднее много.

Но знаем мы, что даже и на хлев
Порой исходит благодать от Бога.
С Яниколою в хижине убогой
Жила Гризельда-дочь, красой своей
Пленявшая мужчин округи всей.

А прелестью неслыханною нрава
Она была всех девушек милей.
Ее душа чужда была отрава
Греховных помыслов, и жажду ей
Тушил не жбан в подвале, а ручей.
Желая быть примерною девицей,
Она старалась целый день трудиться.

Хотя по возрасту еще юна,
Горячею наполненное кровью
Имела сердце зрелое она,
Ходила за отцом своим с любовью
И преданностью, чуждой суесловья;
Пряла, своих овец гнала на луг, —
Работала не покладая рук.

С работы к ночи возвращаясь, травы
Она с собою приносила в дом;
Их нарубив, похлебку без приправы
Себе варила и свою потом
Стелила жесткую постель. Во всем
Отцу старалась угодить и мало
О собственной особе помышляла.

На этой бедной девушке свой взор
Не раз маркграф покоил с восхищеньем,
Когда охотиться в зеленый бор
Он проезжал, соседящий с селеньем.
И взор его не грязным вожделеньем,
Не похотью тогда горел, — о нет!
Он нежностью был подлинной согрет.

Его пленяла женственность движений
И не по возрасту серьезный взгляд,
Где суетности не было и тени.
Хоть добродетель у людей навряд
В чести, маркграф с ней встретиться был рад
И думал: “Коль придется мне жениться,
То лишь на этой я женюсь девице”.

День свадьбы наступил, но невдомек
Всем было, кто невеста и супруга;
Никто недоуменья скрыть не мог,
И стали все тайком шептать друг другу:
“Ужели так-таки себе подругу
Маркграф не выбрал? Неужели нас
Дурачил он, да и себя зараз?”

Однако ж драгоценные каменья
Оправить в золото был дан приказ
Маркграфом, чтобы сделать подношенье
Гризельде милой в обрученья час;
По девушке, что станом с ней как раз
Была равна, велел он сшить наряды
И приготовить все, что к свадьбе надо.

Торжественного дня зардел рассвет,
И весь дворец красой сверкал богатой,
Какой не видывал дотоле свет.
Все горницы его и все палаты
Склад роскоши являли непочатый.
Все было там в избытке, чем красна
Была Италия в те времена.

Маркграф и вместе с ним его дворяне
С супругами — все те, которых он
На этот праздник пригласил заране, —
В путь двинулись. Маркграф был окружен
Блестящей свитой, и под лютней звон

Повел он всех в селение, где нищий
Яникола имел свое жилище.

Что для нее устроен блеск такой,
Гризельда и понятья не имела.
Она пошла к колодцу за водой,
Чтоб в этот день свободной быть от дела,
Пораньше, чем всегда. Она хотела
Полюбоваться зреющим, узнав,
Что свадьбу празднует в тот день маркграф.

“Сегодня мне б управиться скорее
С моим хозяйством, — думала она. —
Тогда с подругами взглянуть успею
На маркграфиню дома из окна.
Оттуда ведь дорога вся видна,
К дворцу ведущая, и поезд знатный
По ней пройдет сегодня, вероятно”.

Когда она ступила на порог,
Маркграф к ней подошел; тотчас же в сени
Поставивши с водою котелок,
Она пред ним упала на колени
И слов его ждала; при этом тени
Предчувствий не было у ней о том,
Что совершилось через миг потом.

Улыбкою Гризельду ободряя,
Маркграф с вопросом обратился к ней:
“Где ваш отец, Гризельда дорогая?”
На что она, не вознося очей,
Как только можно тише и скромней
Ответила: “Он дома; не премину
Его привесть тотчас же к господину”.

И в дом войдя, с отцом вернулась вмиг.
Маркграф, его приветив и отдельно

От прочих ставши с ним, сказал: “Старик,
Моей душой владеет безраздельно
Одна мечта, бороться с ней бесцельно:
Я полон к дочери твоей любви;
Ты нас на брак святой благослови!

Меня ты любишь и мне служишь честно, —
Давно я это знаю, с юных лет.
И с юных лет мне хорошо известно,
Что между нами разногласий нет.
Поэтому прошу — мне дай ответ
На мой вопрос и мне скажи по чести:
В тебе приветствовать могу ли тестя?”

Такая неожиданная речь
Повергла бедняка в оцепененье;
Весь задрожав, он еле мог извлечь
Слова из уст: “Мое повиновенье
Вам обеспечено, и то решенье,
Которое угодно вам принять,
Законом буду для себя считать”.

“Теперь, — сказал маркграф с улыбкой ясной, —
Пойдемте в вашу горницу втроем:
А для чего, тебе должно быть ясно:
Желаю я в присутствии твоем
От дочери твоей узнать о том,
Согласна ли она мне стать женою
И послушанье соблюдать благое”.

Пока меж ними там беседа шла, —
Сейчас вам расскажу, как это было, —
Сбежались жители всего села
Под окна их, и каждого дивило,
Как ласково Гризельда и как мило
С отцом держалась. Больше всех она,
Однако же, была изумлена.

Не мудрено, что трепет и смущенье
Напали на Гризельду: до сих пор
Высокого такого посещенья
Ее не удостаивался двор.
Бледна как полотно и долу взор
Потупивши, она теперь сидела.
И тут маркграф, чтобы продвинуть дело,

К прелестной деве обратился так:
“Гризельда, ваш отец сказал мне ясно,
Что по сердцу ему наш с вами брак.
Надеюсь, на него и вы согласны?
Но торопить вас было бы напрасно:
Коль боязно вам сразу дать ответ,
Подумайте, — к тому помехи нет.

Но знайте, что должны вы быть готовы
Повиноваться мне во всем всегда
И не роптать, хотя бы и сурово
Я с вами обращался иногда,
Не отвечать мне “нет”, скажи я “да”,
Все исполнять, не поведя и бровью,
И я вам верной отплачу любовью”.

От страха вся дрожала, ему в ответ
Гризельда молвила: “Мне, бесталанной,
К лицу ли честь, которой равной нет?
Но то, что любо вам, и мне желанно.
Даю обет вам ныне — постоянно
Послушной быть и в мыслях и в делах,
Отбросив даже перед смертью страх”.

“Обету вашему, Гризельда, верю”, —
Сказал маркграф, душой развеселись,
И сразу же пошел с ней вместе к двери
И так сказал толпе, что собралась:
“Есть государыня теперь у вас:

Мою жену, Гризельду дорогую,
Всегда любить и жаловать прошу я”.

Маркграф решил, что все свое тряпье
Гризельде сбросить пред отъездом надо,
И приказал, чтоб женщины ее,
Раздев, одели в новые наряды:
Тряпья касаться были те не рады,
Но поспешили выполнить приказ,
И засверкала дева, как алмаз.

Ей расчесавши волосы прилежно,
Они нашли уместным ей венок
На темя возложить рукою нежной.
Никто Гризельду и узнать не мог,
Она сияла с головы до ног.
Длить описание ее наряда
Не буду я, да это и не надо.

Маркграф кольцо надел на палец ей,
Нарочно принесенное из дома,
И на коне, что снега был белей,
Гризельду перевез в свои хоромы.
По всей дороге, радостью влекомый,
Бежал народ. Весь день гудел дворец.
Пока не село солнце наконец.

Рассказ продолжу. Юной маркграфине
Такая прелесть дивная дана
Была с рожденья Божьей благостней,
Что трудно было верить, что она
В крестьянском бедном доме рождена
И выросла среди домашних тварей,
А не в палатах пышных государя.

Любовь она снискала и почет
У всех кругом. Ее односельчане,

С которыми она из года в год
Встречалась и беседовала ране
На улице, в дубраве, на поляне,
Готовы были клясться, что не дочь
Она Яниколы, как день не ночь.

Хоть добродетели была отменной
Она всегда, но ныне добротой
Вдруг засияла необыкновенной
Душа ее, а все слова такой
Приобрели красноречивый строй,
Что вызывала чувство восхищенья
Она у всех людей без исключенья.

Не только в городе Салуццо, — нет,
По всей стране о ней гремела слава,
Все говорили, что от века свет
Очаровательней не видел нрава.
В Салуццо шли толпой тысячи глядкой
Мужчины, женщины — и стар и млад, —
Чтоб только на Гризельду бросить взгляд.

Брак заключив, — как будто недостойный,
На деле ж королевский, — жил маркграф
С женой своей счастливо и спокойно.
Да и народ хвалил ее, поняв,
Что был он в выборе супруги прав.
Все славили его за ум отменный,
А это ведь не так обыкновенно.

Не только по хозяйству все дела
В руках Гризельды спорились отлично,
И в управленье краем, коль была
В том надобность, она входила лично.
Все споры подданных своих обычно
Она умела быстро разрешать,
В сердца враждебные елей вливать.

В отъезде ли был государь иль дома —
Все тяжбы меж баронами она,
Непогрешимой чуткостью ведома,
Кончала миром, — так была умна,
Так в обращении с людьми ровна,
Что ангелом они ее считали,
Ниспосланым их уголить печали.

Когда еще не минул первый год,
Дочь родила Гризельда молодая.
Хотя мечтал о мальчике народ,
А также и маркграф, владыка края,
Довольны были все, предполагая,
Что им наследника не долго ждать,
Раз не бесплодной оказалась мать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Немного погодя — еще кормила
Гризельда грудью девочку — сполна
Маркграфа мысль одна заполонила:
Проверить, подлинно ль ему верна
И всей душою предана жена.
Задумал он — сказать могу я смело —
Не в добрый час худое это дело.

Испытывал Гризельдину любовь
Уже не раз он, и супругой верной
Она оказывалась вновь и вновь.
Зачем же снова муке беспримерной
Ее подвергнуть вздумал он? Наверно,
За мудрость это многие сочтут,
Я ж недомысле лишь вижу тут.

Вот как маркграф свой замысел безбожный
Осуществил. В ночи войдя к жене

И взор на ней остановив тревожный,
“Гризельда, — молвил он, — скажите мне:
Вы помните, я думаю, о дне,
Когда вы сняли ваш наряд убогий
И я вас ввел женой в свои чертоги?

Надеюсь я, Гризельда, что сейчас,
Когда столь дивной стала ваша доля,
Вы не забыли, что извлек я вас
Из нищеты, которую дотоле
С отцом вы разделяли поневоле.
Я вас прошу внимать усердно мне, —
Мы с вами говорим наедине.

Вы знаете, как в здешние покой
Явились вы, и вам я до сих пор,
Гризельда, предан телом и душою.
Но иначе, увы, настроен двор:
Они считают, что для них позор
Быть подданными женщины безродной,
Служить тебе дворянам не угодно.

С тех пор, как дочь ты родила, сильней
И громче стали эти разговоры.
Но я желаю до скончанья дней
С моими верными прожить без ссоры.
Мне надоело слушать их укоры,
И дочь твою им в жертву принести
Придется мне — иного нет пути.

Прискорбно это мне, Бог видит; все же
Я не желаю действовать тайком.
Скажите, что и тут согласны тоже
Вы мне подмогой быть, как и во всем.
Припомните, как вы клялись мне в том,
Что ваша верность будет вечно в силе.
То было в день, когда мы в брак вступили”.

Услышав эту речь, она ничем
Не выдала душевного волненья,
Ее лицо не дрогнуло совсем.
“Мы в вашем, государь, распоряженье, —
Она промолвила, — повиновенье
Закон для нас, и он неколебим.
Мы с дочерью лишь вам принадлежим.

То, что вам по сердцу, и мне отрада,
В моей душе своих желаний нет;
Что, кроме вас, мне в этой жизни надо?
Лишь через вас мне дорог белый свет.
Так было, есть и до скончанья лет
Останется: любовь мою, поверьте,
Не истребить ни времени, ни смерти”.

Ответу этому маркграф был рад,
Но, не подав и виду, так же строго
Он на жену глядел и мрачный взгляд
В последний раз к ней обратил с порога.
Свое намеренье спустя немного
Слуге он сообщил наедине
И поручил ему пойти к жене.

Служил дворецким тот и всей душою
Маркграфу предан, для него готов
Он был любое дело, хоть бы злое,
Свершить немедленно без дальних слов.
Откликнулся и ныне он на зов:
Маркграфа волю выслушав, он сразу
Пошел к Гризельде по его приказу

И ей сказал: “Сударыня, у вас
Прошу заране для себя прощенья,
Но государев выполнить приказ
Я должен точно и без промедленья,
Хотя б он и внушал мне огорченье.

Приказ владыки для меня закон,
И выполнить его я принужден.

Ребенка вашего мне взять велели".
И, матери не дав задать вопрос,
Он выхватил дитя из колыбели
И сделал вид, что нож над ним занес.
Гризельда с мукой в сердце, но без слез
Овечкою несчастною сидела,
Пока ужасное творилось дело.

Ей подозрителен был суток час,
И человек, и речь его, и взоры
Его холодных, непреклонных глаз.
"Ах, неужели дочка, от которой
Так много счастья, будет мертвой скоро?"
Так думала Гризельда, но, полна
Смирения, не плакала она.

В конце концов к дворецкому в волненье
С нижайшей просьбой обратилась мать
(Был человек он добрый от рождения),
Чтоб подождал дитя он убивать,
Пред смертью дал его поцеловать.
Дочурку взяв, она благословила
И поцелуями ее покрыла.

Потом шепнула нежным голоском:
"Прощай навек, мой ангелок прелестный!
Я осенила грудь твою крестом,
Чтоб взял тебя к себе Отец небесный,
Который изнемог от муки крестной.
Твою вручаю душу я ему —
Сегодня в вечную ты канешь тьму".

Я думаю, и нянька не могла бы
Без ужаса на это все взирать

И стон бы издала, хотя бы слабый.
Так как же тут должна была б кричать
И корчиться от мук родная мать!
Но нет, без слез дворецкому вручила
Гризельда дочь и так проговорила:

"Исполните же данный вам приказ.
Лиши об одном, коль нет на то запрета
От государя, умоляю вас:
Предайте погребенью тельце это,
Чтоб уберечь от псов и птиц". Ответа
Дворецкий не дал — он без лишних слов
Ребенка подхватил и был таков.

Явившись к государю, он подробно
Все то, что было ночью, описал:
Слова Гризельды, взор ее беззлобный,
Потом ему ребенка в руки дал.
Маркграф смущился, но менять не стал
Своих намерений: владыкам мало
Свои намеренья менять пристало.

Он приказал дворецкому тайком, —
Ребенка сплелив и осторожно
Вложив в корзину, — государев дом
Покинуть с этой ношей неотложно;
Потом, под страхом смерти непреложной,
Ему велел от любопытных глаз
Себя оберегать на этот раз.

К сестре в Болонью, жившей там графине
Да Панико, дворецкому приказ
Дал государь доставить дочь в корзине,
С тем чтоб графиня добрая тотчас
За воспитанье девочки взялась,
Ни перед кем не открывая тайны
Своей питомицы необычайной.

Все выполнил дворецкий в краткий срок.
Но мы к маркграфу возвратимся снова.
Он за женой следил, как только мог,
Не выдаст ли движенье, взор иль слово
В ее душе чего-нибудь дурного.
Следил напрасно, — как досель, она
Была смиренья кроткого полна.

Все так же по хозяйству хлопотала.
Была в беседах с мужем весела,
И никакая тень не омрачала
Ее всегда спокойного чела:
Такою же осталась, как была.
О дочери — как будто и забыла,
Как имя ей, — она не говорила.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло четыре года, и опять
Гризельда родила маркграфу чадо.
На этот раз им Божья благодать
Послала мальчика, очей усаду, —
И населенье края было радо
Наследнику не менее отца;
Все благодарно славили Творца.

Когда ребенок под дворцовым кровом
Подрос и грудь сосать уж перестал,
Жену подвергнуть испытаньям новым
Маркграф жестокосердный пожелал.
Ах, не довольно ль он ее пытал?
Но таковы мужья: к жене смиренной
Они безжалостны обыкновенно.

“Жена! — сказал он, — что наш брак, увы,
Не по душе народу, вам известно;

С тех пор как сыном разрешились вы,
Народный ропот слышен повсеместно.
Он тяготит меня, признаюсь честно.
Когда я слышу, как шумит народ,
Порой отчаянье меня берет.

Все говорят: “Когда настанет время
Маркграфу умереть, взойдет на трон
Мужицкое Яниколино семя.
Других потомков не оставил он”.
Я этим ропотом весьма смущен,
И, хоть в глаза мне говорят иное,
Что толку? Нет душе моей покоя.

Но я хочу с народом жить в ладу,
Поэтому решение такое
Мной принято: мальца я уведу
И поступлю с ним, как с его сестрою.
Решил я также, что от вас не скрою
Свой замысел, а подготовлю вас.
Прошу послушной быть и в этот раз”.

Гризельда, выслушав, проговорила:
“Всегда и ныне мой ответ один:
Что вам угодно, мне тем самым мило,
Пускай умрут и дочь моя, и сын
По вашему приказу, господин;
Роптать не буду, лишь скажу, что дети
Скорбь принесли мне, горшую на свете.

Распоряжайтесь вашею работой.
Ах, не советовать, должна молчать я!
В тот день, как взяли вы меня с собой,
Я дома сбросила не только платье,
Но и свободу. Вся я без изъятия
Принадлежу лишь вам. Любой приказ,
Любой запрет всегда приму от вас.

Когда бы ваша воля мне заране
Была известна, я навстречу ей
Пошла б, не ожидая приказаний.
Ее теперь я знаю, и — ей-ей! —
Лишь послушание в душе моей.
Коль смерть моя была бы вам полезна,
Она была б мила мне и любезна.

Что смерть? В сравненье не идет она
С любовью к вам". Маркграфа столь покорный
Ответ смущил. Он видел, что жена
К нему полна любовью неприменимой,
И очи опустил. Хотя бесспорно
Он был растроган, все же он вышел вон,
Вид сделав, что тоскою омрачен.

И вот дворецкий — тот, что так безбожно
Когда-то у Гризельды отнял дочь, —
Еще наглей, коль быть наглей возможно,
Теперь унес красавца сына прочь.
Бедняжка мать безропотно, точь-в-точь
Как и тогда, дитя благословила
И нежно поцелуями покрыла.

О том лишь попросила, чтобы труп
Ее сыночка в землю склонили,
Дабы ни птичий клюв, ни песий зуб
Не тронули укрытого в могиле.
Не дав ответа и еще унылей
Взглянув на мать, дворецкий вышел вон.
И был в Болонью мальчик отвезен.

Терпение Гризельды изумляло
Все больше мужа. Если б он не знал,
Какую страстную любовь питала
Гризельда к детям, то бы думать стал,
Что крови дух ее давно алкал

И что ей служат маской лицемерной
Повадки и слова супруги верной.

Но он отлично знал, что лишь он сам,
Лишь он один дороже ей, чем дети.
И вот спросить хотел бы я у дам:
Что дать могли ему все пытки эти?
Какой еще суровый муж на свете
Испытывать мог хуже женин нрав?
Но на своем стоять решил маркграф.

Он был одним из тех людей, которым
Отречься от своих решений — яд;
Им это худшим кажется позором,
И на своем они всегда стоят,
Как будто разум их в тиски зажат.
Решив жену подвергнуть испытанью,
Все дальше шел маркграф без колебанья.

Он за женой следил во все глаза,
Не выдаст ли в ней слово, иль движенье,
Иль тайно оброненная слеза
По отношению к мужу раздраженья.
Но все напрасно, — то же выраженье
Любви сияло на лице у ней,
Как на заре ее счастливых дней.

У них в душе единая царила,
Казалось, воля. То, чему был рад
Ее супруг, и ей желанно было.
И жизнь их наполняли мир и лад.
Гризельда доказала, что преград
Не ведает любовь супруги верной,
Всегда послушной, преданной безмерно.

Жестокость государя всю страну
Весьма смущала. Люди говорили,

Что, взяв себе безродную жену,
Ее детей он сам обрек могиле.
Не удивляюсь, что везде ходили
Такие слухи: всяк был убежден,
Что дочь и сын вкушают вечный сон.

Народ, любивший Вальтера доселе,
Его душой возненавидел всей.
Да может ли убийца, в самом деле,
Кому-нибудь быть дорог из людей?
Но от затеи не хотел своей
Маркграф отречься, как бы ни роптали, —
Жену испытывать решил он дале.

Когда исполнилось двенадцать лет
Их дочери, он, с помощью обмана
И заметя своих деяний след,
Добился грамоты от Ватикана,
Для замысла его весьма желанной:
В ней разрешен ему был новый брак.
А с грамотою дело было так,

Что булла папская по наущению
Гонца была подделана; и вот
Маркграф имел от Рима разрешенье
Произвести с женой своей развод,
Чтобы с собою примирить народ.
И эта булла ложная повсюду
Была прочитана простому люду.

Все верили, что так оно и есть, —
Всех убедила подлая бумажка.
Когда ж дошла и до Гризельды весть,
Ей, полагаю, стало очень тяжко.
Однако скрыла скорбь свою бедняжка;
Она решила, как досель, и впредь
Безропотно страданья все терпеть,

Всегда сообразуясь только с волей
Того, кому и телом и душой
Она принадлежит в земной юдоли.
Чтобы скорей рассказ продвинуть свой,
Скажу, что Вальтер собственной рукой
Письмо поспешно написал в Болонью
С ужасной просьбой, полной беззаконья.

Он графа Панико, что там женат
Был на сестре его все годы эти,
Просил прислать детей своих назад,
Но так, чтоб не узнал никто на свете
Никоим образом, чьи это дети.
Однако же прибыть они должны
Блестящей свитою окружены,

А девочка объявлена невестой
Салуцкого владыки. Граф тотчас
Для сбора время объявили и место,
И в тот же день, в румянный утра час,
Блестящая вся свита собралась.
Сверкала девочка своим нарядом,
А брат ее верхом скакал с ней рядом.

Все за невестой двинулись вперед.
На ней сияли ярко самоцветы;
Роскошно был и брат ее одет,
Хотя он жил всего осьмое лето.
И вся толпа ликующая эта
В Салуцко-город скачет день за днем.
А мы теперь к маркграфу перейдем.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Ужаснее всех прочих испытанье
Маркграф измыслил для жены своей,

Чтобы узнать, не вызвали ль страданья
Тень озлобления в душе у ней,
Не стала ли любовь ее слабей.
И вот однажды к ней такое слово
Он обратил, принявши вид суровый:

“Я признаю, Гризельда: много лет
Вы были мне супругою примерной;
Хоть нищенкой вы родились на свет,
Я нрав ценил ваш, ласковый и верный.
Но государям рок немилосердный
Порой о чувствах забывать велит:
В высоком сане рабский жребий скрыт.

Мне не дано как пахарю простому
Жизнь провести свою. Кричит народ,
Чтоб я жену другую ввел в хоромы,
И Папа разрешенье мне дает
На то, чтоб с вами учинить развод.
А потому вам, не таясь, скажу я:
Решил я взять себе жену другую.

Прошу безропотно ей место дать,
А что вы принесли сюда с собою,
То разрешаю вам обратно взять.
На дом отца дворцовые покои
Должны сменить вы. В жизни никакое
Не вечно благоденствие, увы!
Послушной будете, надеюсь, вы”.

В ответ Гризельда, полная смиренья,
Сказала так: “Считала я всегда,
Что между мной и вами нет сравненья.
Мой повелитель! Эти все года,
Поверьте, я не мнила никогда,
Что вам достойна быть простой прислугой,
Не только что законною супругой.

Свидетель мне Предвечный Судия,
Что в вашем доме с самого начала
Себя отнюдь не госпожою я,
А лишь служанкой скромной ощущала.
И – много ль мне осталось жить иль мало –
Мне на руку написано судьбой
Быть до могилы вашею рабой.

За то, что мне, безродной и убогой,
В чести прожить вы дали столько лет,
Я на коленях умоляю Бога:
Да охранит он вас от всяких бед!
Вот все, что вам могу сказать в ответ.
К отцу вернусь я с радостью – с ним вместе
До смерти проживу в родимом месте.

Где я впервые взор открыла свой,
Там жизнь окончу и сойду в могилу
Душой и телом чистою вдовой.
Вам девственность свою я посвятила,
Вам верность, будучи женой, хранила,
И потому избави Бог, чтоб вас
Я предала и с кем-нибудь сошлась.

Пошли вам небо от супруги новой
Дни счастья и покоя без числа!
Освободить ей место я готова,
Где столько лет в блаженстве прожила.
Коль вы хотите, чтобы я ушла
От вас, мой господин, моя отрада,
Желанье ваше я исполнить рада.

Вы мне велите взять добро свое.
Но как приказ ваш мне исполнить честно?
Я принесла с собою лишь тряпье.
И где оно теперь, мне неизвестно.
О Боже мой! Как нежно, как чудесно

Звучала ваша речь, сиял ваш взгляд,
Когда венчальный нас вязал обряд!

Не лжет, увы, народное присловье —
Его правдивость горько на себе
Я испытала: с новою любовью
Соперничать, любовь, нельзя тебе.
Но не скорблю я о своей судьбе.
Я б лучше умерла, чем пожалела,
Что вам и душу отдала и тело.

Вы знаете: наряд презренный мой
Сменили вы на пышный и богатый,
Когда невестой увели с собой.
Лишь наготу и верность к вам в палаты,
Мой господин, я принесла когда-то.
Все, что на мне, с кольцом венчальным вам
Я, недостойная, сейчас отдаю.

Все драгоценности и все каменья
Я в горнице оставила у вас.
Раздетая ушла я из селенья,
Раздетою вернусь туда сейчас:
Хочу исполнить точно ваш приказ.
Но чтоб никто не мог меня ославить,
Прошу одну рубашку мне оставить.

Вы не допустите, мой господин,
Чтобы то тело женское, в котором
Зачаты были ваши дочь и сын,
Нагим, как червь, предстало перед взором
Толпы сбежавшейся. Таким позором
Казнить жену не захотите вы,
Хотя и недостойную, увы!

За девственность мою, что вам когда-то
Я принесла и ныне взять с собой

Уж не могу, прошу мне дать в отплату
Одну рубашку, чтоб я тело той
Прикрыть могла, что вам была женой.
Итак, прощайте, мой супруг любимый,
Расстаться с вами навсегда должны мы".

"Рубашку можешь не снимать", — в ответ
Сказал маркграф, потом застыл в молчанье.
В его глазах вдруг помутился свет
От жалости и чувства состраданья,
И он ушел. С себя все одеянье
Сняла Гризельда и пошла босой,
В одной рубашке лишь, к отцу домой.

Толпа, кляня Гризельдин рок суровый,
За нею с горькими слезами шла.
Она в пути не проронила слова,
И глаз ее не замутила мгла.
Когда же до Яниколы дошла
Весть об ее печальном возвращенье,
Он проклял день и час ее рождения.

Всегда питал в душе своей старик
В благополучье дочери сомненье;
Все годы ждал он, что наступит миг,
Когда маркграф, насытив вожделенье,
Почувствует невольно огорченье,
Что в жены взял безродную, и с ней
Расстаться постарается скорей.

Дочь встретить поспешил отец (шумела
Толпа людская пред его избой),
И, старым платьем ей накрывши тело,
Он слезы горькие стал лить рекой.
Но грубая дерюга ей плохой
Была защитой: вся ветхой стала
И новых дыр приобрела немало.

Так стала жить Гризельда у отца,
Цвет верности и женского смиренья,
Ни словом, ни движением лица —
То ль при народе, то ль в уединенье —
Не проявляя чувства оскорбленья
И позабыв как будто, что за сан
Ей в годы прошлые судьбой был дан.

Не удивляйтесь! В бытность маркграфиней
Была Гризельда скромности полна,
Чужда была ей всякая гордыня,
И не ценила роскоши она.
Но, мужу верная всегда жена,
Дни проводила тихо за работой
И не искала у людей почета.

Об Иове нам много говорят,
Его смирение хвалю лестной
Возносит до небес ученых ряд.
Но жен хвалить ученым, как известно,
Не по душе. Однако если честно
Нам рассудить, то вряд ли из мужчин
Тут с женщиной сравнится хоть один.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Молва в ломбардской разнеслась равнине,
Что прибыл из Болоньи граф, а с ним
Совместно молодая маркграфиня
И что их поезд окружен таким
Великолепным блеском неземным,
Какого обыватели доселе
В своем краю еще не лицезрели.

Все это подготовивший маркграф
Гризельду привести велел заране,

И та явилась, боль свою поправ,
Наперекор своей сердечной ране,
Готовая любым из приказаний
Покорствовать. Колени преклонив,
Она благодарила за призыв.

“Гризельда, — молвил он, — моей невесте,
Что завтра будет здесь, хочу прием
Я оказать заслуженный по чести.
К нему быть должен подготовлен дом
Так, чтобы всем гостям достались в нем
Места достойные и непременно
Чтоб были все обслужены отменно.

Но у меня нет женщины такой,
Которая б могла блести палаты.
Хочу поэтому, чтобы тобой
Бразды правленья были в доме взяты.
Ведь в нем хозяйничала ты когда-то
И знаешь все. Хоть жалок твой наряд,
Я, если мне поможешь, буду рад”.

“О господин, — Гризельда отвечала, —
Я полагаю высшей из отрад
Всю жизнь служить вам верно, как, бывало,
Служила раньше — столько лет подряд.
Мне никаких не надоно наград,
Прошу лишь разрешить мне с той же силой
Любить вас, господин мой, до могилы”.

И, так промолвивши, она тотчас
Приготовлять столы, стелить постели
И украшать палаты принялась;
Прислути собрала для этой цели
И торопила всех, чтобы успели
Пыль подмети повсюду без помех,
Сама работала прилежней всех.

Часу в девятом прибыли со свитой
Граф и детей державная чета.
Народ глазел на поезд именитый,
Чьи дивны были блеск и красота.
И шепот тут пошел из уст в уста:
“Хулить маркграфа было бы зазорно —
На смене жен он выгадал бесспорно.”

Красивей первой новая жена
Во много раз да, кстати, и моложе;
Детей прекрасных народит она,
Маркграфского она достойней ложа”.
Брат девушки очаровал всех тоже.
В конце концов народ решил, что прав
Был в поведении своем маркграф.

“О ветреная чернь! Душой неверной
Ты мечешься, предательства полна!
К тому, что ново, ты падка безмерно —
Свое лицо меняешь, как луна.
Твоим суждениям лишь грош цена.
Глуп иль безумен человек, который
В них вздумал бы искать себе опоры”.

Так говорили те, кто поумней,
А чернь стоять, глазея, продолжала
И новой государыне своей
Восторг свой громогласно выражала.
Но до толпы теперь мне дела мало, —
Пора к Гризельде перейти опять
И об ее работе рассказать.

Все, что для пира надобно, на славу
Гризельда подготовила вперед;
Своей одежды грубой и дырявой
Нисколько не стеснясь, у ворот
Она невесту встретила и вот

С улыбкой ласковой своей и милой
Обратно в дом к работе поспешила.

С таким приветливым лицом гостей
У входа в зал Гризельда принимала,
Что в знании учтивости у ней
Никто ошибки не нашел и малой.
Наоборот, всех очень поражало,
Что под нарядом, чей так жалок вид,
Столь светлый и достойный дух скрыт.

Невесту юную введя в покой
(С ней рядом шел ее прелестный брат),
Гризельда им внимание такое
Сумела оказать, что всякий рад
Был посмотреть. Когда же все подряд
Уселись гости, Вальтер чрез минутку
За ней велел сходить и словно в шутку

Ее спросил: “Тебе моя жена
Как нравится? Скажи мне откровенно”.
“Мой господин, — ответила она, —
Клянусь, красавицы столь совершенной
Досель никто не видел во вселенной.
Успеха всякого желаю ей.
Пошли вам Бог счастливых много дней!

Лишь об одном прошу вас: испытанью
Жестокому ее не подвергать.
Она такое нежное созданье,
И, полагаю я, отец и мать
Ее взрастили так, что не под стать
Страданье ей, с которым может сжиться
Воспитанная в нищете девица”.

Когда маркграф увидел, как полна
Она несокрушимого смиренья,

Взглянул в глаза, прозрачные до дна,
Не омраченные притворства тенью,
И вспомнил, как она все униженья
Безропотно сносила день за днем, —
К ней сострадание проснулось в нем.

“Моя Гризельда, — молвил он, — довольно!
Ты чашу горя выпила до дна.
Достаточно тебя терзал я больно;
Подобных мук из женщин ни одна
Не испытала. Милая жена!
Какой ты клад, отныне буду знать я”.
И он Гризельду заключил в объятья.

Она, еще не отойдя от мук,
Стояла, слов его не понимая,
Как будто ото сна восстала вдруг,
Объята изумлением без края.
“Клянусь Христом, Гризельда дорогая, —
Сказал маркграф, — супруга ты моя;
Свидетель Бог, другой не знаю я.

Вот дочь твоя — считала ты напрасно
Ее моей невестой и женой.
А этот мальчик, юный и прекрасный, —
Твой сын, Гризельда, и наследник мой.
Поверь мне, оба рождены тобой.
Я их взрастил в Болонье, у графини
Да Панико. Прими обоих ныне.

Пускай меня не обвиняют в том,
Что поступал я дико и жестоко.
Нет, не жестокостью я был ведом,
А лишь стремлением познать глубоко,
Каков твой нрав и нет ли в нем порока.
Детей не умертвил я, а, любя,
Их воспитал, Гризельда, для тебя”

Она, услышав это, вдруг упала
Без чувств, от радости почти больна.
Потом, прийдя в себя, детей призвала
И целовать их бросилась она.
Из глаз ее соленая волна
Слез материнских полилась без края,
Любимым детям лица орошая.

Кто б мог свое волненье побороть,
Внимая горькие рыданья эти?
“О господин, воздай же вам Господь, —
Она промолвила, — за то, что дети
Опять со мной. Теперь ничто на свете
Не страшно мне. Раз вновь я вам мила,
То даже в смерти я не вижу зла.

О дорогие дети! Ваша мать
Считала, что гниете вы в могиле.
Неправда это! Божья благодать
И ваш отец вам жизни сохранили”.
Но тут ей снова силы изменили,
Опять отхлынула от сердца кровь,
И бедная без чувств упала вновь.

Своих детей она с такою силой,
На землю падая, прижала вдруг,
Что вырвать их едва возможно было
Из пораженных судорогой рук.
Придворные, стоявшие вокруг,
От состраданья плакали, не смея
К ней подойти, лицо склонить над нею.

Словами, ласки полными, супруг
Ее старался исцелить от горя,
Да и другие все к забвению мук
Ее нудили, государю вторя.
И вот в себя пришла Гризельда вскоре.

Отрадно было видеть, как маркграф
К ней нежен был, опять ей мужем став.

Когда нашли, что им вмешаться надо,
Ее в покой дамы увели
И, снявши там с нее тряпье, в наряды,
Сверкающие златом, облекли.
С короною и в платье до земли
Гризельда в зал вернулась, вся сияя,
И поклонилась ей толпа людская.

Дня тягостного светел был исход.
Все пировали в честь Гризельды милой
До той поры, покуда небосвод
Ночные не украсили светила.
По мнению всех, торжественнее было
На этом празднике и веселей,
Чем в день, когда маркграф венчался с ней.

В согласье добром и любя друг друга
Годов немало прожили они
И дочери своей нашли супруга,
Чей род в краю был славен искони.
К себе маркграф, чтобы в покое дни
Дожил старик, переселил и тестя,
И прожил тот до смерти с ними вместе.

Когда маркграф скончался, на престол
Взошел их сын, который в браке тоже
Был счастлив (по стопам отца не шел
И не пытал свою жену он все же).
Мы в век живем, на старый не похожий, —
Слабей огонь в сердцах теперь горит,
И потому мой автор говорит:

Не для того, чтоб жены подражали
Моей Гризельде, дан о ней рассказ.

В смиренье с ней сравняться ль кто? Едва ли.
Нет, для того, чтобы любой из нас
Был столь же стоек в испытанья час,
Как и Гризельда, рассказал так ярко
И так возвыщенно о ней Петрарка.

Коль было столь велико у жены
К супругу смертному долготерпенье,
То Богу мы тем более должны
Всегда показывать свое смиренье.
Лишь испытаниям, не искушенью
Он подвергает нас — об этом сам
Иаков пресвятой глаголет нам.

Владыка вечный с целью испытанья
Стегает нас бичами грозных бед
И шлет нам часто тяжкие страданья.
Узнать он хочет нашу волю? Нет,
Он слабость нашу знал, когда на свет
Еще не появились мы. Чудесны
Деяния твои, Отец Небесный!

Еще одно словечко, господа!
Мы женщину, сравнимую по праву
С Гризельдой, не отыщем никогда.
Дней наших женщины — иного сплава;
Немало меди к золоту их нрава
Примешано. Ах, у таких монет
Уменья гнуться, не ломаясь, нет.

Поэтому, а также ради честной
Ткачихи батской и подобных ей
(Пошли успехов им Отец Небесный!)
Мне разрешите песенкой своей
Потешить вас. Дела минувших дней
Серьезные оставим. На прощанье
Я песней вас развеселю. Вниманье!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧОСЕРА

Гризельда умерла, и вместе с ней
В могильный мрак сошло ее смиренье.
Предупреждаю громко всех мужей:
Не испытуйте ваших жен терпенье.
Никто Гризельды не найдет второй
В своей супруге — в этом нет сомненья.

О жены благородные, смелей
Свое отстаивайте положенье,
Чтоб ни один ученый грамотей
Не наболтал о вашем поведенье,
Вас уравняв с Гризельдой, и чтоб злой
Чичваче не попасть вам на съеденье.

Вам нимфа Эхо — образец: у ней
Всегда на все готово возраженье.
Невинностью не думайте своей
Оправдывать любое униженье.
Совет даю вам: смелою рукой
На благо всем хватать бразды правленья.

Вы, жены, что верблюдов посильней,
Не допускайте, чтобы оскорбленья
Вам наносить решался муж-злодей.
А вы, о жены, слабые в сраженье,
Как львицы, будьте яры, день-деньской
Язык, как жернов, приводя в движенье.

Бояться мужа — глупого глупей:
Будь он в кольчужные закован звенья,
Стрелами острыми своих речей
Пронзишь ты и стальное облаченье.
Вяжи его и ревностью порой —
И станет за тобой ходить он тенью.

Коль ты красива, на глазах людей
Цвети и надевай все украшенья,
А коль дурна, расходов не жалей,
Чтоб приобрести друзей для услуженья.
Будь весела, как листья лип весной,
А мужу предоставь плач, вой, мученья.

*Здесь кончает Студент из Оксфорда
свой рассказ*

ПРОЛОГ КУПЦА

Пролог к рассказу Купца

“Плач и стенанья, горе и заботы
Мне отравляют отдых и работу, —
Сказал купец, — с тех пор, как я женат.
Хотел бы видеть, кто женитьбе рад?
Не я, во всяком случае: жена мне
Такая подвернулась — как из камня.
Когда б ее сам дьявол в жены взял,
И он, наверно б, зубы поломал.
Противно вспоминать ее проделки,
Коварства полные и злобы мелкой.
Строптивая злодейка — не жена!
О, горе мне! Сколь разница ясна
Междуд Гризельды благостным смиреньем
И жен сварливых неуемным рвеньем,
Когда над ними демон верх возьмет.
Освободись я — уж не завлечет
Меня в ловушку сила никакая.
Теперь уж не сваляю дурака я.
Ведь мы, женатые, — мы все рабы.
Испробуйте-ка сладость сей судьбы.
Святой Фома Индийский в том порука:
Жена для большинства из нас — докуча,
Хотя, конечно, к счастью, не для всех.
И клеветать на брак — великий грех.

Но вот два месяца, как я женат,
А умереть, ей-богу, был бы рад.
Клянусь, никто, хотя бы поносил
Его весь свет, на сердце б не скопил
Той горести и горечи отравной,
Что я обрел себе в жене злонравной”.

“Спаси тебя Господь, несчастный друг! —
Сказал хозяин, — но частицу муж
На наши плечи скинь, их нам поведай”.

“Я расскажу вам про чужие беды.
Забыть хотел бы гнет своих оков,
О них смолчу, хоть горе велико”.

РАССКАЗ КУПЦА

Здесь начинается рассказ Купца

В стране ломбардской рыцарь жил когда-то,
Павийский уроженец. Пребогато
Он дожил до шестидесяти лет,
А в брак вступить и не подумал, нет.
Он жизнью наслаждался без помехи,
Ценя одни лишь плотские утехи, —
Ведь путь мирян бывает редко свят.
Когда ж ему минуло шестьдесят,
Он — то ль по глупости, то ль потому,
Что мысль о Боге вдруг пришла ему, —
Решил вступить в законный брак и вот
Жену искать стал сутки напролет
И небеса молить, чтобы они
Блаженные ему судили дни,
Чтоб он изведал счастье жить с женой,
В союз вступив нетленный и святой,
Которым мужа и жену Господь
В единую связал когда-то плоть.
“Жизнь брачная одна лишь хороша;
Иная же не стоит и гроша.
Блаженство брачный лишь дает венец”, —
Вот так-то думал старый сей мудрец.
И разве это, в сущности, не так?
Что в жизни привлекательней, чем брак?

Особенно когда ты стар и сед,
Сокровища ценней супруги нет.
Твоя жена должна быть молода,
И народите с нею вы тогда
Наследника: жизнь будет вам сладка.
А посмотри на жизнь холостяка:
На скуку часто жалуется он,
Любовной суетою утомлен.
И справедливо, чтобы холостяк
Вел жизнь, лишенную отрад и благ.
Он строит на песке, и потому
Лишь неудача суждена ему.
Живет свободно он, как дичь лесная,
О принужденье ничего не зная.
Женатый человек, наоборот,
Всегда размеренную жизнь ведет,
Привязан крепко к брачному ярму,
И жизнь сладка и радостна ему.
Кто может быть нежнее, чем жена?
Кто с большим прилежаньем, чем она,
Когда ты болен, ходит за тобою?
Она готова верною рабою
Тебе служить, хотя б ты слег в кровать
С тем, чтоб до смерти больше не вставать.
Иначе думает ученых ряд,
В числе их Теофраст. Пусть невпопад
Он поучает, — что мне, право, в том?

“Коль хочешь ты держать в порядке дом, —
Так учит он, — жениться не спеши,
Для этого и слуги хороши.
Перед слугою верным что жена?
Ведь полдобра себе берет она.
А если, заболев, ты сляжешь вдруг,
К себе участье у друзей и слуг
Скорей найдешь, чем у жены своей:
Твое добро всего милее ей”.

Такие изречения нам часто
Встречаются в писаньях Теофраста.
Будь проклят он! К чему он нужен вам?
Стократ умней — внимать моим словам.

Поистине, жена есть дар небес;
Все блага прочие — луга, и лес,
И пастбища, и вокруг усадьбы нивы —
Дары случайные судьбы счастливой:
Они подобны тени на стене.
Супруга же, напротив, — верьте мне, —
Надолго входит в дом, на дольший срок,
Чем ты, пожалуй, пожелать бы мог.

Брак — таинство великое, и тот,
Кто не женат, беспомощно живет,
И все его надежды скоротечны
(Я о мужчинах говорю, конечно).
А почему? Да потому, что Богу
Угодно было женщину в подмогу
Нам сотворить. Когда им был Адам
Из глины вылеплен, Создатель сам,
Увидев, как он наг и одинок,
Его в душе не пожалеть не мог
И дал ему поддержку в виде Евы.

Отсюда ясно, — согласитесь все вы, —
Что женщина на радость нам дана
И в помощь; рай земной она
С душой своей, привязчивой и нежной.
Жизнь с нею — счастья океан безбрежный.
Единой плотью став, жена и муж
До гроба скреплены союзом душ.

Жена! Возможно ль, чтоб того беда
Постигла, кто женат? Нет, никогда.
Клянусь тобой, о Дева Пресвятая!
Между супругами — любовь такая,
Что выразить ее нельзя никак.
Жена тебе подательница благ
И бескорыстная хозяйка дома;

Она, со своевольем незнакома,
Всегда смиренный подает ответ;
Ты “да” сказал — она не скажет “нет”.

Жизнь брачная! Ты, как эдемский сад,
Полна и благолепья и услад;
Все воздают тебе такую честь,
Что каждый, в ком хоть капля смысла есть,
До гроба должен, если он женат,
Благодарить Творца все дни подряд.
А если холост, то молиться Богу,
Чтоб он ему жену послал в подмогу.
Вступивши в брак, себя он оградит
От всякого обмана и обид.
Кто следует жене в своем пути,
Тот может смело голову нести, —
Так мудрости полны ее советы.
Коль преуспеть ты хочешь в жизни этой,
Словам жены не забывай внимать.

Ведь вот же посоветовала мать
Иакову, чтоб в козьей шкуре он
Явился к Исааку на поклон, —
И дал ему отец благословенье.

Спас избранный народ от истребления
Юдифи ум, когда тирану с плеч
Снес голову ее бесстрашный меч.
Навала жизнь на волоске висела,
И все ж ее спасти жена сумела
Своим умом. Есфирию от невзгод
Спасен был богоизбранный народ,
За что и преклонился перед ней
Сановник Агасфера, Мардохей.

Сенека говорит: во всей вселенной
Нет существа ценней жены смиренной.
Катон велит послушным быть жене.
Ей подчинись, — тогда она вдвое
Свое смиренье пред тобой проявит.

Жена хозяйством нашим мудро правит.
 Особенно хворающим жена,
 Чтоб дом в упадок не пришел, нужна.
 Что церковь для Христа, тем для тебя
 Жена пусть будет. Мудрость возлюбя,
 Жену считай за высшее из благ.
 Ведь плоти собственной никто не враг,
 Поэтому жену свою лелей:
 Обрести блаженство можно только с ней.
 Муж и жена — я не шучу ничуть —
 Спокойно жизненный проходят путь,
 Союзу их угрозы не страшны,
 Особенно со стороны жены.

Вот почему постиг на склоне лет
 И Януарий мой, что в жизни нет
 Блаженства для того, кто не женат,
 Кто брака чистых не познал услад.
 И вот однажды, сидя средь друзей,
 Мечтою поделился он своей.

С лицом печальным он сказал им: “Я,
 Как видите, и стар и сед, друзья,
 Уже стою я близко от могилы, —
 Пора подумать о душе. Я силы
 Телесные безумно расточал,
 Но вот Господь опомниться мне дал,
 И я хочу вступить в законный брак,
 Притом возможно поскорей. Итак,
 Я вас прошу красивую девицу
 Мне подыскать немедленно: жениться
 Желаю я в кратчайший срок, друзья.
 Невесту подходящую и я
 Себе везде подыскивать намерен,
 Но так как много вас, то я уверен,
 Что вам скорей удастся подыскать
 Девицу, что женой мне может стать.

Но я предупреждаю вас, друзья:
 Старуху всякую отвергну я.

Не больше двадцати пусть будет ей, —
 Лишь рыба чем старее, тем ценней.
 Милее окунь мне, чем окунек,
 Но предпочту телятины кусок
 Куску говядины. Да, смака нет
 В той женщине, которой двадцать лет
 Уж стукнуло. От всяких старых вдов
 Куда угодно я бежать готов.
 Они обычно прихотей полны, —
 Бог упаси от этакой жены.
 Кто много школ прошел, учен безмерно.
 С женой свяжись — и скажешь: это верно.
 А девушка в твоих руках — как воск:
 И сердце свеже у нее и мозг.
 Так знайте же заранее, друзья:
 Не поведу к венцу старуху я.

Ведь если б сделал так злосчастный рок,
 Чтоб с нею наслаждаться я не мог,
 На стороне я б стал искать усладу
 И тем себя навек обрек бы аду,
 Да и бездетным был бы этот брак.
 А мне милей быть своровою собак
 Разорванным, чем чтобы чужакам
 Досталось то, что накопил я сам.
 Я не болтаю, как пустой дурак;
 Я знаю, для чего вступаю в брак,
 И знаю также, что людей немало
 О браке часто судят как попало,
 Не больше смысля в нем, чем мой слуга.
 Кому небес награда дорога,
 А целомудрие невыносимо,
 Пусть женится, чтоб с женщиной любимой
 Производить во славу Божью чад,
 А не для плотских лишь одних услад.
 Умеренно к ним надо прибегать, —
 Лишь для того, чтоб долг свой исполнять.
 Берут себе еще затем супругу,

Чтоб помогать, как брат с сестрой, друг другу
И соблюдать с ней чистоты закон.

Но это не по мне. Еще силен
Я, слава Богу, кровь играет в жилах,
Не чую дряхлости следов постылых.
На что способен зрелый муж, и я
На то способен, — верьте мне, друзья.
Хоть я и сед, себя я ощущаю
Как дерево в цвету в начале мая.
Ткань дерева такого не мертва,
И у меня седа лишь голова,
А члены все и сердце неизменно
Цветут, как лавр зеленый и нетленный.
Я изложил свое решенье вам;
Теперь, друзья, всем высказаться дам".

Тут начали все говорить про брак, —
Тот высказался так, а этот — сяк.
Один хвалил его, другой хулил,
И вот — частенько ведь внезапный пыл
Беседу дружную приводит к ссоре —
Горячий спор меж двух возникнул вскоре
И лишь к концу собрания затих.
Плацебо звали одного из них,
Другого же из них Юстином звали.

“О Януарий, мы тебе едва ли, —
Сказал Плацебо, — можем дать совет:
Ведь никого умней тебя тут нет.
Но ты в благоразумии своем
Не забываешь, господин, о том,
Что говорит премудрый Соломон,
А вот чему всех смертных учит он:
“Не действуй без совета никогда,
И не впадешь в раскаянье тогда”.
Так, правда, учит нас Давидов сын,
Но думаю, о друг и господин,
Что принято тобою, без сомненья,
Из лучших наилучшее решенье,

И вот на чем основываюсь я.

Доселе проходила жизнь моя
В служенье разным знатным господам,
И каждый мне — за что, не знаю сам, —
Свое доверие дарил всегда.
И никому из них и никогда
Не возражал — я был уверен в том,
Что мне его не превзойти умом,
Что господин сказал, то непреложно,
Лишь повторять им сказанное можно.
Глупцом советника считаю я,
Который, в услуженье состоя
Особы знатной, полагать дерзает,
Что больше, чем она, он понимает.
Из нас глупцом не будет ни один.
Ведь то, что ты сказал нам, господин,
Так мудро, благородно и прекрасно,
Что лучше и не скажешь, — это ясно
С тобой во всем согласен я вполне.
Ни в Павии, ни в нашей всей стране
Нет человека, кто бы сказал мудрее.
Христос одобрил бы твою идею,
Твою отвагу весь признает свет:
Не шутка ведь — вступить на склоне лет
В брак с юной девушкой. Как видно, сердце
Еще немало сохранило перца.

Так поступи, как ты решил, — умней
Никто решенья не найдет, ей-ей!"

Юстин послушал эту речь и вдруг,
Поднявшись, произнес: “Милейший друг,
Ты высказался, так имей терпенье
Теперь мое послушать возраженье.

Сенека где-то мудро говорит,
Что осторожность нам глядеть велит,
Кому добро иль землю мы даем;
Но если нужно о добре своем
Заботу нам иметь, то неужели

Мы не должны заботиться о теле,
Его даря? Оно ценней добра.
Да разве ж это детская игра —
Вступить без всяких обсуждений в брак?
Нет, надобно — я полагаю так —
Узнать, глупа ль невеста иль умна,
Скромна ли иль охоча до вина,
Бедна ли иль богата. Лишь дурак
Без этого вступить решится в брак.
Конечно, совершенства в мире нет;
Все, что рождается на Божий свет, —
Зверь, человек, — увы, несовершенно.
Но позволительно считать отменной
Жену, в которой ни один порок
Достоинств разных заслонить не мог.
Потребно время, чтоб разнюхать это.
Вот я — свидетель мне Создатель света —
Немало пролил слез в тиши ночной,
С тех пор как обвенчались мы с женой.
Хвали, кто хочет, брак, — за эти годы
Я лишь заботы видел и расходы.
Меж тем соседи все и особливо
Соседки славили мой рок счастливый;
Мне говорили, что моя жена
Быть образцовой признана должна.
Но я-то знаю, где мне жмет башмак.
Что ж, поступай, как хочешь, — брак так брак!
Но помни, ты уже в летах, мой друг:
Себе невесту не подыщешь вдруг,
Особенно красотку молодую.
Свидетелем Владыку приведу я
Земли и неба: младший тут из нас
С жены своей спускать не должен глаз,
Чтоб лишь ему она принадлежала.
Тебе — не сомневаюсь я нимало —
Трех лет спокойно не прожить с женой.
Ты знаешь, нрав у женщин озорной.

Я не в обиду прямо все сказал".

"Ты кончил? — Януарий тут вскричал. —
На прописи Сенеки я плюю
И за премудрость школьную твою
Гроша не дам. Иначе говорят —
Сам слышал ты — те, что умней стократ.
А ты какого мненья, брат Плацебо?"

"Пускай, — ответил тот, — накажет небо
Всех тех, кто брачному союзу враг".
Тут встали все и порешили так:
Пусть Януарий, часу не теряя,
Невесту ищет средь красавиц края.

И настоятельно искать путей
К осуществлению мечты своей
Он сразу стал. Красивые девицы
В снах беспокойных длинной вереницей
Носились перед ним из ночи в ночь,
Лишь только он смежал глаза, — точь-в-точь
Как если б кто, взяв зеркало с собой,
Пришел на площадь, полную толпой,
И в зеркале бы видел отраженье
Все новых лиц. Ночные сновиденья
Томили Януария чредой
Знакомых девушек. Но выбор свой
Он все откладывал. Красива эта,
Но к той благоприятней мненье света,
За ласковый и тихий нрав народ
Единодушно ей хвалы поет.
У тех богатство, но дурная слава.
Однако наконец — не знаю, право,
Насколько это было лишь игрой, —
Свои мечты направил он к одной.
Любовь слепа, как всем давно известно;
Весь день-деньской о девушке прелестной
Он думал, а когда ложился спать,
Ему опять всё снились и опять, —
И красота ее, и возраст нежный,

И лик задумчивый и белоснежный,
И гибкий стан, и благородный нрав,
Бегущий легкомысленных забав.

Избранницей своею восхищен,
Все поиски решил окончить он.
Ему казалось, выбор так хорош,
Что лучше девушки и не найдешь.
Такой на свете нет, и потому
Никто не станет возражать ему.

И Януарий всех своих друзей
К нему явиться попросил скорей.
Ему хотелось облегчить им труд.
Пусть поисков, мол, больше не ведут,
Уж избрана невеста им самим,
И было бы бесплодно спорить с ним.

Когда Плацебо с остальными вместе
К нему пришел, он о своей невесте
Им рассказал, предупредив сначала,
Что обсуждать не хочет он никако
Свой выбор: Господом одобрен он,
Блаженный век ему с женой сужден.

“Девица в нашем городе живет, —
Сказал он, — что красавицей слывет.
Хоть род ее и не высок, пленила
Она меня своей повадкой милой,
Ее решил себе я в жены взять,
Мы обретем с ней вместе благодать;
Я убежден, что будет мне она
Отличная и верная жена”.
Затем он попросил своих друзей
Помочь скорее обвенчаться с ней.

“Когда женюсь, я обрету покой,
Откроется блаженство предо мной.
Одно меня тревожит, — с вами я
Тревогой этой поделюсь, друзья.
Я, — продолжал он, — слышал уж давно,
Что человеку дважды не дано

Познать блаженство, — тут и в небесах.
Будь неповинен он в семи грехах,
Будь вообще он чужд духовной скверны,
Жизнь брачная полна такой безмерной
И дивной лепоты, что страх берет
При мысли, что теперь из года в год
Жизнь безмятежная мне предстоит —
Без горестей, без кривды, без обид,
И небо на земле я обрету.
Но только за земную маю
Дается смертному венец небесный,
И, значит, после жизни столь чудесной
Не будет мне позволено стяжать,
Когда умру, Христову благодать.
Вот эта мысль мне не дает покоя.
Рассейте же мое сомненье злое”.

Сочтя, что эта речь — безумца бред,
Юстин насмешливо сказал в ответ,
От ссылок и цитат на этот раз,
Чтоб кратко высказаться, воздержась:
“Поверь мне, ежели других преград
Для брака не находишь, милый брат,
То будь спокоен — Бог пошлет тебе,
В благой заботе о твоей судьбе,
Вослед за свадьбой поводов немало
Проклясть удел свой, дивный небывало.
Не думай, что особо холостяк
Мил Господу; Господь, напротив, благ
К тому гораздо больше, кто женат.
Свое решенье не бери назад,
Смелее будь! Возможно ведь вполне,
Что ты чистилище найдешь в жене.
Она бичом Господним может стать, —
Тогда душа твоей не долго ждать,
Чтобы взлететь на небеса стрелой.
Не беспокойся же, дружище мой,
И мне поверь: в конце концов не так

Блаженства и отрады полон брак,
Что может он закрыть к спасению путь.
Одно скажу: благоразумен будь,
Ласкай жену умеренно, к ней страсть
Держи в узде, — смотри, чтобы не впасть
И в прочие грехи. Я все сказал, —
Мой разум ограничен, слаб и мал.
Знай, что твои все опасенья — вздор.
Итак, закончим этот разговор.
О браке батская вдова недавно
Всю правду нам поведала, на славный
Рассказ свой не потратив лишних слов.
Храни тебя Всевышний, будь здоров!"

Сказавши так, собрание тотчас
Юстин покинул, с рыцарем простясь.
Поняв, что брак предотвратить нельзя,
Все способы пустили в ход друзья,
Чтоб избранную убедить девицу,
Чье имя было Мая, согласиться
Стать Януарию женой скорее.
Вас утомлять рассказом я не смею
Об актах всех, что ленное владенье
Ей передали на его именье,
И об ее наряде дорогом.
День наступил, когда они вдвоем
Отправились венчаться в Божий храм
И воспринять дары святые там.
Поп, выйдя к ним в церковном облаченье,
О Сарре и Ревекке в поученье
Напомнил и велел, как те, вести
Жизнь мудрую и свято брак блюсти;
Потом с молитвой их перекрестил
И узы брачные навек скрепил.

Закончил свадьбу шумный пир горой,
И Януарий со своей женой
Сидел, гостями окружен. Палаты
Весельем были праздничным объяты,

И блюд, что подавали там, вкусней
В Италии ты не нашел бы всей.
А лютни издавали чудный звон,
Какого ни фиванский Амфион,
Ни сам Орфей вовек не извлекали;
Под пенье их там блюда подавали.
Да, Иоав и Феодам, что Фив
Штурм возвестил, прегромко затрубив,
Затмить то пенье были бы бессильны.
Сам Вакх вино всем в чаши лил обильно.
Венера улыбалась всем вокруг
(Ведь ей наш новоявленный супруг
Хотел отдать оставшиеся годы,
Как отдал дни своей златой свободы)
И с факелом в руке пред молодой
Плясала легкою своей стопой.
Я не солгу, сказав, что Гименей,
Бог брака, в жизни не видал своей
Столь радостного жениха. Заметь,
О Марциан, что этот брак воспеть
Не мог бы ты, хоть рассказал удачно,
Как Филология вступила в брачный
Союз с Меркурием под пенье муз.
Чтоб юности и старости союз
Изобразить, нужны другие силы.
Ни у кого б из вас их не хватило, —
Я в этом убежден, мои друзья.
Проверьте сами, говорю ли я
Вам правду или нет. Младая Мая
Сидела, взором ласковым сияя
И красотою сказочной своей.
Есфирь проникновенней и нежней
На Агасфера взгляд не направляла.
Не описать красы столь небывалой!
Скажу лишь, что на майский день она
Была похожа, вся озарена
Волшебной прелестью неизъяснимой.

Наш Януарий от лица любимой
 Взор оторвать не мог и про себя
 Так думал: "Ночью обниму тебя
 Сильней, чем обнимал Парис Елену".
 Но этой сладостной мечте на смену
 Возникло огорченье, что жена
 Сегодня ночью пострадать должна,
 И стал он думать: "Нежное созданье,
 На Бога возлагаю упованье,
 Что ты перенесешь мой страстный пыл,
 Ведь я необычайных полон сил.
 Нет, сдерживать свои я буду силы...
 Скорей бы ночь, о Боже, наступила
 И вечность бы царила напролет!
 Ах, разошелся бы скорей народ!"
 Тут всевозможные уловки он
 Стал в ход пускать, чтобы выпроводить вон
 Своих гостей, проститься с ними всеми.

Вот наконец-то наступило время
 Из-за стола подняться. Сразу в пляс
 Пустились все, вина хлебнув не раз.
 Веселием и хмелем были пьяны
 Все гости, кроме сквайра Дамиана,
 Что рыцарю давно служил. Был он
 Так госпожой своею восхищен,
 Что сам не свой стоял, без чувств упасть
 Готов, — такую породила страсть
 Венера в нем, когда она, танцуя,
 Его задела факелом. К нему я
 Потом вернусь, — лишь сообщу, что он
 К себе поторопился, удручен,
 И лег в постель. Пусть дни влечит, стеная,
 Пока его не пожалеет Мая.

Огонь проклятый, тлеющий в соломе
 Постели! Враг, живущий в нашем доме!
 Слуга-предатель, к нам змею в грудь
 Вползающий! От вас оградой будь

Всевышний нам. Хоть ты от счастья пьян,
 О Януарий, глянь: твой Дамиан,
 Оруженосец твой, что столько лет
 Жил у тебя, шел за тобою вслед,
 Против тебя предательство кует —
 Пусть в руки Бог тебе его пошлет!
 Домашний враг опаснее чумы,
 Ведь с ним бок о бок жизнь проводим мы.

Светило дня, закончивши свой путь,
 Под горизонт спустилось отдохнуть,
 Невидимым для всей округи стало,
 И ночь свое густое покрывало
 Накинула на светлый небосвод.
 Простишись с Януарием, народ
 Покинул пышные его хоромы
 И восвояси двинулся, чтоб дома
 Заняться на досуге чем-нибудь
 И в подходящий час потом заснуть.

Наш Януарий, отпустив гостей,
 Торопится на ложе сна скорей.
 Чтобы разжечь себя, пьет разогретый
 И полный пряностей стакан кларета,
 Мальвазию хлебает, и покрас
 И многое, о чем в недобрый час
 В творении "De coitu" писал
 Мних Константин, чтоб черт его побрал.

Своим друзьям сказал он: "Ради Бога,
 Всех вежливо спровадьте из чертога".
 Те, сделав это, занавес спустили.
 Потом, хотя мужчины рядом пили,
 Невесту бледную взвели на ложе.

И вот когда постель служитель Божий
 Благословил, обоих молодых
 Друзья тотчас оставили одних.
 Тут Януарий крепко обнял Маю,
 Свою жену, свой рай; весь полыхая,
 Со страстью целовал ее такой,

Что ей щетинистой своей щекой,
На рыбью чешую весьма похожей
(Так хорошо свою побрил он рожу!),
Натер лицо прелестное, шепча:
“Простите, если боль вам сгоряча
Я причиню, супруга дорогая,
Но вы должны, возлюбленная Мая,
Иметь в виду, что в ремесле любом
Таких ведь мастеров мы не найдем,
Что хорошо работают и скоро.
Досуг нам нужен, в этом нет позора.
Кто запретит нам до утра играть?
Ведь нас связала Божья благодать.
Любое обхождение друг с другом
Дозволено повенчанным супругам.
Как может согрешить с женою муж,
Себя своим ножом порезать? Чушь!
Супруги мы, играть нам нет запрета”

Так пропыхтев до самого рассвета,
Хлебнул klarета он и, на кровать
Усевшись, стал супругу целовать
И громко петь с гримасою влюбленной.
Казалось, жеребец разгоряченный
Сидел в нем рядом с глупою сорокой,
Болтающей без отдыха и срока.
Все громче пел он, хрипло голося,
А шея ходуном ходила вся.
Бог ведает, что ощущала Мая,
Его в одной сорочке созерцая
И в колпаке ночном. Я убежден,
Что ей не по душе пришелся он.
В конце концов он заявил: “Игра
Меня сморила, отдохнуть пора”, —
И, вмиг заснув, до десяти проспал,
Потом, при свете дня, с постели встал.
А что касается прелестной Мая,
Она, обычай женский соблюдая,

Из горницы своей четыре дня
Не выходила вон, покой храня.
Нужны в любой работе перерывы:
Сменяя труд и отдых, твари живы —
Все: люди, скот и даже рыбы, птицы.

Пора мне к Дамиану возвратиться,
Который страждет, мукой обуян.
Я так ему скажу: “О Дамиан,
Ужели ты надеешься, несчастный,
Что сможешь госпоже своей прекрасной
Поведать скорбь души? Сомненья нет,
Что отповедь получишь ты в ответ.
Еще предаст она тебя, пожалуй,
Бог помоги тебе, мой бедный малый!”

Горит в огне Венеры Дамиан
И смерти жаждет, исходя от ран.
Ему нашептывает злой недуг
Любой ценой отделаться от мук.
Достав бумагу и перо, он пишет
Письмо, что к милой Mae страстью дышит,
И стихотворной жалобой своей
О пытках сердца сообщает ей.
В шелк обернув письмо, его хранит
За пазухою он, тоской убит.

Со свадьбы Mai на небе луна,
Пройдя десятую ступень Овна,
Успела соскользнуть в созвездье Рака,
А Мая, верная законам брака,
Пережидала в горнице своей,
Чтоб меньше трех не миновало дней
До возвращения ее к супругу;
Светило дня четвертый раз по кругу
Свой путь совершило, и в полдневный час,
Когда обедня отошла как раз,
Сидела в зале рядом с мужем Мая,
Красою дня весеннего сияя.
Вдруг Янтарий, вспомнив невзначай

О Дамиане, молвил: “Что-то, чай,
С ним приключилось, Боже милосердный!
Куда девался он, мой паж усердный?
Не захворал ли часом Дамиан?”

Ему ответ единогласный дан
Пажами был, что Дамиан хворает
И лишь болезнь ему прийти мешает;
Он был бы тут, когда бы был здоров.

“Да, это правда, Дамиан таков, —
Заметил Януарий, — я безмерно
Тужил бы, если б умер этот верный
Служитель мой. Он сдержанней, умней
Всех сверстников своих среди пажей,
Притом он так отважен и прилежен,
Что путь ему к успехам неизбежен.
Как только мы окончим наш обед,
Жена проведает его, я вслед
За ней приду, — помочь больному надо”.
За это обещание наградой
Достойной Януарию была
Всеобщая горячая хвала:
Забота о больном слуге прекрасна.

“Жена! — воскликнул Януарий властно. —
Когда обед окончится, тотчас
Вы с дамами, покинув в зале нас,
К милейшему отправьтесь Дамиану
Его утешить. Я, как только встану
От сна послеобеденного, тоже
К нему зайду. Спешите, вас на ложе
Я буду ждать через часок-другой.
Вернувшись, лягте рядышком со мной”.
Сказавши это, сквайра он призвал,
Которому подведомствен был зал,
И сделал разные распоряженья.

А Мая с дамами без промедленья
Пажа больного навестить пошла
И, у постели севши, завела

Беседу с ним, развлечь его стремясь.

Тут Дамиан, поняв, что пробил час,
Свое письмо вложил ей тайно в руку,
В котором страсть свою излил и муку,
При этом он не произнес ни слова,
А лишь вздохнул; потом, вздохнувши снова,
Ей тихим голосом шепнул: “Мерси!
Но я погиб, коль, Боже упаси,
Не захотите вы хранить молчанье”.

Что ж Мая? Спрятав на груди посланье,
К себе домой отправилась она.
Там Януарий, в предвкушенье сна,
Сидел спокойно на краю кровати.
Свою супругу тысячию объятий
Намучивши, он лег и захрапел,
А Мая вышла, словно бы для дел,
Которых, несмотря на все желанье,
Не избежишь, и, прочитав посланье,
Его разорвала в клочки. Затем
Их бросила — куда, понятно всем.

Как на душе теперь у Маи милой,
Когда с ней рядом муж храпит постылый?
Вдруг кашлем прерван мужа сладкий сон.
Глаза проравши, Маю просит он
Все снять с себя. “С тобой вкусить утеху
Желаю, — молвит, — платье мне помеха”.
Что было делать ей? Лишь покориться.
Но тут остановлюсь, — ханжам сердиться
Дать повод не хочу, молчу о том,
Чем были заняты они потом, —
И в рай ли, в пекло ли попала Мая,
Вечерний звон их поднял... Я не знаю,
Судьба ль тому виной была, иль случай,
Природы ли воздействие могучей,
Иль, может быть, стеченье светил,
Особенных исполненное сил,
В чьей власти нежный пол сводить с ума

При помощи любовного письма
 (Ведь все на свете свой имеет срок),
 Лишь Бог нам это разъяснить бы мог,
 Которому открыты все причины, —
 Мне в эти нечего влезать глубины, —
 Но верно то, что в этот день покоя
 Лишилась Мая, жалостью такою
 Проникшись к Дамиану, что о нем
 Забыть была не в силах и о том
 Мечтала лишь, чтоб излечить больного.
 “Пускай меня осудят все сурово, —
 Так думала она, — мне дела нет!
 Ах, он дороже мне, чем солнца свет,
 Его люблю, хотя б он нищим был”.

Вовек всесилен состраданья пыл
 Над благородным сердцем. Надо честно,
 Однако же, признать, что повсеместно
 Есть женщины, — их встретишь каждый день, —
 Чья грудь таит не сердце, а кремень.
 Они погибнуть дали б Дамиану,
 Ему елея не пролив на рану,
 И этим бы на весь гордились свет,
 Себя убийцами не сознавая, нет.

Больному Дамиану сострадая,
 Письмо наутро написала Мая,
 В котором изложила, не таясь,
 Свои все чувства, про свиданья час
 И место не сказавши ни пол слова:
 Ему отиться, мол, всегда готова.

И вскоре, улучивши миг желанный,
 Она пошла проведать Дамиана
 И под подушку сунула ему
 Свое письмо. Не видно никому
 Потом больному руку крепко сжала,
 Поправиться скорее пожелала
 И поспешила прочь уйти тотчас —
 За ней супруг ее прислал как раз.

Наутро встал с постели Дамиан,
 Вдруг исцеленный от сердечных ран,
 И быстро нарядился в пух и прах,
 Чтоб отличиться в Маиных глазах.
 Явившись к Януарию, поклон
 Смиреннейший ему отвесил он
 И всем улыбки расточал так мило
 (Учивость хитрая — большая сила!),
 Что молодого всяк хвалил пажа
 И милостью дарила госпожа.

Теперь от Дамиана перейду
 К той повести, которую веду.

Высказывают некоторые мненье,
 Что содержанье счастья — наслажденье;
 И впрямь, старался Януарий мой
 Наладить так своей всей жизни строй,
 Чтоб полон был улады каждый миг:
 По-королевски этот жил старик.
 Все в доме было так заведено,
 Чтоб наслажденье доставлять одно.
 К уладам, коими он был богат,
 Причислить надобно роскошный сад
 С оградой каменной. Я б так сказал:
 Тот, кто “Роман о Розе” написал,
 Такой красы не описал бы. Слаб
 Тут оказался бы и сам Приап,
 Хоть божеством садов его зовут,
 Так был роскошен сад и дивен пруд,
 Над чьей водою лавр стоял, склонен.
 Нередко Прозерпина и Плутон,
 Толпою легких фей окружены,
 Плясали на краю его волны
 И чудно пели, люди говорят.

Наш рыцарь Януарий этот сад
 Облюбовал как место развлеченья,
 И строго было всем без исключенья
 Запрещено туда ходить; лишь он

Ключом, который был посеребрен,
В него калитку открывал порою.
Когда себя в долгу перед женою
Он чувствовал, тогда они одни
Там в летние прогуливались дни.
И доводил он до желанной цели
То, что доделать не успел в постели.

Так дни за днями весело текли,
Но кратко длятся радости земли
Для всех живущих под луною тварей, —
Узнал об этом скоро Януарий.

Непостоянный рок! Ты наделен
Не меньшей лживостью, чем скорпион:
Чаруешь нас блестящей головой,
Меж тем как жало хвост готовит твой.
Утека плотская, коварный яд,
Чудовище, чей так приветлив взгляд,
А помыслы полны такою скверной!
Всех надуваешь ты немилосердно.
Тобой обласкан Януарий был,
Но вдруг удар твой бедного сразил:
На оба глаза он ослеп и с горя
Стал смерть молить за ним явиться вскоре.

Увы, в разгар любви и наслажденья
Утратил рыцарь Януарий зренье,
Причем стряслось несчастье это вмиг.
Свою судьбу оплакивал старик,
И вместе с тем ревнивый страх, что вдруг
Свою жену он выпустит из рук,
Так жег его, что был бы рад на месте
Он умерщвленным быть с женою вместе.
Его пугало, что она найдет,
Пока он дышит иль когда умрет,
Любовника иль мужа, — он хотел
Навек ей вдовий навязать удел.
Но месяц миновал, потом другой,
И Януарий стал со слепотой

Свою примиряться беспросветной,
Понявши, что все жалобы тут тщетны.
Зато к жене глухая ревность в нем
Росла с неделей каждой, с каждым днем;
И до того дошел он, что жену
Не соглашался никуда одну
Теперь пускать, хотя бы даже в зал.
Повсюду он ее сопровождал,
При этом ни на шаг не отступая.
Немало это огорчало Маю,
Которая мечтала лишь о том,
Чтоб Дамиану угодить во всем, —
С такой она его любила силой.
И дни ее текли в тоске унылой.

С другой же стороны, и Дамиан,
Горюя, таял от сердечных ран:
Ему судьба не позволяла злая
Хотя б словечко мольвить милой Mae
Об остроте своих любовных мук
Так, чтоб его не услыхал супруг,
Всегда присутствовавший тут же близко.
Друг с другом все же тайной перепиской
Они снеслись, — и стало ясно им,
Какими каждый чувствами томим.

О Януарий, было б мало прока,
Когда бы взор твой мог бежать далеко,
Как корабли. Трудней ли обмануть
Того, кто видит, чем слепца? Ничуть.
Вот Аргус, например. Вся сотня глаз,
Которыми он мог глядеть зараз,
Ведь не спасла его от ослеплея.
Таких людей немало, без сомненья,
Хотя им это часто невдомек.

С ключа, которым открывал замок
В калитке муж, войти в свой сад желая,
Сняла на теплом воске снимок Мая
И снимок этот отдала пажу,

И тот, поняв отлично госпожу,
К калитке новый ключ подделал тайно.
Как этот ключ помог необычайно
Влюбленным, вы узнаете сейчас,
Коль вам угодно слушать мой рассказ.

Что правильней Овидиевых слов:
На этом свете нет таких оков,
Которых бы любовь не разорвала?
Тому примеров мы найдем немало.
Хоть Фисба и Пирам за днями дни
Томились врозвь в темнице, все ж они
Сквозь стену шепотом снеслись друг с другом.
Но я вернусь опять к моим супругам.
Однажды – это было в день восьмой
Июля месяца – вдруг рыцарь мой
Почувствовал такое вожделенье
К своей жене, что тотчас же решенье
Им было принято пойти с ней в сад.
“Вставай, жена, мой драгоценный клад! –
Ей крикнул он. – Нас горлица зовет,
Ушла зима с чредою непогод.
Жена, мне грудь твоя вина милей.
Свой голубиный взор яви скорей!
Со всех сторон наш огорожен сад.
К тебе я страстью пламенной объят.
Ты ранила меня, мой ангел нежный,
Свою чистотою белоснежной.
В наш милый сад вдвоем направим путь, –
Мне угешеньем и отрадой буды!”

Так похотливый бормотал старик,
А Мая Дамиану в тот же миг
Знак подала вперед проникнуть в сад.
Исполнить это Дамиан был рад:
Открыл калитку собственным ключом,
Он в сад вошел и скрылся под кустом.
Как сада он переступил порог,
Никто ни видеть, ни слыхать не мог.

Немного погодя пришел с женой
И Януарий, как скала слепой.
Захлопнувши калитку, он тотчас
Жене сказал: “В саду тут, кроме нас,
Нет никого. Супруга дорогая,
Моя любовь к тебе не знает края.
Свидетель мне на небесах Господь,
Которому подвластны дух и плоть,
Что лучше мне погибнуть от ножа,
Чем чуть тебя обидеть, госпожа.
Прошу тебя не забывать о том,
Что я женился на тебе, влеком
Любовью, не порывом вожделенья.
Хоть я не молод и лишился зренья,
Будь мне верна. Зачем, скажу сейчас –
Трех благ достигнешь этим ты зараз:
Любви Христа, своей отменной славы
И от меня по смерти всей державы.
В дар все добро мое принять прошу;
Об этом в завещанье напишу
Я завтра утром. А теперь, молю я,
Не откажи мне в нежном поцелуе.
В вину не ставь мне то, что я ревнив.
Навек твой образ в сердце сохранив,
Я понимаю, что с твоей красой
Согласовать преклонный возраст мой
Не так легко. Поэтому тебя
Всегда держу я при себе. Любя
Я это делаю, жена, поверь.
Покрепче поцелуй меня теперь”.

Такой ответ на мужчины слова
Она дала, пролив слезу сперва:
“Я озабочена не меньше вас.
Честь берегу свою превыше глаз,
А также женственности нежный цвет,
Вам посвященный до скончанья лет
С того мгновения, когда вдвоем

Мы с вами стали перед алтарем.
Поэтому вам так, о господин,
Отвечу я. Горчайшей из кончин
Пусть жизнь мою Создатель пресечет,
Пусть он как грешницу меня убьет,
Коль опорочу я когда-нибудь
Свой пол предательством и обмануть
Осмелюсь вас. А если обману,
В мешке меня, негодную жену,
Вы бросьте в воду. Уверяю вас,
Я женщину честной родилась.
Зачем вы говорите так со мной?
Вы все, мужчины, неверны душой,
А нас в неверности корите вечно,
Хотя б себя вели мы безупречно".

Тут Мая, к Дамиану обратясь,
В предупрежденье кашлянула раз
И пальцем подала тотчас же знак,
Чтоб он на грушу влез. Он сделал так,
Как милая ему велела Мая,
Ее все знаки лучше понимая,
Чем Январий, ни на миг из рук
Жену не выпускающий супруг.
О том, что делать, ряд предуказаний
Она ему в письме дала заране.
Итак, на груше он сидит, а Мая
С супругом развлекаются, гуляя.

Был ясный день, лучи златые Феба
Лились потоком с голубого неба,
И с радостью купались в них цветы.
Феб в Близнецах стоял, близ высоты,
Которая называнье носит Рака,
Близ мощного Юпитерова знака.
И в это утро, полное улады,
В одном из уголков далеких сада
Владыка сказочных краев Плутон,
Толпою фей прекрасных окружен,

Сидел с женой своею Прозерпиной,
Им взятой с сицилийской луговины,
Когда она цветы сбирала там.
(О том, как он ее похитил, нам
Рассказано подробно Клавдианом.)
На свежем дерне сидя перед станом
Прекрасных фей, к жене своей Плутон
Вдруг обратился так: "Я убежден:
Никто не будет отрицать всечасной
Измены жен своим мужьям. Прекрасный
Тому свидетель не один рассказ,
Что обличает как изменниц вас
И обвиняет в похоти проклятой.

О Соломон, премудрый, пребогатый
И славою затмивший всех царей!
Бесспорны для разумных всех людей
Твои слова о разнице большой
Между породой женской и мужской.
"Средь тысячи мужчин один хороши,
А женщины хорошей не найдешь", —
Так говорит он, подлость вашу зная.
Не лучше думает, я полагаю,
О женщинах Иисус, Сирахов сын.
За то, что вы терзаете мужчин,
Пускай пожрут вас пламя и чума!
Там рыцаря, достойного весьма,
Вы видите? Он зренье потерял
И стар уже. Так вот, его ж вассал
Ему рога сейчас наставит, — там,
На дереве, сидит, подлец! Но вам
Своим величеством клянусь, что зренье
Супругу возвращу я в то мгновенье,
Когда жена его затеет блуд;
Воочию он убедится тут,
Как низок и развратен женский нрав".
Фей королева, это услыхав,
Воскрикнула: "Пусть будет так, по мне!"

Но знайте, что внушу его жене
 И впредь всем женщинам ответов кучу.
 Им никакой не будет страшен случай.
 Хотя б их грех был выведен на свет,
 Найдет любая правильный ответ;
 За ним нам не придется лезть в карман,
 Хоть ясен будет мужу наш обман,
 Мы с наглым видом будем отрекаться,
 Рев подымать, слезами заливаться,
 И будет муж стоять, как глупый гусь.
 Ученых ваших ссылок не боюсь.
 Что Соломон? Пусть мудрый сей еврей
 И вправду в жизни не встречал своей
 Достойных женщин, — их зато немало
 Ведь множество других людей встречало.
 Не так уж беден ими белый свет.
 О мученицах забывать не след,
 Чья добродетель — всем нам назиданье.
 О добрых женах "Римские деяния"
 Упоминают тоже ведь не раз.
 Не гневайтесь, прошу об этом вас!
 Хотя бы даже прав был Соломон,
 Что не видал хороших женщин, — он
 Хотел сказать, что совершенен Бог,
 А смертный без различья пола плох.

Клянусь вам, не могу понять никак,
 За что вы Соломона чтите так.
 За то, что Богу он построил храм?
 За то, что был богат? Но ведь богам
 Языческим он тоже храм поставил
 И тем себя навеки обесславил.
 Нет, если говорить тут без прикрас,
 В распутстве он и в ереси погряз,
 А в старости о Господе забыл.
 Когда б его Всевышний не щадил
 Из-за отца покойного, то, право,

Давно б он учинил над ним расправу.
 Наветы все его на женщин — ложь!
 Я утверждаю, что цена им грош.
 Как женщина, я не могу молчать, —
 Чтоб успокоиться, должна кричать.
 Покуда на моей макушке волос
 Еще не выпал, буду в полный голос
 До хрипоты того разоблачать,
 Кто нас трещотками посмел назвать".

"Сударыня, — сказал Плутон в ответ, —
 Вам уступаю. Но я дал обет
 Вернуть почтенному супругу зренье,
 И приведен он будет в исполненье.
 Король я, — лгать не дело королей".
 "А я, мой сударь, королева фей, —
 Ответила на это Прозерпина. —
 Жену снабдить ответом не премину".
 "Пусть будет так", — сказал в ответ Плутон.

Теперь мы к рыцарю вернемся. Он
 Все продолжал бродить с прелестной Маей
 И напевать не хуже попугая:
 "Люблю тебя, ты жизни мне милей!"
 И вот они одною из аллей
 К той самой груше подошли обратно,
 Где на ветвях с надеждою приятной
 Сидел средь свежих листьев Дамиан.
 Тут Мая вдруг свой изогнула стан
 И начала стонать, как бы от боли:
 "О господин, всего на свете боле
 Желательно мне груш поесть сейчас,
 Не то умру я, уверяю вас.
 Ах, ради Пресвятой Марии-Девы,
 Вас умоляю, помогите мне вы.
 Ведь к зелени подобный аппетит
 Беременных нередко так мутит,
 Что отказать им было бы опасно".

На это Януарий: “Ах, напрасно
Слугу не взял я из дома с собой!
Сам не могу помочь, — ведь я слепой!”
“Большой беды тут нет, — сказала Мая. —
Ствол только обхватите (я ведь знаю,
Что нет ко мне доверия у вас),
И влезу я на дерево тотчас, —
Мне только бы на вас поставить ногу”.
“Пожалуйста! — ответил муж. — Ей-богу,
Согласен я и кровь пролить за вас”.

Он наклонился, Мая оперлась
И, сук схвативши, поднялась на грушу
(Простите, дамы, если я нарушу
Приличья, — безыскусствен мой язык);
Рубашку поднял Дамиан и вмиг
Проник, — куда, вам всем небось известно.

Поступок этот увидав бесчестный,
Плутон супруга сделал зрячим вдруг,
И тот, глазами обведя вокруг,
Почувствовал в душе блаженство рая,
Но скоро мысль ему пришла о Мае.

Он устремил на дерево свой взор
И вдруг увидел: так ее припер
Там Дамиан, что молвить неприлично.
Он издал крик отчаяния зычный,
Как мать кричит, чей сын навек уснул:
“Сюда, сюда, на помощь, караул!
Ты что там делаешь, я знать желаю!
Да что же это, Дева Пресвятая?”

На это Мая молвила в ответ:
“Сэр, выдергки у вас, я вижу, нет.
Мне рассказали, — я не лгу, ей-ей! —
Что, коль хочу вернуть вам свет очей,
На дереве вступить в борьбу мне надо
С мужчиною, и я была так рада,
Что мне устроить это удалось”.

“Ты вздор молоть, — ответил рыцарь, — брось
Ведь собственными видел я глазами,
Какая шла борьба там между вами.
Позор вам!” Мая же ему в ответ:

“Так, значит, в этом средстве прока нет,
Увы, вполне мне ясно, в самом деле,
Что вы, о господин мой, не прозрели.
Густая мгла вам застилает взор”.

“Да нет же, — крикнул Януарий, — вздор!
Вполне прозрел я и, тебе на срам,
Заметил, чем вы занимались там”.

На это Мая: “Сударь, вы больны.
Не знаю за собой иной вины,
Опричь желанья возвратить вам зренье”.

“Прости, — ответил муж, придя в смущенье, —
Коль я тебя обидел чем-нибудь.
Спустись ко мне и обо всем забудь.
Но мне казалось, что я вижу ясно,
Как Дамиан к груди твоей прекрасной
Склонился, вверх задрав рубашку”. — “Ах, —
Вздохнула Мая, — мгла у вас в глазах.
Как человек, проснувшийся недавно,
Предметы видит не совсем исправно, —
Всегда пройти какой-то должен срок,
Чтоб он отчетливо их видеть мог, —
Так точно и слепой, который зренье
Обрел внезапно, в первое мгновенье
Предметы видит как бы сквозь туман,
Ему еще грозит самообман;
Не раньше он, как через день-другой,
Проститься может с прежней слепотой.
Не забывайте, сударь, ради Бога,
Что на земле таких людей премного,
Которым кажется не то, что есть.
Им в заблужденье долго ли забрести?”
Развесил старый Януарий уши,

И только соскочила Мая с груши,
Он стал ее с восторгом целовать,
Живот ей гладить, всячески ласкать;
Потом пошел с ней вместе во дворец.
Тут длинной повести моей конец.
Здоровья и веселья вам желаю, —
Храни нас Бог и Дева Пресвятая.

Здесь кончается рассказ Купца о Януарии

ЭПИЛОГ К РАССКАЗУ КУПЦА¹

“Спаси нас Боже от такой жены! —
Вскричал трактирщик. — Женщины полны
Обмана, лжи и всяческих уловок.
Ведь как бы ни был муж злосчастный ловок,
Они, как пчелы, трудятся весь день,
Мед собирая; ты ж стоишь, как пень,
Опорой улья и глядишь печально,
Как лакомится медом гость нахальный.
Иль вот: верна, как сталь, моя жена,
Но не похвалится умом она.
Придирчива, горласта и сварлива,
Она не даст мне выпить кружки пива
С приятелем. Да что и говорить.
Всегда найдешь, за что жену бранить.
И, знаете, скажу вам по секрету,
Скорблю нередко, что обузу эту
Взвалил я на плечи, себя связал,
Когда жену свою я в жены взял.
Но, видит Бог, какой дурак я был бы,
Когда жены злонравие хулил бы.
Скажу по опыту — про то б узнала,
И крику было бы тогда немало;

А передал бы кто-нибудь из вас, —
Кто именно, неважно (всякий раз
Кого-нибудь найдет, кто б рассказал ей).
Поэтому молчу. Я слово дал ей
Молчать про то, что деется у нас.
Вот, стало быть, друзья, и весь мой сказ”.

¹ Перевод И. Кашкина.

Вступить в подобное соревнованье.
Свой долг считай отпущенными, Аврелий.
Мы словно бы не виделись доселе
И в первый раз встречаемся с тобой, —
Я от тебя полуушки ни одной
Взять не хочу за весь мой сложный труд.
С меня довольно, что оплачен тут
Мой стол. Прощай!” И после этих слов
Он на коня вскочил и был таков.

Вам, господа, вопрос один задам:
Скажите, самым благородным вам
Кто показался? Повесть же моя
Пришла к концу, поставил точку я.

Здесь кончается рассказ Франклина

РАССКАЗ ВТОРОЙ МОНАХИНИ

Пролог к рассказу Второй монахини

Пестунья грехов — ее народ
То называет Праздностью, то Ленью —
Всех смертных к адовым вратам ведет,
Лишь тот окажет ей сопротивление,
Кто в силах ей противостоять Рвенье,
И к этому стремиться мы должны,
Чтоб избежать засады сатаны.

Опутать нас он может постоянно
Бесчисленными тысячами пут;
Предайся праздности — и окаянный
Уж подстерег тебя, он тут как тут.
Тебя он за ворот — жесток и лют —
Хватает, и дрожат твои колени.
Не предавайся ж праздности и лени.

Хоть нас угрозы смерти не страшат,
Однако разум говорит нам ясно,
Что праздностью рождается разврат,
Всех мерзостей источник пре опасный.
Кто власти подчинен ее ужасной,
Весь день лишь есть, и пить, и спать готов,
И пожирать плоды чужих трудов.

Чтоб оградить себя от этой власти,
Которая нас к гибели ведет,
Решил я житие твое и страсти
Пересказать, дав близкий перевод.
Речь о тебе, Цецилия, идет,
Святая мученица, что к могиле
Пришла с венком из дивных роз и лилий.

*Inuocacio ad Mariam*¹.

Тебя, всех дев наичистейший цвет,
О ком святой Бернард писал так чудно
И без кого нам утешенья нет,
Прошу я просветить мой разум скучный
И мне про путь поведать многотрудный
Той, что снискала рая благодать,
О чем в легенде можно прочитать.

О дева-мать, рожденная от сына,
Что грех нам помогаешь побороть,
Всех милостей источник и причина,
В чьем лоне воплотился сам Господь!
Так взнесена тобой людская плоть,
Что Сына своего Творец вселенной
В нее облек для той жизни бренной.

В твоей утробе вечная любовь
Обличье приобрела людское;
Она, одета в нашу плоть и кровь,
Царит над морем, небом и землею,
Что ей хвалу поют без перебоя;
Девичьей не утратив чистоты,
Творца всех тварей породила ты.

¹ Обращение к Деве Марии (лат.).

Величие в себе соединила
Ты, Дева дев, с такою добротой,
Что — совершенства дивное светило —
Взор благодатный обращаешь свой
Не только к тем, кто с жаркою мольбой
Лежит у ног твоих, — ты милосердна
К тем даже, чьи уста замкнула скверна.

Так помоги же, чудо естества,
Мне, твари, брошенной в юдоль печали!
Припомни хананеянки слова:
“Щенки себе все крохи подобрали,
Что со стола Господнего упали”.
Хоть грешен я, меня не оттолкни,
Мне в доблесть веру жаркую вмени.

Без дела вера не мертвяль, однако?
Даруй мне силу труд исполнить мой,
Чтоб мог я вырваться из царства мрака,
О доброты источник неземной!
Будь мне, молю, заступницей святой
Там, где Творца все славит неустанно,
О мать Христа, о дочь блаженной Анны!

Твой свет небесный в душу мне пролей, —
Она лежит больной в темнице тела,
Придавленная тяжестью страстей,
Томясь в тенетах плотского удела,
К тебе, Благая, прибегаю смело:
Ты для страдальцев — пристань и приют,
Благослови меня начать мой труд.
У вас, читатели, прошу прощенья
За то, что неискусен мой рассказ,
Что он не вызывает восхищенья
Разнообразием своих прикрас.
Но я его пересказал для вас,

Легенде следя, ее словами.
Коль плох мой труд, его исправьте сами.

*Interpretatio nominis Cecilie, quam ponit
frater Jacobus Ianuensis in Legenda Aurea.¹*

Смысл имени Цецилии святой
Истолковать сначала тут уместно.
Перевести на наш язык родной
Его мы можем “лилией небесной”.
Душою целомудренной и честной
И чистотой, прозрачною до дна,
Не заслужила ли его она?

А можно в этом имени “Дорога
Для тех, кто слеп”, пожалуй, прочитать,
Ведь многим помогла она у Бога
Снискать себе навеки благодать.
Позволено еще предполагать,
Что рядом с небом названа здесь Лия, —
Стремленье совершать дела благие.

Отсутствие душевной слепоты,
Быть может, это имя означает:
Что взор ее был полон остроты
И мудрости, об этом кто не знает?
Да нет же, имя дивное включает
Словечко Леос, и не зря народ
Святую небом всех людей зовет.

С народом равнозначно слово это,
И как нам с неба солнце, и луна,
И хор созвездий льют потоки света,
Так, бесконечной святости полна,

Всем людям в душу свет лила она
Свою мудростью, свою верой
И добротой, не ведающей меры.

Как наделяет мудрецов чреда
Свод неба быстротою и гореньем,
Так и Цецилия в делах всегда,
Сердечно каждым дорожа мгновеньем,
Неутомимым отличалась рвеньем
И пламенной горела добротой.
Вот объясненье имени святой.

*Здесь начинается рассказ Второй монахини
о жизни святой Цецилии*

В семействе благородном, в граде Риме,
Цецилия узрела Божий свет;
Евангелья лучами неземными
Был в колыбели дух ее согрет.
Богобоязненная с юных лет,
Она молила небо неустанно
Оставить девственность ее сохранной.

Когда година в брак вступить пришла
И в храм она, на радость прихожанам,
Венчаться с женихом своим пошла, —
Он молод был и звался Валерьяном, —
Она, охваченная пылом рьяным,
Под белым платьем с золотой каймой
Во власяницу стан одела свой.

Внимая пению музыки органной,
Цецилия молилась Богу так:
“Остаться чистой дай, чтоб окаянный
Не мог мной овладеть навеки враг”.

¹ Объяснение имени Цецилия, как оно изложено братом Иаковом Генузским в книге, называемой “Золотая легенда” (лат.).

Дабы Распятому любви дать знак,
Пред свадьбой через день она постилась
И горячо Всевышнему молилась.

Когда же новобрачные для сна
В опочивальню удалились вместе,
Шепнула мужу на ухо она:
“О милый мой, внемли своей невесте!
Я тайну некую тебе по чести
Должна поведать, но прошу тебя
Ее не разглашать, меня любя”.

Поклялся Валерьян, что тайны этой
Он никогда не выдаст никому,
Нигде, ни за какие блага света,
И молвила тогда она ему:
“И днем, и сквозь густую ночи тьму
С собою ангела я чую рядом
С пылающим любовью горней взглядом.

Заметь он, что тебя ко мне влечет
Нечистое, земное вожделенье,
Чтоб защитить меня, он пресечет
Младую жизнь твою без сожаленья.
Но если чистое в тебе горенье
Увидит он, то, как и я, любим
За чистоту души ты будешь им”.

В ответ, руководим Господней волей,
Воскликнул Валерьян: “Твоим словам
Я не могу довериться, доколе
Лик ангела я не увижу сам.
Узрев его, я тайны не предам,
Но если мил тебе другой мужчина,
Вас ждет обоих горькая кончина”.

Цецилия промолвила в ответ:
“Его увидишь, и Христовой славы

Прольется на тебя небесный свет.
Дорогой Аплиевой от заставы
Пройдя три мили, в хижине дырявой
Ты бедняков найдешь. Поведай там
То, что сейчас тебе я передам.

Скажи, что к ним затем ты послан мною,
Чтобы святой Урбан тебе помог
Найти стезю к душевному покою,
И только переступит он порог,
Все расскажи ему в кратчайший срок.
Когда очистит он тебя от скверны,
Тебе предстанет ангел, страж мой верный”.

И Валерьян в дорогу поспешил,
Как только свет забрезжил, утром рано,
И за заставой средь святых могил,
Нашел святого старика Урбана.
Тот, выслушав признанье Валерьяна,
Весь просиял, и руки вверх простер,
И увлажненный поднял к небу взор.

“Исусе, — он воскликнул, — Боже правый,
Всех страждущих опора и оплот,
Бессмертной веры сеятель и славы,
Прими из рук моих созревший плод
Посева, что в Цецилии живет.
Подобна рвением пчеле примерной,
Она тебе рабыней служит верной.

Ее супруг, что словно гордый зверь,
Готов был прежде драться с миром целым,
Явился от нее сюда теперь,
Как агнец, мирен и душой и телом”.
Тут некий старец вдруг в наряде белом
Вошел и рядом с Валерьяном стал;
В руках он книгу дивную держал.

У Валерьяна помутилось зренье,
И он упал, а тот, подняв его,
Из досточтимой книги начал чтенье:
“Един Господь, создавший естество,
Един завет и паstryр у всего,
Что в мире этом, бездной зла объято”.
Начертаны слова те были златом.

Прочтя их, старец вопросил: “Сему
Ты веришь или нет, — я жду ответа”.
И Валерьян ответствовал ему:
“Да, верю, ибо правды выше этой
На свете нет и нет за гранью света”.
И старец вдруг исчез, как некий сон,
И Валерьян Урбаном был крещен.

Домой вернувшись в полдня час пригожий,
Жену застал он в комнате своей,
И два венка прекрасных ангел Божий
Пред ней держал — из роз и из лилей.
И вот один венок он подал ей,
Другой же юному ее супругу;
Потом обоих их подвел друг к другу.

“Венки храните эти, — молвил он, —
Ни тел своих, ни душ не оскверняя.
Не страшен увядания закон
Цветам, что я принес для вас из рая.
Им смертью не грозит зима седая.
Но зримы лишь для тех они, чей дух
Пороку враг, к земным соблазнам глух.

Ты, Валерьян, за то, что назиданью
Святому не противился, открой,
Какое в сердце ты таишь желанье”.
“Есть у меня, — тот молвил, — брат родной,
Которого люблю я всей душой.

Я буду счастлив, если и на брате
Почиет дух небесной благодати”.

И ангел рек: “Войдете в райский сад
Вы оба; вам, за муки в небо взятым,
Там предстоит отрада из отрад”.
Тут брат Тибурций вдруг предстал перед братом,
Чудесным пораженный ароматом
Лилей и роз, дивился в сердце он
Благоуханию со всех сторон.

“Откуда, — молвил, — в это время года
Такое благовоние лилей
И роз могла еще найти природа?
Когда б я их держал в руке своей,
Их благовонье не было б сильней.
Я в сердце благовонье это чую —
Оно в меня вдыхает жизнь иную”.

“У нас венки, — услышал он в ответ, —
Из алых роз и белоснежных лилий;
От глаз твоих сокрыт их нежный цвет,
Хоть запахом они тебя пленили.
Но если ты, не пожалев усилий,
Отыщешь путь, ведущий к небесам,
Ты будешь видеть их, подобно нам”.

Тибурций молвил: “Наяву ль, во сне ли
Твои слова я слышу, брат родной?”
“Во сне, — ответил Валерьян, — доселе
Мы жили; голос истины живой
Теперь нас пробудил”. — “О брат, открой, —
Вскричал Тибурций, — слов твоих значенье”.
И тот в ответ: “Внемли же объяснению”.

Мне ангелом указан к правде путь;
Отринув идолов душою честной,

Ты тоже можешь на него свернуть".
 Венки созданием любви небесной
 Считал святой Амвросий, как известно.
 Вот как учитель благородный сей
 О нем глаголет в повести своей.

Чтоб заслужить страстной венец нетленный,
 Цецилия, Всевышнему верна,
 Отринула соблазны плоти бренной;
 В признаниях и Тибурций и она
 Нам подтвердили это все сполна.
 С небес тогда Создатель всеблагой им
 Чрез ангела послал венки обоим.

Был обращен супруг и брат его
 Младою девственницей для начала.
 Вот чистоты святое торжество!
 Тибурцию Цецилья доказала,
 Что идолы глухие стоят мало,
 Что им живое слово не дано
 И бросить их пора уже давно.

"Кто думает иначе – тот ничуть, –
 Ответил юноша, – не лучше зверя".
 Она его поцеловала в грудь
 И молвила: "Мне братом будь по вере!
 Перед тобой открыты в небо двери".
 Потом, к нему приблизившись на шаг,
 Она ему еще сказала так:

"Как мне стать брата твоего супругой
 Велел закон Христовой доброты,
 Так я в тебе нашла сегодня друга,
 Когда от идолов отрекся ты.
 Себя смирив обетом чистоты,
 Прими крещенье – и прозревшим взглядом
 Увидишь ангела с собою рядом".

Тибурций молвил: "Дорогой мой брат,
 Куда пойду я, перед кем предстану?"
 А тот в ответ: "Спокойен будь и рад,
 Я к Папе поведу тебя Урбану".
 Тибурций, подошедши к Валерьяну,
 Воскликнул: "Странны мне твои слова,
 И верю я ушам своим едва.

Ты не о том ли говоришь Урбане,
 Что, к смерти осужденный столько раз,
 Живет в норах, – подобно дикой лани
 От человеческих скрываясь глаз?
 Его бы на костре сожгли тотчас,
 Когда б могли найти, и в это пламя
 Мы, как сообщники, попали б сами.

Покуда, в небеса вперяя взор,
 В глуби мы ищем истинного Бога,
 Тут, на земле, поглотит нас костер".
 Цецилия его прервала строго:
 "Поверь, тогда лишь стоила бы много
 Земная жизнь, исполненная зла,
 Когда б она единственной была.

Но есть иная жизнь в ином пределе,
 Которая не ведает конца.
 Нам к этой жизни, как к блаженной цели,
 Путь кажется Сын Небесного Отца,
 Благого Вседержителя-Творца,
 Чей Дух Святой бессмертною душою
 От века наделяет все земное.

Благая и торжественная весть
 Принесена на землю Божиим Сыном,
 Что, кроме этой, жизнь иная есть".
 "Сестра, – вскричал Тибурций, – ты единственным
 Не назвала ли Бога властелином?

Я понял, что один над нами Бог, —
А ты мне говоришь теперь о трех”.

Она на это: “Слушай разъясненье:
Как состоит разумный дух людской
Из памяти, ума, воображенья,
Так может быть присущ состав тройной
И божеству, Тибурций дорогой”.
Затем ему Цецилья в поученье
Про жизнь Христа, про все его мученья

Поведала, про гибель на кресте:
О том сказала, как людскому роду,
Погрязшему в грехе и суете,
Сын Божий вечную предрек свободу.
И вот Тибурций, что впервые сроду
О Сыне Божьем услыхал рассказ,
К Урбану с братом двинулся тотчас.

Урбан, вознесши Господа молитву,
Крестил его и рыцарем дал стать,
Всегда готовым на святую битву.
На юношу такая благодать
Тогда сошла, что мог он созерцать
Всечасно ангела; ни на мгновенье
Его не покидало провиденье.

Всех знамений, что дал им свет Христов,
Не перечислить, — было их немало.
Но день пришел, когда в конце концов
Их городская стража разыскала.
Префект Алмахий, допросив сначала,
Их к статуе Юпитера послал:
И слово им в напутствие сказал:

“С тех головы долой, кто богу Рима
Не пожелает жертву принести”.

Потом, корникулярия Максима
Призвав, ему велел их отвести;
Святых на их страдальческом пути
Сопровождая, тот душой умильной
Им сострадал и слезы лил обильно.

Когда он слово услыхал святых,
От них велел он катам отступиться,
Затем позвал к себе он на дом их.
И не успело солнце закатиться,
Как светом веры озарились лица
У катов и Максима, — их сердца
Очистили святые до конца.

Цецилья позже, под ночным покровом,
Священников к Максиму привела
И вновь крещенным именем Христовым
Промолвила, душою весела:
“Оставьте ваши темные дела,
Оружьем света препояшьтесь ныне,
О рыцари небесной благостины!

Вы можете гордиться, о друзья,
Одержанной победою отменной.
Вам в небе справедливый Судия,
Все видящий из глуби сокровенной,
Венец готовит радости нетленной”.
Как только голос девственницы стих,
На площадь братьев повели святых.

На площади они ни воскурений,
Ни жертвы идолу не вознесли;
Благочестиво преклонив колени,
Они беседу с Господом вели,
Далекие от помыслов земли,
И отсекла их головы секира,
И души их взнеслись к Владыке мира.

Потом Максим, присутствовавший там,
В слезах сказал, что видел, как вспарили
Бессмертные их души к небесам
Под сенью светлых ангельских воскрылий.
И те слова премногих обратили.
Префектом к бичеванию присужден,
Под плетью отдал Богу душу он.

Цецилия его похоронила
Под камнем, где покоился супруг
И где Тибурция была могила.
А вслед за тем велел Алмахий вдруг
Отряду воинов своих и слуг
Цецилью привести для воскуренья
Пред идолом и жертвоприношенья.

Но воины и слуги, как один,
Уверовали все в ее ученье
И, плача, восклицали: “Божий Сын –
Бог истинный, и только в нем спасенье.
В него мы верим, раз он в услуженье
Таких рабынь имеет, как она;
Отныне пытка нам уж не страшна”.

Префект потребовал, чтобы святая
Пред ним тотчас предстала, и едва
Она вошла, он, голос возвышая:
“Ты что за женщина?” – спросил сперва.
“Патрицианка родом и вдова”, –
С достоинством Цецилья отвечала.
“Да нет же, веру назови сначала!”

“Зачем же ты вопрос поставил так,
Чтоб им предполагалось два ответа?
Так задает вопросы лишь простак”.
Префект Алмакий, в гордости задетый,
Спросил ее: “Откуда резкость эта?”

“Откуда? – молвила Цецилья. – Внушена
Мне совестью и верою она”.

“А не страшит тебя, – спросил Алмакий, –
Префекта власть?” Она ж ему в ответ:
“Земная власть держать не может в страхе
Того, кому открылся правды свет.
Ведь ничего в ней, кроме спеси, нет,
Как в пузыре: проткни его иглою –
И сморщеный комок перед тобою”.

“Ты на плохом пути стоишь сейчас, –
Он молвил, – и упорствуешь напрасно;
Про августейший слышала приказ?
Смерть христианам! – говорит он ясно.
В том только случае, коль ты согласна
Немедленно отречься от Христа,
Жизнь у тебя не будет отнята”.

“И государи могут в заблужденье
Впасть, как и все, – ответила она. –
Несправедливы ваши обвиненья.
Скажи, в чем наша состоит вина?
Не в том ли, что душа у нас полна
Любви к Христу, что мы всегда готовы
Святое имя защищать Христово?

Дороже жизни имя это нам”.
Префект ответил, помолчав немного:
“Иль нашим жертву принести богам,
Или от вашего отречься бога
Должна ты, – вот к спасению дорога”.
С улыбкой, осветившей ей уста,
Ответила любимица Христа:

“Судья мой, принуждая к отреченью
От горней чистоты, меня ты сам

На тяжкое толкаешь преступленье.
Лукавит он, — ужель не ясно вам?
Ведь это видно по его глазам".
“Молчи! — вскричал префект, — ни слова боле!
Про власть мою ты не слыхала, что ли?

Что воле ты подчинена моей,
Тебе — скажи! — ужели неизвестно?
В моих руках и жизнь и смерть людей.
Гордыню брось, — гордыня неуместна".
Она в ответ: “Я говорила честно,
Не гордо, — ибо гордости порок
Нам ненавистен и от нас далек.

Коль не боишься правды, то скажу я
Тебе во всеуслышанье, судья:
Сейчас изрек ты похвальбу пустую,
Сказав: “И жизнь и смерть дарую я".
Не так уж безграницна власть твоя.
Что жизнь отнять ты можешь, я согласна,
Но в остальном ты хвастаешь напрасно.

Скажи, что смерть в руках своих несешь,
И прав ты будешь; все же остальное —
Лишь похвальба бесстыдная и ложь".
Префект сказал: “Смирись передо мною
И жертву принеси! Глаза закрою;
На то, что ты со мной груба была;
Закон философа — не помнить зла.

Но не стерплю, чтоб ты мне поносила
Богов, которыми гордится Рим".
Она ответила: “Судья немилый,
За время, что с тобой мы говорим,
Ты каждым словом убеждал своим,
Что как чиновник ты годишься мало
И быть тебе судьёю не пристало.

Поражены, должно быть, слепотой
Твои глаза. Тому, кто видит, — ясно,
Что это камень, камень лишь простой, —
Беспомощный, недвижный и безгласный,
А для тебя он божество, несчастный!
Слепец, к нему рукою прикоснись
И в том, что это камень, убедись.

Смеются над тобою повсеместно,
Ах, не позор ли это и не стыд?
Ведь даже простолюдину известно,
Что в небе Бог от взора смертных скрыт.
А идол, что на площади стоит, —
Он и себе и людям бесполезен
И лишь безумцу может быть любезен”.

Разгиевала префекта эта речь,
И он тотчас же отдал приказанье
Домой святую отвести и сжечь
Ее в натопленной отменно бане.
И в пекло, раскаленное заране,
Была Цецилия заключена,
Чтоб задохнулась там в чаду она.

Однако ночь прошла и день за нею,
А страшный банный жар бессилен был
Осуществить преступную затею;
На лбу ее и пот не простили.
Но все же рок ей в бане смерть судил:
Убийцу подоспал Алмахий злобный,
Чтоб тот ее отправил в мир загробный.

Ей шею трижды полоснув, рассечь
Ее не смог он — не хватило силы
Снять голову мечом кровавым с плеч.
А власть в те дни недавно запретила
Удар четвертый, если пощадила

Три раза смерть, и потому злодей
Из страха не дерзнул покончить с ней.

Цецилию, всю залитую кровью,
Оставил он и удалился прочь,
А христиане, движимы любовью,
В платки сбирали кровь ее всю ночь.
Три дня ей удавалось превозмочь
Боль страшную; собой пренебрегая,
Любить Христа учила их святая.

Она им отдала добро свое
И молвила, их приведя к Урбану:
“Услышал Бог моление мое,
Дал мне три дня сносить тройную рану,
И, прежде чем дышать я перестану,
Их души в руки я тебе отдан:
Мой дом да будет превращен во храм”.

Ее Урбан и причт похоронили,
Когда спустилась ночь на землю, там,
Где прах других святых лежит в могиле.
Стал дом ее — святой Цецильи храм,
Где и поныне, как известно нам,
Христу и всем святым его усердно
Молитвы люд возносит правоверный.

Здесь кончается рассказ Второй монахини

ПРОЛОГ СЛУГИ КАНОНИКА

Пролог к рассказу Слуги каноника

Когда святой Цецильи житие
Пришло к концу (случилось же сие,
Когда от Бутон-андер-Блийн пройти
Успели мы не больше миль пяти),
Стал нагонять нас спутник. Весь был взмылен
Конь серый в яблоках; его три мили,
Должно быть, гнал хозяин, и бока
Ходили ходуном. Стан седока
Сутана черная совсем скрывала,
Лишь стихаря белел кусочек малый
А конь слуги был пеною покрыт,
И заморен, и плеткою избит,
И весь от пены был он белобокий, —
Расцветка, что идет одной сороке.
Вся в белых ключьях сбруя обвисала,
А переметные сумы болтало.
Одежду я не сразу распознал
И долго бы, наверное, гадал,
Когда б того случайно не заметил,
Как сшит был капюшон; по той примете
Вмиг, что каноник он, я догадался.
И правда, он Каноник оказался.
Болталась на шнурочке за плечом
Большая шляпа. Толстым лопухом

Прикрыл он темя, капюшон надвинул
Так, что накрыл и голову и спину,
И подвойной защитой их потел он,
Как перегонный куб, что чистотелом
Иль стенницей лекарственной набит
И сок целебный, словно пот, струит.
Коня пришпорил он, нас нагоняя,
И на скаку кричал: “Да охраняет
Вас крест Христов; я вас хотел догнать,
Чтоб в Кентербери путь свой продолжать
В приятном обществе совместно с вами”.

Его Слуга был также вежлив с нами:
“Лиши только поутру я увидал,
Что собрались вы, тотчас я сказал
Хозяину, что надо вас догнать бы, —
И скучи, сэр, во всю дорогу знать вы
Не будете, — а он скучать не любит”.

“Да, верно. Скука хоть кого погубит, —
Сказал трактирщик. — Ты же, друг мой, прав,
Такой совет разумный преподав.

Твой господин, видать, веселый малый,
И если человек к тому ж бывалый,
Быть может, нас рассказом позабавит?”

“Кто, сэр? Хозяин мой? Да он заставит
Кого угодно праздность позабыть.
Коль привелось бы вам с ним год прожить,
Вы б убедились: мастер на все руки
Хозяин мой. С ним не узнаешь скучи.
Он над своей ретортой ночь не спит,
Поесть забудет — знай все мастерит.
Он много дел таких теперь задумал,
Что вы лишь рот разините: к чему, мол,
Такое деется? Вы не глядите,
Что так он прост; знакомство заведите,
И я готов хоть об заклад побиться,
Что предпочтете золота лишиться,

Чем дружбы с ним. Вот видите каков?
О нем рассказывать — не хватит слов”.

“Вот так, — сказал трактирщик, — расскажи же,
Кто господин твой? Выше нас иль ниже, —
Но он, должно быть, человек ученый,
К тому ж священным саном облеченный”.

“Он больше, чем ученый; в двух словах
Не рассказать вам о его делах.
В таких премудростях он преуспел,
Что, если бы я даже захотел
Вам их поведать, не напечь бы слов
(Хоть я свидетель всех его трудов).
Когда бы пожелал, он всю дорогу
До Кентербери вашего, ей-богу,
Устлать бы мог чистейшим серебром
Иль золотом. Не верите? Пусть гром
Меня настигнет, пусть накажет небо,
Пусть не вкушать мне ни вина, ни хлеба!”

“Хвала Христу, — трактирщик тут сказал, —
Но если господин твой путь узнал
К премудрости такой, к богатству, силе,
Что ж о себе, друзья, вы позабыли?
Грязна его одежда и ветха.
Конечно, может быть, и нет греха
В таком смирении, но все ж скучиться
Всесильному как будто не годится.
Что ж, он неряха, что ли, твой ученый,
Раз он дорогой, серебром мощеной,
Чуть ли не в ру比ще готов скакать?
Того причину нам прошу сказать”.

“Увы, не спрашивайте вы меня!
Хотя бы вся прославила земля
Хозяина, богатым он не станет,
Коль мудрствовать и впредь не перестанет;
Лишь вам скажу, и строго по секрету,
Что непавижу я всю мудрость эту.

Переборщишь – не выйдет ничего,
Сказал мудрец, милорда ж моего
Не убедишь; упрется на своем он,
Когда и я, на что уж темный йомен,
По смыслу здравому подвох пойму.
Но как мне это втолковать ему?
Пошли Господь хозяину прозренье,
Одна надежда в том, одно спасенье.
Мне тяжело об этом говорить”.

“Ну, полно, друг, скорбь надо разделить.
Уж если знаешь ты премудрость эту,
Так преступления большого нету,
Коль нам о ней поведаешь. Как знать,
Быть может, кто-нибудь из нас понять
Хозяину поможет заблужденье.
Скажи, живете где, в каком селенье?”
“В предместьях городских или в трущобах
Живем, как воры, как бродяги, оба.
Мы днем не смеем носу показать.
Вот как живем, коль правду вам сказать”.

“Зачем ты словно вымочен весь в синьке,
Зачем в лице твоем нет ни кровинки?”

“Всю выжгло кровь, и сам я весь зачах,
Плавильный разжигаючи очаг;
А в зеркало мне некогда смотреться, —
Слежу весь день, чтоб горн мог разгореться
И сплавил нам неоценимый сплав.
В огне сжигаю жизнь свою дотла.
Вотще! Не думаю достигнуть цели,
Хотя бы без остатка мы сгорели.
И скольких соблазняем мы мечтой;
Тут корону мы займем, там золотой,
А то и сразу фунтов десять, двадцать.
И заставляем дурней дожидаться,
Покуда фунт не обратим мы в два.
У нас самих кружится голова:

Их обманув, себя надеждой тешим,
Свои ошибки повторяем те же.
Опять, как прежде, ускользает цель.
Похмелье тяжкое сменяет хмель.
А завтра простаков мы снова маним,
Пока и сами нищими не станем”.

Рассказ слуги каноник услыхал,
Подъехал ближе; всех подозревал
В злом умысле он и всего боялся,
Поэтому и тут перепугался.
Катон сказал, что тот, кто виноват,
Все на свой счет принять готов; но рад
Свалить на ближнего свою вину.
Слуге каноник крикнул: “Прокляну!
Молчи, ни слова больше, плут коварный!
Меня порочишь ты, неблагодарный.
Кричишь о том, что должен был скрывать.
Смотри, заставлю я тебя молчать”.

“Да что он в самом деле кипятится? —
Спросил трактирщик. — Пусть его позлится.
А ты, дружок, без страха продолжай”.

“Да я и не боюсь его; пускай
Грозится он”, — сказал слуга, и сразу
Каноник понял, что его рассказу
Ничем теперь не сможет помешать,
И со стыда пустился прочь бежать.

“А, вот ты как! — вскричал слуга. — Трусишка!
Тогда я обо всех твоих делишках
Всю правду выложу. Будь проклят час,
Когда судьба свела с тобою нас!
Клянусь, теперь уж больше не заставишь
Служить себе. Угрозой, что отравишь,
Меня пугаешь ты. Ну, нет, шалишь.
Ведь сколько раз, бывало, говоришь:
Уйду от черта! А уйти нет силы,
Хоть он тащил меня с собой в могилу.

Пускай Господь меня бы вразумил
И рассказать о чарах научил.
Таиться нечего. Мне все равно,
Ведь душу погубил я с ним давно".

*Здесь кончается пролог
к рассказу Слуги каноника*

РАССКАЗ СЛУГИ КАНОНИКА

*Здесь Слуга каноника начинает
свой рассказ*

Почти семь лет с каноником я прожил,
А чтоб ума я нажил — непохоже.
Все, что имел я, — потерял напрасно,
И сколькие той участи ужасной
Со мной подверглись. Прежде свой наряд
Я в чистоте держал, и, говорят,
Видней меня средь слуг и не видали.
Теперь чулок, случалось, надевали
Мы с ним на голову; румянец щек,
Свинцом отравленных, совсем поблек.
Кто в том погряз, хлебнет, бедняк, он горя,
Увы, хоть я и понял это вскоре,
Но мне застлал глаза как бы туман —
Мультиплицирования дурман.
А скользки выгоды такой науки
И не даются человеку в руки.
И вот в кармане нет и медяков,
А за спиною всяческих долгов
Такая ноша, что до самой смерти
Нам с ними не разделаться, поверьте.
Моя судьба — неопытным урок.
Начать лишь стоит, а потом игрок
За ставкой ставку без конца теряет,

Пока дотла всего не проиграет.
Ничто ему не восстановит разум,
Теряет кошелек и ум свой разом.
И не подняться уж ему вовек,
И конченый совсем он человек.
Когда ж свое богатство промотает,
К тому же и других он подстрекает,
Ведь злому человеку в утешенье
Чужие горести и разоренье.
Мне так один ученый объяснил,
И вот на что я жизнь свою убил!

К дурацкому занятью приступая,
Мы мудрецами кажемся, блестяя
Ученейшими терминами; печь
Я раздуваю так, как будто скечь
Себя самих в ней думаем. Напрасно
Вам объяснять все то, что все ж неясно
Останется: пропорции, и дозы,
И вещества, которых под угрозой
Жестокой мести не могу назвать.
Пять или шесть частей вам лучше брать
В сплав серебра, иль олова, иль ртути;
Какой осадок будет вязкой мути,
Как надо опермент, кость и опилки
Стирать в мельчайший порошок, в бутылке
Настиавать определенный срок,
Потом ссыпать все в глиняный горшок,
Солить и перчить и листом стеклянным
Прикрыть, полив раствором окаянным.
Перевязать горшок кишкой ослиной
И наглухо кругом обмазать глиной,
Чтоб воздух доступа не находил
И чтоб горшка огонь не раскалил
Нагревом длительным и постепенным.
И вот трясеешься над горшком бесценным,
А там до одуренья кальцинируй,
Выпаривай, цеди, амальгамируй

Меркурий, в просторечье он же ртуть,
А дело не сдвигается ничуть.
Берем мы тот меркурий со свинцом
И в ступке трем порфировым пестом,
Примешиваем серу и мышьяк,
Отвешиваем части так и сяк —
И все напрасно, ни к чему наш труд.
Какие б газы ни вмешал сосуд,
Как ни сгущай на дне его осадок,
А результат по-прежнему не сладок.
И снова черт какой-то нам назло
Подстроит так, чтоб прахом все пошло:
И труд, и время, и затраты наши.
Да, смерть и то такой надежды краше.
Как на себя не наложил я рук!

Жаль, не силен я в тонкостях наук
И не умею толком объяснять,
Не то я мог бы много рассказать
Того, что вам вовеки не измыслиТЬ.
Попробую так просто перечислить
То, что само собой на ум придет,
А тот, кто ведает, пусть разберет.

Цветные земли, сера и зола,
Сосуды из графита и стекла,
Реторты, колбы, тигли и фиалы,
Сублиматории и уриналы,
Куб перегонный, волоски к весам
И прочий никому не нужный хлам.
Орех красильный, мочевой пузырь,
Мышьяк и сера, ртуть и нашатырь,
Четыре элемента свойств летучих,
Непознанных, коварных и могучих.
А разных трав, так тех не перечесть,
Когда бы захотел я все привезть.
Но валерьян, репей и лунный корень
Упомяну — они смягчают горе.

Калим мы тигель день и ночь, реторту,
А там, глядишь, опять наш сплав ни к черту.
И вот опять до света кальцинируй,
Подщечивай, цеди и дистиллируй
Сквозь глину, мел, а то и сквозь белок,
Сквозь соль, бурю, поташ, золу, песок,
Сквозь реальгар, вощеную холстину
И с волосами смешанную глину,
Сквозь разный уголь, воск, сухой навоз;
Подмешивай селитру, купорос,
Сурьму и сурик, серу и мышьяк,
Иль винный камень, бурый железняк,
Иль сплавы всякие, коагуляты,
Которые металлами богаты.
Как будто дело и к концу подходит,
Смесь зашипит, забулькает, забродит –
Тогда мешай, болтай и цементируй,
И серебром составы цитринириуй.
А выплавишь, испробуешь – и вот
В итоге новый припиши расход.

Еще скажу, что существуют в мире
Семь твердых тел, летучих же четыре.
Хозяин мой так часто их твердил,
Что наконец и я их заучил.
Летучие – мышьяк, ртуть, также сера
И нашатырь. Иная твердых мера
И знак иной: у золота – солнца зрак,
У серебра – луны ущербной знак;
Железо – Марс, Меркурий – это ртуть
(Он и в металле хочет обмануть),
Сатурн – свинец, а олово – Юпитер,
И медь – Венера. Сотни колб я вытер,
И хоть бы зернышко одно на дне,
Хоть отблеск солнечный увидеть мне.

И кто ввязался в наше ремесло,
Тому конец. С собою унесло
Оно богатств и жизней очень много.

В нем к разорению верная дорога.
И кто безумство хочет проявить,
Пускай начнет он золото варить.
Кого к себе обогащенье манит,
Пускай философом несчастный станет.
По-вашему, нетрудно изучить
Искусство это? Нет! И можно быть
Каноником начитанным иль братом,
Священником, иль клерком, иль прелатом,
А этого искусства не постичь –
Такая в нем нелепица и дичь.
А неученому так и подавно
Век не понять науки своенравной.
Но будь он книжник или будь невежда,
Добиться цели – тщетная надежда.
Исход трудов, увы, сравняет всех.
Недостижим в алхимии успех.

Забыл еще сказать я о бутылках,
О едких водах, кислоте, опилках.
О растворении стущенных тел
И о стущенье, коль осадок сел,
О разных маслах, о заморской вате, –
Все рассказать, так Библии не хватит
И самой толстой; эти имена
Забыть хотел бы. Всем одна цена.
Об этом всём я зря разговорился,
От этих дел и черт бы сам взбесился.

Ну, дьявол с ним! Еще хочу сказать,
Что философский камень добывать
Стремимся все, а этот эликсир
Помог бы нам перевернуть весь мир.
Но дело в том, что, сколько мы ни бьемся
(Иной раз кажется, что надорвемся),
А эликсира в колбах нет следа.
Но нас не покидает никогда
Надежда, что на дне он заблестит
И все расходы наши возместит;

А не надейся мы, наш труд и горе
С ума свели бы нас, несчастных, вскоре.
И, на беду, надежда та крепка,
До самой смерти манит дурака.
И ремесло свое он не клянет:
Он сладость в горечи его найдет.
Алхимиков уж таковы замашки, —
Они постель заложат и рубашку
И плащ последний лучше продадут,
Чем скрытые мечтанья предадут.
Скорей они кого-нибудь задушат,
Чем хоть на сутки печь свою затушат.
Не успокоятся, пока до нитки
Их не обчистит поставщик их прыткий.
Узнать легко их: щеки впалы, серы,
Всегда от них исходит запах серы,
Они грязны, вонючи, что козел;
Хотя бы за версту любой прошел —
И то зловонием вам в нос ударит
От копоти, кислот и всякой гари.

По запаху, по нищенской одежде
Узнаете алхимика вы прежде,
Чем слово молвит. Если же их спросят,
Зачем они такие тряпки носят,
Они тотчас вам на ухо зашепчут,
Что так секрет они скроют крепче
И что, мол, если б их подстерегли,
Они б жизни не уберегли.
Так и дурачат разных простаков.

Эх, вспомнить тошно, что и сам таков!
Но свой рассказ хочу в русло направить.
Пред тем как на огонь горшок поставить
С известной порцией цветных металлов
Иль жидкостей, а иногда кристаллов,
Хозяин смесь ту составляет сам,
И — должное хозяину воздам, —
Чтобы обязанность исполнить эту,

Искуснее его на свете нету.
Но хоть о том уже молва идет,
А каждый раз в беду он попадет.
И знаете, как это с ним бывает?
Вот он сосуд как следует взболтает
И в печь поставит, а тот трах — и вдрывзг
Расплещется на миллионы брызг.
В металлах тех такая скрыта сила,
Что лишь стена бы их остановила,
И то из камня, на крутом растворе.
Ту силу нам не удержать в затворе.
Насквозь стена и настежь потолок, —
И эликсира драгоценный сок
Разбрзызнут по полу, впитался в щели,
А твердые частицы улетели
В проломы стен иль облепили свод.
Таков обычный опыта исход.
Хоть сатана и не являлся нам,
Но думаю, что пребывает сам
Он в это время где-нибудь в соседстве.
Где сатана, там жди греха и бедствий.
В аду, где он хозяин и владыка,
Не большие муки, и тоски великой,
И гнева, и попреков, и раздоров,
И бесконечных бесполезных споров.
Чуть разорвется на огне горшок,
Бранятся все, хотя какой в том прок?

Одни твердят, что виноваты печь
И тот, кто не сумел ее разжечь
Как следует, другой винит меха,
Меня винит, что я не без греха
(Оно, конечно, — я ведь раздуваю):
“Бездельники! Я вас предупреждаю
Который раз, что надо смесь мешать
Особым образом и не держать
Ее на медленном огне сверх меры”.
Кричит нам третий: “Дурни! Маловеры!”

Вопит четветый: “Это все слова.
Всему виной сосновые дрова.
За дело, сэры, не жалейте рук.
Но надо жечь в печи один лишь бук”.
Ну, споров всех мне ввек не передать,
Но только не кончали бушевать
Они всю ночь, и прекращал тот спор
Хозяин мой словами: “Уговор
Припомните. Не вышло? Вновь за дело!
По твердости не то попалось тело.
И нам на будущее всем урок.
Но главное — был с трещиной горшок.
Друзья мои, за дело поскорее.
Пол вымести, и будьте пободрее!”

Мы сор сгребали с пола на холстину,
Ссыпали через сита и в корзину,
И долго ковырялись, чтоб найти
Зерно желанное или спасти
Хоть часть затраченного материала.

“Вот видите, не все у нас пропало.
Пусть не удался опыт в этот раз,
Но сберегли мы смеси про запас.
Рискнем и плавку проведем другую.
Купец ведь тоже кое-чем рискует,
Не каждый год кончает с барышом;
То жертвует своим он кораблем,
Погибшим в море, то сгоревшим складом,
Но относиться к неудачам надо
Спокойней, — убеждает мой патрон. —
Как бы серьезен ни был наш урон,
Но ничего не делайте без спроса.
Теперь иной испробую я способ.
А не удастся, весь ответ на мне.
Ошибка понял я”. И, как во сне,
Мы принимаемся за дело снова.

И спрашивает вновь один другого:
“Не слишком ли огонь в печи был слаб?”

Силен иль слаб, но только не могла б
Удачно завершиться та затея.
Теперь об этом говорить я смею,
А много лет и я был бесноват.
Готов напялить мудрости наряд
Любой из нас, тягаясь с Соломоном,
Но и теперь, как и во время оно,
Мысль мудрого об этом так гласит:
“Не злато многое, хоть и блестит”.
И что б ни говорил вам идиот,
Невкусен часто и красивый плод,
Так и средь нас: на вид дурак умен,
Правдив обманщик, немощный силен.
И прежде чем окончу повесть эту,
Поймете вы, что в том сомнений нету.

Был среди нас один каноник в рясе.
Он в гнусности своей был так ужасен,
Что погубить он мог бы Ниневию,
Афины, Трою, Рим, Александрию, —
Семерку всю великих городов,
И нрав коварный был его таков,
Что и в сто лет проделок не опишешь.
И лжи такой на свете не услышишь,
Какой каноник обольщал людей.
Лукавой лестью, хитростью своей
Он собеседника так одурачит,
Что лишь тогда поймешь, что это значит,
Когда от злых его заплачешь дел;
Не перечтешь, скольких он так поддел.
И продолжать он будет тем же сортом,
Пока не встретит похитрее черта.
Все ж вокруг него ученики теснились
И за советом все к нему стремились
Верхом, пешком из разных городов, —
На свете многоя всяких простаков!

Почтенные каноники, на вас
Не бросит тени этот мой рассказ.
И среди вас греховный брат найдется,
Но орден весь незыблем остается,
И не хочу я никого порочить,
Мне добродетель хочется упрочить.
Среди апостолов Иуда был:
Его пример других не соблазнил,
Один из всех он поступил так худо.
Зато в ответе был один Иуда.
Но если есть Иуда среди вас,
Его не потерпите и тотчас
Исторгните, чтоб он не портил поля
Своими плевелами. Божья воля
Так повелела людям поступать.
Теперь рассказ свой буду продолжать.

Жил в Лондоне на службе панихиидной
Один священник, нравом безобидный.
Он так услужлив был и так приятен
И за столом так весел и опрятен,
Что ни гроша хозяйка не брала;
К тому ж одежда от хозяйки шла,
В деньгах карманных не было отказа.
Отвлекся я, не в этом смысле рассказа
О том, как плут священника провел.

Каноник некий как-то раз пришел
К священнику и попросил учтиво
Взаймы дать марку. Говорил он льстиво:
“Через три дня я вам верну свой долг;
Я дружбой дорожу и в людях толк
Отлично знаю. Дней же через десять
За шею можете меня повесить,
Коль этот долг не будет возвращен”.

Священник просьбой этой был польщен
И тотчас вынес золотую марку.
Его благодарил каноник жарко
И с тем ушел, и в точности в свой срок

Он деньги воротил сполна. Не мог
Священник гостем честным нахвалиться.

“С таким всегда готов я поделиться.
Не страшно нобль-другой тому мне дать,
Кто срок умеет точно соблюдать”.

“Помилуйте! Я не пойму, что значит
Слова такие. Разве мог иначе
Брат поступить? А я, по крайней мере,
Раз слово дал, — всегда я слову верен.
Вы ж так учтивы, так щедры и милы,
Что благодарен буду до могилы
И вам хочу секрет один открыть,
Как можно денег множество добыть.
Я философии не зря учился,
Мне тайный смысл вещей сполна открылся.
Я мастерство свое вам покажу
И вас, наверно, этим поражу”.

“Нет, в самом деле, сэр? Готов я слушать,
Но не хотите ли со мной откушать?”

“Нет, слушайте, коль слушать вы хотите,
Но никому о том не говорите”.

Так мастерски каноник тот, злодей,
Обхаживал доверчивых людей.
Но только правду мудрый говорит,
Что злое дело издали смердит,
И вы увидите тому пример.
Каноник этот, мерзкий изувер,
По наущению католической злобы
Старался всячески нашкодить, чтобы
Ввести людей в соблазн и в тяжкий грех.
Избави Бог от злобы той нас всех.

Не знал священник, с кем имеет дело,
Секрет каноника узнать хотел он.
Глупец! Глупец! Корыстливый простак!
Кто б обмануть себя позволил так?
Слеп ко всему, не ведая беды,
Сам в пасть лисицы напросился ты.

Ты лестью усыплен, скорей проснись,
Чтоб от когтей лисы тебе спастись.
Но нет, напрасно, их не избежать.
И надо мне рассказ мой продолжать
О безрассудстве, слепоте твоей,
О том, как обманул тебя злодей.

Вам может показаться, мой патрон
Каноником был тем? Да нет, не он.
Он во сто крат искусней и хитрее,
В обманах опытней и в мести зле.
О нем мне просто тошно говорить.
Лиць вспомню, и меня начнет душить,
И от стыда желчь ударяет в щеки,
Не кровь: она иссохла. Но уроки
Не зря прошли: меня не обмануть.

“Для наших опытов нужна нам ртуть,
Сказал каноник. – Вы слугу пошлите
И ртуть унца три приобретите.
Лишь только ртуть слуга нам принесет,
Как вещь чудесная произойдет”.

Ртуть получив, он попросил углей,
Чтоб опыты начать ему скорей.
Когда слуга и уголь им добыл,
Каноник ящик небольшой открыл,
И, вынув тигель, начал объяснять он,
Хотя язык его был непонятен
И не касался он при этом сути.

“Возьми сосуд и положи унц ртути.
Все сделай сам, и Божья благодать
Тебе философом поможет стать.
Немногим я свой дар открыть решаюсь,
Но, кажется, в тебе не ошибаюсь.
Один состав я в тигель опущу
И в серебро всю ртуть я обращу,
Ничуть не худшее, чем у торговки
В ее мешне. Металл добудем ковкий,
Без примеси, а нет – так, значит, лгал

Тебе я все и мерзкий я нахал.
Всей силою я порошку обязан,
Но за услугу так к тебе привязан,
Что силу эту показать готов, –
Хоть и боюсь досужих глаз и ртов”.

И слуг они тотчас же отпустили,
Прикрыли ставни, двери затворили.
В каморке темной крепко заперлись
И за работу тотчас принялись.
Усвоив тут же уйму всяких правил,
Священник тигель на очаг поставил;
Раздул огонь, над ним захлопотал,
А друг его свой порошок достал.
Не знаю точно я его состава,
Но в ящике любого костоправа
Подобным зельям хитрым несть числа:
Не то истертый мел, не то зола.
Коль мнение мое узнать хотите, –
Ни фартинга не стоят порошки те,
Но вам скажу, довольно было крошки
Или какой-нибудь ничтожной мошки,
Чтоб жаждущего чуда ослепить.
Потом каноник стал его учить,
Как обращаться надобно с жаровней:
“Смотри, чтобы угли покрывали ровно
Весь тигель твой, и убедишься сам,
Какой секрет тебе я в руки дам”.

“Ах, grand merci”, – хозяин отвечал
И все старательней мехи качал.
Без памяти подарку был он рад.
Тем временем каноник (злобный гад,
Не знал он жалости к врагу ли, к другу ль)
Достал из ящичка древесный уголь,
В котором углубленье просверлил
И серебра немногого положил
(Не больше унца там опилок было);
Дыру надежно воском залепил он.

А чтобы не попасться в том обмане,
Он серебро припрятал там заране,
Что втайне от священника припас.
Все в свой черед откроет мой рассказ.
Он свой обман давно уже замыслил
И каждый шаг свой наперед расчислил.
От замысла не мог он отступить.
(Об этом тошно мне и говорить.
Когда б я мог, я б отплатил злодею.
Но я его настигнуть не умею:
Лишь только нападу на вражий след, —
Глядишь, а там его помину нет.)
Но слушайте, что было дальше, сэры.
Запрятив уголь за обшлаг свой серый,
Он к очагу вплотную подошел
И многоя всяких промахов нашел.
“Так все испортить, друг мой, вы могли!
Смотрите, как вы уголь загребли.
Мне жалко вас, и я вас не оставлю,
Постойте-ка, сейчас я все исправлю.
С вас так и льет, вы слишком суетитесь.
Вот вам платок, — возьмите, оботритесь”.
Пока священник пот с лица стирал,
Каноник мой — чтоб черт его побрал! —
Свой уголь положил как раз над тиглем
И, чтоб его за этим не застигли,
Как будто для того, чтобы помочь,
Огонь раздул мехами во всю мочь.

“Ну, а теперь, мой друг, нам выпить надо.
Вино нам будет за труды наградой.
В порядке все, но лучше обождать
Из очага наш тигель вынимать”.
Меж тем с начинкой уголь прогорел,
И серебро, по свойству твердых тел,
Хоть и расплавясь, в тигель все ж упало.
Как будто бы обмана не бывало,
Каноник пил, хозяин же не знал,

Какой с ним плут, и с нетерпеньем ждал.
Когда алхимик увидал — пора:
Не видно больше в угле серебра, —
Сказал он весело: “Сэр, поднимайтесь,
Кончать работу с Богом принимайтесь.
У вас, я вижу, формы нужной нет,
Но это не беда, и мой совет:
Кусок известняка вы принесите
И чан с водой немедля припасите.
Слеплю я форму: сплав в нее мы выльем,
И нашим тут придет конец усилиям.
А чтоб меня ни в чем подозревать
Вы не могли, я вас сопровождать
Пойду повсюду”. Так и порешили.
Дверь на замок, а ставни все закрыли,
Все принесли и заперлись опять —
Готовый сплав из тигля выливать.
Весь мел столкли, с водою замесили
И форму нужную потом слепили.
Чтобы рассказ не затянутъ до ночи,
Как можно постараюсь быть короче,
Коль подберу пригодные слова.

Но как тайком достал из рукава
Листок серебряный каноник снова,
Как смял его по форме мелового
Вместилища, как снова не заметил
Того священник, — чтоб я не отметил?
Ну нет! Каноника не пощажу,
О всех его проделках расскажу.

А он листок в руку запрятал снова,
Снял тигель с пламени, сказал: “Готово!”
Слил в форму сплав и погрузил все в чан.
И никому не ведом был обман.
“Смотри, мой друг, рукою сам попробуй,
Не надо ждать, пока другую пробой
Определят, что это серебро.
Пусть даже это сплав, и то добро.

От примеси его потом очистим
Да из него монету сами тиснем".
Когда в воде остыл тяжелый сплав,
Каноник в воду обмакнул рукав,
Спустил пластинку и опять достал.

"Хвала Христу, — священник закричал.
И слава вам, каноник благородный!
Пусть буду вечно проклят я, негодный,
Когда, познания усвоив эти,
О них скажу кому-нибудь на свете".

"Так что ж, мы опыт повторим сейчас,
Чтобы наглядней способ был для вас,
Чтоб без меня могли бы добывать
Металлы благородные и стать
Алхимиком. Добавьте эту ртуть.
Пожарче надо нам огонь раздуть.
И сизнова мы повторим урок.
Как видно, вам пошла наука впрок".

Не чая ног, священник заметался:
Вот наконец богатства он дождался.
Очаг раздул и добыл ртути снова,
Каноник же, не говоря ни слова,
С вниманием великим наблюдал.
Потом он палочку свою достал,
А палочка та полая была,
Унц серебра в себе она несла,
И тщательно залеплен был кругом
Конец ее с сокрытым серебром.
Когда священник выбился из сил,
Ему каноник снова подсобил.
Он в тигель высыпал свой порошок
И угли палочкой своей загреб,
И воск от пламени тотчас растаял.
Уловка эта удалась простая,
И в тигель серебро скользнуло так,
Что не заметил ничего простак.

Не знаю, как и рассказать вам, сэры,
Но он обрадован был свыше меры,
Когда его и в этот раз опять
Каноник обманул. Он стал кричать,
Что весь его, и телом и душою.
"Что ж, — отвечал каноник, — я не скрою,
Что хоть и беден, но искусен я,
Но вы еще не знаете меня.
Скажите, нет ли в доме этом меди,
А нет, так, может быть, дадут соседи".

"Да нет, зачем, в кладовку я пойду
И медное там что-нибудь найду".

Принес он меди; ровно унц отвесил
Каноник тотчас, говорлив и весел.
(Его грехи устал я вспоминать:
Язык мой слаб — не может передать
То возмущенье, что меня волнует,
Но пусть со мною всякий негодует.
Я, может быть, смогу предостеречь
Несчастных тех, которых, тщась завлечь,
Каноник лестью подло обольщает
И мастерством коварным завлекает.)

Каноник медь в свой тигель положил,
Сосуд по горло в угольки зарыл,
Засыпал порошок и вылил ртуть
И приказал огонь сильней раздуть.
Каноника искусны были руки.
И всякие проделывал он штуки:
Который раз священник в дураках
Оказывался. Вот и тут монах
Сплав вылил в форму, опустил все в воду
И замутил ее, насыпав соду.
Потом, с молитвою над чаном встав,
Он засучил широкий свой рукав
И, руку опустив на дно сосуда,
Достал пластинку медную оттуда
И незаметно спрятал, а туда,

Пока мутна была вокруг вода,
Из рукава серебряную плашку
Вмиг опустил. Потом, схватив бедняжку
Священника, как бы шутя, за грудь:
“Да что же вы? Помочь хоть чем-нибудь
Вам не мешало б. Руку опустите
И, что на дне там, сами поглядите”.

Вздохнул священник от волненья тяжко
И вытащил серебряную плашку.
Сказал каноник: “Вы скорей меня
Орудуете. С этими тремя
Пластинками мы к ювелиру сходим,
И серебро, как месяц на восходе,
В огне калильном лик свой обнажит.
И пусть душа моя в аду горит,
Коль тот металл не чист, не полновесен”.

От радости весь мир казался тесен
Священнику, он был на все готов,
И оба, не теряя лишних слов,
Пошли испытывать металл добытый,
Еще от гари ими не отмытый.
У ювелира он испытан был
Огнем и молотом, и подтвердил
Им ювелир: товар вполне добротный.
Он купит серебро у них охотно.

Не описать мне радость дуралея.
Так пел, болтал он, глотки не жалея,
Как не встречают птицы дня приход,
Как соловей весною не поет,
Как не щебечут у камина леди,
Когда придут на огонек соседи,
О красоте, турнирах, о любви,
О страсти, полыхающей в крови.
Так рыцарь не упорствует в борьбе,
Чтоб дамы милости снискать себе, —
Как мой священник в мысли утвердился,
Что благородному искусству научился,

И стал просить он напоследок гостя:
“Пусть нас хранят от зла Христовы кости!
В алхимии великий вы адепт.
Ну что вам стоит мне продать рецепт
Тех порошков, которыми все это
Вы сделали? Не выдам я секрета”.
“Секрет не дешев. В Англии лишь двое
Владеют им. Но вам его открою”.
“Так в чем же дело? Говорите — сколько?
Напрасно время мы теряем только”.
“Я не забыл, мой друг, услуги вашей,
И, верьте совести моей монашьей,
Я лишнего от друга не хочу,
И если сорок фунтов получу,
То лишь издержки я свои покрою,
А я ведь беден, этого не скрою”.

Священник отдал сорок фунтов плуту
(Описывать я сделку не могу ту,
А лишь скажу: то был сплошной обман).

Каноник, деньги положив в карман,
Сказал хозяину: “Похвал не надо,
Молчанье будет лучшая награда.
Когда узнают про такой секрет,
Поверите, друг, тогда спасенья нет.
Преследовать они меня начнут.
А то, не дай Бог, вовсе изведут”.

“Да что вы, сэр? Ни слова никому.
Чтоб навредил я другу своему?
Да лучше я с деньгами распрошусь
Иль даже головою поплачуясь!”

“За доброе желание — успех
Пошли Господь вам, — подавляя смех,
Сказал каноник. — А теперь прощайте,
И лихом вы меня не поминайте”.
Ушел каноник, след его простыл.
И вскорости священник приуныл:
Как он ни бился, от утра до света,

Ни серебра, ни золота все нету.
 Был одурачен поделом дурак.
 А плут других доверчивых зевак
 Пошел дурачить, стричь и разорять?
 Что мне еще осталось вам сказать?
 Вот золото, что нас манит все боле.
 С людьми борьбу ведет оно, доколе
 Людей в борьбе совсем не побеждает,
 Само ж от нас бесследно исчезает.
 Мультилицированьем нас слепят,
 И так темно аденты говорят
 О мастерстве своем, что обучиться
 Тому немыслимо. Когда ж случится
 Поговорить им — заболтают вдруг,
 Как будто дятлы поднимают стук
 Иль как сороки вперебой стрекочут, —
 Знай термины и так и эдак точат.
 Но цели не достигнуть им никак.
 Зато легко обучится дурак,
 Мультилицируя, добро терять.
 Себя и близких быстро разорять.

Вот он, алхимии гнилой барыш!
 На ней всего вернее прогоришь,
 И радость в злость и в слезы обратится,
 Никто взаймы дать денег не решится,
 А давший деньги трижды проклянет.
 Когда же наконец простак поймет:
 Обжегшись, на воду нам лучше дуть,
 Чем дать себя на том же обмануть.
 И кто из вас ввязался в это дело,
 Тем мой совет: кончать, пока не съело
 Оно последнего у вас гроша.
 Пословица куда как хороша:
 Чем никогда — так лучше хоть бы поздно.
 Ах, “никогда”, как это слово грозно.
 А вам, забившимся в подвал, в потемки,
 Вам не исполнить обещаний громких,

Вам никогда успеха не достичь,
 А “никогда” — страшнее есть ли бич?
 Упорны вы! Кобыла так слепая
 Бредет вперед, и не подозревая,
 Где смерть ее. Что в храбрости такой?
 На камень прет с разбега конь слепой,
 И так же храбро он его обходит,
 Ведь он всю жизнь свою в потемках бродит.
 Так и алхимики. Уж если глаз
 Вам изменил и соблазняет вас —
 Пусть разума не засыпает око.
 Но как бы разум ни глядел далеко,
 Вам не придется, верьте, сохранить,
 Что удалось награбить и нажить.
 Огонь залейте, если ж разгорится —
 Он против вас же грозно разъярится.
 Бросайте ремесло свое скорей,
 Чтоб не проклясть его самим поздней.

А вот как о своем проклятом деле
 Философы иные разумели:
 Вот, например, Арнольда Виллановы
 Смотри Розарий — “Химии основы”:
 “Не обратить меркурия вам в золото
 Без помощи его родного брата”.

То первым молвил первый алхимист
 Гермес, а по прозванию Трисмегист.
 “И не умрет, не пропадет дракон,
 Пока не будет братом умерщвлен”.
 Меркурий разумел он под драконом,
 А серный камень брат ему законный.
 Все порождают, сами ж рождены:
 От солнца — сера, ртуть же от луны.
 Кто терминов не знает и секретов
 Искусства нашего, тот пусть совета
 Послушает и с миром отойдет.
 Иначе он погибель в том найдет.
 Кто ж все постигнет, тот всему хозяин:

В науке той — тайнейшая из тайн.
Иль вот еще пример: во время оно
Раз ученик так вопросил Платона:
“Скажи, учитель, имя Эликсира?”
“Титан — вот вещество и корень мира”.
“Что есть Титан?” — “Магнезия иначе”.
“Учитель, но ведь ты же обозначил
“Ignotum per ignotius¹” — “Ну, да”.
“Но суть ее?” — “То некая вода,
Слиянье элементов четырех”.
“Ты так скажи, учитель, чтоб я мог
Понять и изучить то вещество”.
“Нет, нет, — сказал Платон, —
Его останется навеки тайной.
И мы, философы, без нужды крайней
Открыть не можем тайну никому.
Она известна Богу одному.
Лишь избранным он тайну открывает,
А чаще доступ к тайне преграждает”.
Вот чем я кончу: если Бог всесильный,
На милости и на дары обильный,
Философам не хочет разрешить
Нас добыванью камня научить, —
Так, значит, думаю я, так и надо.
И кто поддастся наущенью ада
И против воли Господа пойдет, —
Тот в ад и сам, наверно, попадет.
Пускай до смерти будет волхвовать он,
Не сможет никогда счастливым стать он.
Хоть не сухим я вышел из воды,
Но Бог меня избавил от беды
Еще лютейшей. Отягчен грехами,
В спасенье не отчиваюсь. Amen.

Здесь кончается рассказ Слуги каноника

1 Неизвестное неизвестнейшим (*лат.*).

ПРОЛОГ ЭКОНОМА

Здесь следует пролог к рассказу Эконома

От леса Блийн проехали мы прямо
Через селенье “Горбыли да ямы”
(Так Горблдаун паломники зовут).
И распутился наш трактирщик тут:
“А ну, друзья, потянем дружно репку,
Она в грязи, видать, застряла крепко.
Да разбудите же того лентяя,
Того пропойцу, олуха, слюнтяя,
Его любой сумеет вор украсть,
Когда поспать задумает он всласть.
Смотрите, как клюет наш повар носом,
Смотрите, как в седле сидит он косо.
И это повар лондонский? Позор!
Толкните в бок его. Какой бы вздор
Он нам ни рассказал, черед его.
Нам повара известно мастерство:
Рыгали мы не раз, обед откусав.
Эй, повар! Стыдно, друг. Проснись! Послушай!
Не рано ли с полудня отыхать?
Иль ночью блохи не давали спать?
Иль с потаскушками ты колобродил?
Иль, может, пьян ты? При честном народе
Ты подбодрись, нельзя ж так раскисать”.
Весь бледный, повар стал тут бормотать: